

ISSN 2686-7753

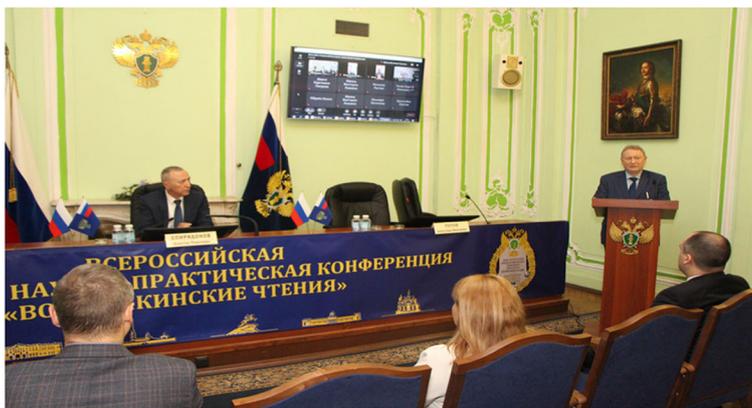
КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 4(49)

Санкт-Петербург
Литейный, 44

СОБЫТИЯ

29 ноября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась X Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Уголовное право России: состояние и перспективы (Волженкинские чтения)».

С приветственным словом к участникам научно-практической конференции обратился директор Санкт-Петербургского юридиче-

ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации А. П. Спиридонов.

В научно-практической конференции приняли участие представители Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Конституционного Суда Российской Федерации, ряда прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных к ним специализированных прокуратур, территориальных подразделений Министерства юстиции Российской Федерации, территориальных подразделений и подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных подразделений Следственного комитета Российской Федерации, налоговых органов, ведущие ученые в области уголовного права и криминологии, представители образовательных организаций высшего образования Москвы, Санкт-Петербурга, Барнаула, Благовещенска, Владивостока, Донецка, Екатеринбурга, Иванова, Иркутска, Кемерово, Кирова, Новороссийска, Махачкалы, Орла, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Симферополя, Ставрополя, Тюмени, Уфы, Челябинска, а также профессорско-преподавательский состав, аспиранты, студенты и слушатели Университета прокуратуры Российской Федерации и других вузов России.

Участники конференции обсудили вопросы совершенствования нормативно-правовой базы, методологического и научно-методического обеспечения деятельности по противодействию преступности и осуществления правоохранительной деятельности в современных условиях обеспечения правопорядка, обменялись опытом по вопросам квалификации преступлений в досудебной и судебной стадиях уголовного преследования.

Работа конференции проходила как в очном формате, так и с использованием видео-конференц-связи

и включала в себя пленарное и два секционных заседания, Трибуну молодого ученого.

Выражаем искреннюю признательность всем гостям и участникам за активное сотрудничество в организации и проведении конференции!

СОБЫТИЯ

17-19 октября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась **VI Всероссийский криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики»**.

В рамках данного научного события **18 октября 2024 года** состоялась **панельная дискуссия «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы. К 70-летию образования криминалистической службы в прокуратуре СССР»**.

В мероприятии приняли участие представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратур субъектов Российской Федерации, представители Следственного комитета Российской Федерации, представители ведущих российских государственных судебно-экспертных учреждений, ученые ведущих юридических вузов России, профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

В ходе дискуссии обсуждены этапы становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры, криминалистические аспекты применения инспекционно-досмотровых комплексов при таможенном контроле, особенности применения фотосъемки при производстве следственных действий, актуальные проблемы расследования и предупреждения киберпреступлений, функции следователей-криминалистов в моделях получения сведений из информационных систем, криминалистические аспекты использования информации из социальных сетей в социальной инженерии; проблемы «полевой криминалистики» на современном этапе, криминалистическая типология участников преступлений диверсионной направленности, особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности; проблемы формирования доказательств в уголовном процессе и другие проблемы современной криминалистики.

В ходе дискуссии обсуждены этапы становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры, криминалистические аспекты применения инспекционно-досмотровых комплексов при таможенном контроле, особенности применения фотосъемки при производстве следственных действий, актуальные проблемы расследования и предупреждения киберпреступлений, функции следователей-криминалистов в моделях получения сведений из информационных систем, криминалистические аспекты использования информации из социальных сетей в социальной инженерии; проблемы «полевой криминалистики» на современном этапе, криминалистическая типология участников преступлений диверсионной направленности, особенности поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности; проблемы формирования доказательств в уголовном процессе и другие проблемы современной криминалистики.

Благодарим всех участников форума!

Подробности на сайте Института: www.procuror.spb.ru

КРИМИНАЛИСТЪ

2024 № 4 (49)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2008 года Санкт-Петербургским юридическим институтом (филиалом)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Учредитель Университет прокуратуры Российской Федерации

Главный редактор А. П. Спиридонов, директор Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. Ю. Захаров, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации; Н. Е. Солнышкина, начальник управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе; Т. А. Ашурбеков, доктор юридических наук; Е. Е. Амлеева, кандидат юридических наук, доцент; И. А. Антонов, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Болотина, доктор юридических наук; Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор; И. В. Гончаров, доктор юридических наук, профессор; Л. В. Готчина, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор; Н. А. Данилова, доктор юридических наук, профессор; А. А. Дорская, доктор юридических наук, профессор; И. Г. Дудко, доктор юридических наук, профессор; Е. В. Емельянова, доктор юридических наук, профессор; Е. Р. Ерашев, доктор юридических наук, профессор; Г. П. Ермолович, доктор юридических наук, профессор; В. Н. Исаенко, доктор юридических наук, профессор; А. С. Карцов, доктор юридических наук; Н. П. Кириллова, доктор юридических наук; О. Н. Коришунова, доктор юридических наук, профессор; Э. К. Кутуев, доктор юридических наук, профессор; В. В. Лавров, кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент; Ю. В. Мишальченко, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор; Н. С. Нижник, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор; М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор; А. Н. Попов, доктор юридических наук, профессор; С. М. Прокофьева, доктор юридических наук, профессор; Е. Н. Рахманова, доктор юридических наук; Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор; Е. Б. Серова, кандидат юридических наук, доцент; С. А. Смирнова, доктор юридических наук, профессор; Ю. А. Тимошенко, доктор юридических наук; Н. И. Уткин, доктор юридических наук, профессор; О. В. Чельшева, доктор юридических наук, профессор; Ю. Б. Шубников, доктор юридических

наук, профессор; В. С. Шадрин, доктор юридических наук, профессор; В. Ф. Щепельков, доктор юридических наук, профессор; А. А. Эксархонцло, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия

А. П. Спиридонов (главный редактор), доктор юридических наук, профессор; Р. Д. Шаранов (заместитель главного редактора), доктор юридических наук, профессор; М. А. Григорьева (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; О. А. Гуреева, кандидат юридических наук; Е. В. Елагина, кандидат юридических наук, доцент; Д. Ю. Краев, кандидат юридических наук, доцент; Е. Л. Никитин, кандидат юридических наук, доцент; Т. Г. Николаева, доктор юридических наук, профессор; А. А. Сапожков, кандидат юридических наук, доцент; И. Л. Честнов, доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции:

191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: kriminalist_institut@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76805 от 16.09.2019. Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1; 5.1.2; 5.1.4

Подписано в печать 06.12.2024. Печ. л. 20,0. Формат 60x84/8. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–160). Заказ 32/24.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, г. Санкт-Петербург, Литейный просп., 44
E-mail: rio-procuror@yandex.ru

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных материалах несут авторы. Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Вешняков Д. Ю.* Квалификация действий, связанных с распространением заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего3
- Глушков М. Р.* Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 4. Проект НИГ 10
- Игнатенко Е. А.* Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству стран СНГ15
- Исаенко В. Н.* Криминалистическое мышление следователя в трудах профессора В. С. Бурдановой.....22
- Ковалева М. Г., Корсаков К. А.* Формирование протокола судебного заседания и разрешение конфликта субъектов его формирования.....27
- Кучин О. С.* Неправомерный оборот средств платежей: к вопросу о предмете преступления34
- Мингалимова М. Ф.* Конфискация автомобиля, приобретенного в кредит, по договору финансового лизинга или на основании социального контракта, при совершении преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения.....44
- Овсянников И. В.* Прогнозирование экспертом будущего поведения несовершеннолетнего обвиняемого: за и против...53
- Петрова О. В., Зворыгин И. С.* Электронная копия обвинительного заключения: оптимизация или имитация?.....59
- Сидоренко Е. В.* Особенности уголовного преследования за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности.....65
- Спасов М. А.* Проблемные аспекты использования государственным обвинителем средств визуализации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей71
- Федышина П. В.* Источник повышенной опасности при совершении преступления общепроцентным способом78

**ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ
(ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ**

- Кабанова М. Б.* «Промышленная безопасность»: юридическое содержание термина 85
- Кожевников О. А., Зайцева И. И.* К истории советского периода прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности91
- Коряченко С. И.* Актуальные вопросы взаимодействия субъектов публично-правового механизма при обеспечении прокурором законности градостроительной деятельности.....97
- Синявская С. П., Корнева Т. С.* Особенности формирования и реализации лингвистических знаний в прокурорской деятельности103
- Шурпаев Ш. М., Плугарь Д. М.* Вопросы осуществления прокурорского надзора за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок109

**ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ**

- Ломакина И. Б.* Субъект права в дискуссионных практиках Востока и Запада: антрополого-правовой подход.....118

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

- Бабаков В. В., Батуева И. Б.* Видный ученый-криминолог. Памяти профессора В. В. Колесникова.....127
- Елагина Е. В.* Игорь Евсеевич Быховский — ученый, преподаватель, человек136

**РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ**

- Григорьева М. А.* VI Всероссийский криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Обзор научного мероприятия 143
- Кулик Н. В., Сычев Д. А.* Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности» 151

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
ББК 343.3/7

КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЗДОРОВЬЕ ПОТЕРПЕВШЕГО

Дмитрий Юрьевич ВЕШНЯКОВ

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
d.veshnyakov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации распространения заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего (ч. 4 ст. 128.1, ст. 207.1, 207.2 УК РФ). Автор критически оценивает судебную практику и указывает на необходимость отграничения признаков преступления с учетом целей распространения соответствующей информации. Отдельное внимание автор уделяет проблеме интерпретации адресатом информации ее смысла при использовании специальных терминов (медицинского сленга), а также при высказывании оценочных суждений. Отмечается, что в определенных случаях распространение заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего может не представлять общественной опасности и быть признано малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Ключевые слова: клевета, квалификация преступлений, распространение заведомо ложных сведений, информация о здоровье потерпевшего

Для цитирования: Вешняков Д. Ю. Квалификация действий, связанных с распространением заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 3–9.

Original article

QUALIFICATION OF ACTIONS RELATED TO THE DISSEMINATION OF DELIBERATELY FALSE INFORMATION ABOUT THE VICTIM'S HEALTH

Dmitry Y. VESHNYAKOV

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, d.veshnyakov@yandex.ru

Abstract. The article examines the challenges arising in the qualification of disseminating knowingly false information about a victim's health (part 4 of Article 128.1, Articles 207.1, 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author critically evaluates judicial practice

© Вешняков Д. Ю., 2024

and highlights the need to delineate the constituent elements of the offence, taking into account the purpose behind the dissemination of such information. Special attention is paid to the issue of how the recipient interprets the meaning of the information, especially when special terms (medical slang) or subjective opinions are employed. It is noted that in certain circumstances the dissemination of knowingly false information about a victim's health may not pose a significant threat to society and could be deemed a minor offence under (part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: defamation, crime classification, dissemination of knowingly false information, information concerning victim health

For citation: Veshnyakov D. Y. Qualification of actions related to the dissemination of deliberately false information about the victim's health. *Criminalist*. 2024;4(49):3-9. (In Russ.).

Информация о здоровье человека относится к разряду особо чувствительной, поскольку ее содержание окружающие интерпретируют в повседневной коммуникации, создавая образ человека не только в сугубо личном, но и в деловом измерении. В условиях пандемии коронавирусной инфекции (2019-нCoV) проблема нарушения личных прав гражданина при распространении информации о его здоровье только обострилась, поскольку окружающими подобная информация стала восприниматься еще и в контексте возникающих опасений возможного заражения от контактирующих с ними лиц.

Криминализация публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, являлась закономерным следствием сложившейся обстановки, и появление новых составов преступлений (ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ) создало правовую основу для противодействия распространению недостоверной информации, способной породить страх и панику среди населения, средствами уголовного права. Дальнейшее развитие институтов противодействия распространению ложной информации средствами уголовного права также было связано с появлением новой редакции ст. 128.1 УК РФ, уточнением

признаков клеветы и санкций за ее совершение¹.

Как итог, в сложившейся системе преступлений, связанных с распространением заведомо ложной информации о здоровье человека, по УК РФ предметом преступления выступают сведения о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих.

Законодатель последовательно претворяет в жизнь тезис о недопустимости распространения недостоверной информации о фактах и событиях общественно значимых. При этом относительно распространения информации о здоровье потерпевшего, как и в целом в отношении других преступлений, связанных с распространением заведомо ложной информации, существует явно выраженная тенденция к усилению уголовной ответственности. Строгость наказания в рассматриваемом случае призвана показать изменившиеся пределы терпимости в обществе к ложной информации и осознание разрушительного воздействия такой информации на общественное спокойствие.

Квалифицированный состав клеветы (ч. 4 ст. 128.1 УК РФ) описывает соответствующее преступление как клевету о том, что лицо страдает заболеванием,

¹ См.: О внесении изменений в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 538-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

представляющим опасность для окружающих.

Диспозиция уголовно-правовой нормы, предусмотренной ч. 4 ст. 128.1 УК РФ, находится в корреляционной связи с Перечнем заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 года № 715 (ред. от 31 января 2020 г.), исходя из которого и определяется предмет квалифицированной клеветы. Указанный Перечень включает: болезнь, вызванную ВИЧ; вирусные лихорадки, передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки; гельминтозы; гепатит В и С; дифтерию; инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; лепру; малярию; педикулез, акариаз и другие инфестации; сип и мелиодоз; сибирскую язву; туберкулез; холеру; чуму; коронавирусную инфекцию (2019-nCoV).

В то же время применительно к частному случаю коронавирусной инфекции (2019-nCoV) и квалификации действий, связанных с распространением заведомо ложной информации о ней, Верховный Суд Российской Федерации отмечал, что для целей ст. 207.1 и 207.2 УК РФ под заведомо ложной информацией, в том числе об обстоятельствах распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т. п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему¹.

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Может ли правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации быть применима и в случае распространения заведомо ложной информации о других болезнях, представляющих опасность для окружающих?

Очевидно, да, поскольку легальная дефиниция понятия «обстоятельства, представляющие угрозу жизни и безопасности граждан», приведенная в примечании к ст. 207.1 УК РФ, в качестве одного из обязательных признаков включает в себя наступление последствий в виде человеческих жертв, нанесения ущерба здоровью людей. Все заболевания из упомянутого Перечня по характеру своего распространения и возможности наступления летального исхода таким признакам соответствуют.

УК РФ не определяет конкретные количественные значения таких последствий. Следуя букве уголовного закона, действие соответствующих обстоятельств может затрагивать любое количество человек более одного.

Получается, что публичное распространение под видом достоверных сведений заведомо ложной информации о наличии заболевания, представляющего опасность для окружающих, у группы людей (двух и более) может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 207.1 или 207.2 УК РФ?

Вероятно, ответ должен быть положительным. Однако совершения самих по себе действий, связанных с распространением информации о наличии заболевания, представляющего опасность для окружающих, недостаточно для их квалификации по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ, поскольку обязательным признаком указанных составов преступлений является прямой умысел по отношению к совершаемым действиям. При этом в судебной практике наличие прямого умысла нередко связывается с наличием цели совершения таких действий, соответ-

ствующих объекту уголовно-правовой охраны ст. 207.1 и 207.2 УК РФ.

Отменяя приговор и апелляционное постановление, а также прекращая уголовное дело по ст. 207.1 УК РФ, суд апелляционной инстанции не мотивировал наличие у З. прямого умысла и не подтвердил, что она преследовала цель спровоцировать панику среди населения и нарушение правопорядка¹.

Цель совершения действий, связанных с публичным распространением заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, не является конститутивным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ. Однако подход судов, определяющих субъективную сторону соответствующих преступлений через призму цели совершаемых действий, следует поддержать, поскольку он позволяет отграничить преступления, предусмотренные ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, от других преступлений (прежде всего от клеветы, предусмотренной ч. 4 ст. 128.1 УК РФ), а также довольно точно обозначить соотношение такого преступления с объектом уголовно-правовой охраны, в качестве которого выступает общественная безопасность.

Таким образом, квалификация действий, связанных с распространением заведомо ложной информации о здоровье человека, по ст. 207.1 или 207.2 УК РФ возможна только в довольно редких ситуациях, когда одновременно наличествуют несколько условий: 1) распространяемая информация о заболевании, представляющем опасность для окружающих, касается группы людей (двух или более человек); 2) информация распространяется с прямым умыслом и с целью распространения панических настроений.

¹ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2024 г. № 77-1383/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Квалификация клеветы не требует того, чтобы виновный передавал распространяемую информацию под видом достоверной. Поэтому главной проблемой доказывания клеветы остается подтверждение факта отсутствия достоверного знания виновным об отсутствии заболевания у потерпевшего и отграничение такой ложной информации от мнения (личной оценки), высказанного в качестве некоего вероятностного знания.

Прекращая уголовное дело в отношении Р., обвинявшейся по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ, суд кассационной инстанции указал следующее: высказывания Р. — «Д. плохо выглядит, у него глисты и ему надо лечиться», а также «Д. болен глистами, отчего от него ушла жена» — не позволяют сделать вывод, что Р. было достоверно известно об отсутствии у Д. соответствующего заболевания (гельминтоза). Суд также отметил, что высказанные Р. сведения о наличии у Д. заболевания, представляющего опасность для окружающих, является ее субъективным мнением, основанным на личном восприятии².

Интерпретация информации, полученной в результате личного восприятия, должна быть основана на определенных объективных данных, наблюдении симптомов заболевания. При этом ошибочность сформированного субъективного мнения не должна быть очевидна, противоречить имеющимся в наличии у виновного сведениям (например, данным о результатах медицинского обследования потерпевшего). Само же по себе приращение передаваемой информации характера оценочного суждения, высказанного виновным, не исключает квалификации таких действий в качестве клеветы. В частности, исполь-

² Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2021 г. по делу № 77-667/2021 // Третий кассационный суд общей юрисдикции : офиц. сайт. URL: <https://3kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 21.05.2024).

зование таких словесных оборотов, как «по моему мнению» или «как мне кажется», в любом случае требует дополнительной оценки исходя из общего контекста и обстоятельств передачи соответствующей информации.

Уголовный закон не требует того, чтобы клеветнические сведения сообщались виновным таким образом, чтобы ложная информация могла быть правильно интерпретирована адресатом.

Последний тезис наглядно может быть продемонстрирован на примере использования сленгизмов (для рассматриваемой проблемы — терминов и выражений медицинского сленга).

Использование медицинского сленга, как правило, связано с коммуникацией в неформальной ситуации и в едином лингвистическом пространстве, в котором носители языка имеют одинаковый уровень языковой культуры. При этом сам по себе термин как новая языковая единица является результатом объективации в языковых формах знаний, полученных в процессе научно-познавательной деятельности; часто он носит производный характер от соответствующих терминов греческого или латинского происхождения и имеет общую с ними словесную модель.

В отдельных случаях формирование термина может являться результатом деперсонализации пациентов, которые профильными специалистами (врачами, младшим медицинским персоналом) именуется по названию болезни. В частности, к таким терминам (сленгизмам) могут быть отнесены следующие: «бэцэшник» — пациент, у которого одновременно обнаружен и гепатит В, и гепатит С; «люсёк» — пациент с сифилисом (от латинского *leus* — сифилис); «веник» — пациент с венерическим заболеванием.

По мнению Л. Ф. Ельцовой, сленг в медицине не рассчитан на широкое

применение, его невозможно правильно использовать без знания медицинской терминологии [1, с. 65]. Однако такой подход в контексте служебной роли подобной информации, во-первых, не исключает того, что получатель информации будет способен воспринять ее действительный смысл, во-вторых, в случае, когда ложная информация получена или может быть получена неопределенным кругом лиц, умысел в таких действиях носит неконкретизированный характер и, как следствие, виновный, используя сленговые термины и выражения, не может не допускать вероятность восприятия такой информации. Иное положение вещей *de facto* означало бы, что объективно общественно опасные действия не могут быть квалифицированы по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ в связи с отсутствием необходимых субъективных признаков преступления (умышленной формы вины).

Н. А. Егорова отмечает, что системное толкование уголовного закона дает основание полагать, что клевета, предусмотренная ч. 4 ст. 128.1 УК РФ, может быть совершена только в отношении индивидуально определенных лиц (одного или более) [2, с. 43].

В контексте применения ст. 207.1 и 207.2 УК РФ характер распространения информации — в отношении индивидуально определенного лица или лиц либо неперсонифицированного лица или группы — значения не имеет. Такой вывод предопределен тем, что в рассматриваемых статьях УК РФ, как пишет Е. А. Ильяшенко, «сведения о событиях или фактах, которые касаются неопределенного круга лиц, способны оказывать влияние на их жизнедеятельность и которые нарушают состояние защищенности жизненно важных общественных интересов» [3, с. 17].

Иными словами, персонификация сведений, которые могут составлять

предмет преступлений, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, может вообще отсутствовать, а информация о заболевании, опасном для окружающих, может распространяться во взаимной увязке с информацией, например, о месте или определенных обстоятельствах, а не лицах, страдающих соответствующим заболеванием.

В. осуждена по ч. 1 ст. 207 УК РФ за распространение на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» сообщения об этапировании сотрудниками УФСИН России лиц без средств индивидуальной защиты вместе с лицами, имеющими признаки коронавирусной инфекции¹.

Деперсонализация информации о здоровье лиц, страдающих заболеванием, представляющим опасность для окружающих, в рассматриваемом случае не исключает того, что в результате передачи подобных сведений адресаты такой информации будут испытывать тревожность, ощущать свою незащищенность. Информация о заболевании остается в фокусе внимания ее адресата, поскольку контекст ситуации указывает на возможность распространения заболевания в широкой по своему охвату группе лиц, отсутствие объективных препятствий для ограничения ее распространения. Масштабирование эффекта от полученной заведомо ложной информации приводит к возрастанию общественной опасности распространения такой информации, в итоге создавая угрозу общественной безопасности в целом.

Квалификация распространения заведомо ложной информации о заболеваниях, представляющих опасность для окружающих, по ч. 4 ст. 128.1 УК РФ не означает, что клевета о заболевании по-

терпевшим иным заболеванием не является преступной. Такие действия могут быть квалифицированы по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ.

Информация о любом заболевании независимо от характера течения заболевания (острое или хроническое), специфики патологических изменений (молекулярные, клеточные, тканевые и т. д.), этиологического фактора (вызваны механическими, химическими, биологическими и иными факторами) либо способа лечения может быть воспринята потерпевшим как порочащая его честь и достоинство либо подрывающая его деловую репутацию. В то же время следует учитывать, что в зависимости от контекста и адресата ложной информации само по себе распространение ложной информации может не представлять общественной опасности и быть признано малозначительным деянием (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Безусловно, такой вывод неприменим к распространению заведомо ложной информации о заболевании, представляющем опасность для окружающих (содержание такой информации само по себе указывает на повышенную общественную опасность соответствующих действий), но в остальных случаях априори его исключать нельзя.

В заключение отметим, что квалификация действий, связанных с распространением заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего, связана с разрешением общих проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 128.1, 207.1, 207.2 УК РФ, а также с вопросами разграничения указанных преступлений.

Специфика языковой среды, в которой совершается преступление, а также контекст конкретной ситуации, в которой происходит распространение заведомо ложной информации о здоровье потерпевшего, хотя и могут требовать дополнительных специальных позна-

¹ Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 апреля 2022 г. по делу № 77-952/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ний для правильного, корректного учета при принятии юридически значимых решений, но указанные обстоятельства не создают новых специальных правил

для квалификации рассмотренных преступлений и подчинены общим квалификационным правилам для соответствующих преступлений.

Список источников

1. Ельцова Л. Ф. Медицинский сленг как компонент языка медицины // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77), ч. 2. С. 65–68.
2. Егорова Н. А. Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3. С. 41–45.
3. Ильяшенко Е. А. Общественно значимая информация как предмет преступлений против общественной безопасности // Российский следователь. 2024. № 6. С. 15–17.

Информация об авторе

Д. Ю. Вешняков – доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. Y. Veshnyakov – Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg State University, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.985

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ДОПРОСА. ЧАСТЬ 4. ПРОЕКТ HIG

Максим Рудольфович ГЛУШКОВ

*Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@skspsba.ru*

Аннотация. В статье представлен опыт проведения допросов правоохранительными органами Соединенных Штатов Америки, специализирующимися на борьбе с терроризмом. Показаны вторичность и эклектичность подхода, практикуемого в группе HIG (High Value Detainee Interrogation Group – группа допросов особо значимых задержанных), – он заимствует методы, используемые в когнитивном интервью, технике PEACE, оценке валидности утверждений. Приводится пример уголовного дела, в котором применение подхода увенчалось успехом. Несмотря на то, что следствие по этому делу проходило в существенно иных правовых реалиях (в России сложно представить обвинительный приговор за убийство на таком объеме доказательств), и на то, что HIG практически перестала существовать, данный пример представляет интерес как иллюстрация идеи о том, что методичное и обстоятельное расследование может обеспечить раскрытие преступления в ситуации, когда шансов на это, казалось бы, нет.

Ключевые слова: обеспечение законных допросов, группа по допросам особо важных задержанных, модель допроса PEACE, Олдерт Фрай, когнитивное интервью, техника стратегического использования улик, убийство Херви Меделина, Джордж Пиро

Для цитирования: Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 4. Проект HIG // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 10–14.

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN APPLYING TACTICAL INTERROGATION TECHNIQUES. PART 4. HIG PROJECT

Maxim R. GLUSHKOV

*St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@skspsba.ru*

Abstract. The article presents the experience of interrogation techniques employed by law enforcement agencies of the United States of America specializing in combating terrorism. The author has highlighted the derivative and eclectic nature of the approach practiced by the HIG (high detainee interrogation group) group which borrows the methods used from cognitive interview, PEACE technique, and statement validity assessment. An example of a criminal case in which the application of the approach was successful is given. Despite the fact that the investigation in this case took place in significantly different legal realities (it is difficult to imagine a conviction for murder on such a volume of evidence in Russia), and despite the fact that HIG practically ceased to exist, this example is of interest as an illustration of the idea that a methodical and thorough

© Глушков М. Р., 2024

investigation can ensure the disclosure of a crime in situations where there would seem to be no chance of this.

Keywords: ensuring lawful interrogations, High-Value Detainee Interrogation Group, PEACE interrogation model, Aldert Vrij, cognitive interviewing, strategic use of evidence technique, murder of Hervey Medellin, George Piro

For citation: Glushkov M. R. Foreign experience in applying tactical interrogation techniques. Part 4. HIG project. *Criminalist*. 2024;4(49):10-14. (In Russ.).

В 2004 году широкий резонанс получил сюжет телеканала CBS о пытках заключенных в тюрьме «Абу-Грейб», где содержались захваченные американскими военными граждане Ирака, заподозренные в сотрудничестве с повстанцами. В дальнейшем стало известно, что подобные случаи имели место и в других военных тюрьмах — «Кэмп-Букка», в аэропорту г. Мосула, военно-морской базе в Гуантанамо и т. д. Под давлением общественности и правозащитных организаций было проведено расследование этих преступлений, а претендент на пост президента США сенатор Барак Обама в рамках своей предвыборной кампании 2008 года пообещал прекратить применение в стране пыток лиц, подозреваемых в терроризме. Через день после инаугурации он подписал указ (Executive Order № 13491 of January 22, 2009) «Обеспечение законных допросов» (Ensuring Lawful Interrogations)¹.

В ходе реализации этого указа была создана группа по допросам особо важных задержанных HIG (High-Value Detainee Interrogation Group). Верховенство права в ее работе обеспечивалось, помимо прочего, тем обстоятельством, что работу группы возглавил директор, назначаемый Федеральным бюро расследований (оно подчиняется генеральному прокурору Соединенных Штатов Америки). Особенностью этой структуры стал смешанный состав — оперативное подразделение в ней было представлено сотрудниками ФБР, ЦРУ

¹Wikisource : сайт. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Executive_Order_13491 (дата обращения: 10.09.2024).

и министерства обороны, которые проводили допросы, как правило, с выездом в страны, где США вело «войну с терроризмом». Исследовательское подразделение, в котором работали психологи, занималось поиском наиболее эффективных техник допроса, в том числе путем изучения зарубежного опыта. Всего под эгидой группы было проведено около 60 научно-исследовательских разработок, как собственных, так и заказных, оплаченных из бюджета HIG.

Несмотря на то, что сам факт существования группы хорошо известен и многократно освещался в СМИ, конкретные результаты ее работы из сообщений секретности нигде не публиковались. Судить об этой работе можно по обрывочным сведениям, попавшим в открытый доступ благодаря участию членов HIG в научных форумах, их публикациям, а также серии тренингов, проводимых с детективами и силовиками по всей стране.

Так, известно, что особый интерес группы вызвали модель допроса PEACE [1] и работы британского психолога Олдерта Фрая [2], а также когнитивное интервью.

Ниже приводится структура недельного курса для сотрудников, изучающих тактику допроса в рамках проекта HIG (рисунок). Почти все ее элементы рассматривались нами ранее [1; 3; 4] или интуитивно понятны, и пояснений требует разве что SUE — техника стратегического использования улик (Strategic Use of Evidence)².

² Само же слово *sue* означает (подать) иск, засудить.

Рис. Структура недельного тренинга в рамках проекта HIG [5].

Эта техника тоже позиционируется как допросная, но не так самобытна и не имеет существенных особенностей, исключая разве что акцент, который сделан на таком тактическом приеме, как предъявление доказательств. Посвященные ей источники оставляют открытым вопрос о том, чем проведенный по этой методике допрос отличается от «просто допроса».

Так, в одном из них SUE определяется как «подход, основанный на доказательствах, который направлен на активное выявление диагностических признаков обмана и правды (например, более высокая степень несоответствия доказательствам в заявлениях лжецов по сравнению с теми, кто говорит правду) путем стратегического опроса подозреваемых» [6]. В другом предлагается такая структура методики: 1) планирование интервью; 2) информирование подозреваемого (о его правах и сущности подозрения); 3) стадия свободного вспоминания; 4) стадия вопросов; 5) подтверждение показаний (необходимо убедиться в том, что они правильно поняты следователем); 6) сопоставление показаний с другой инкриминирующей информацией [7]. В третьем провозглашаются

принципы SUE, один тривиальнее другого: «Подозреваемый будет строить предположения о том, какого рода информация о нем имеется у следствия», «Устные показания подозреваемого содержат признаки правды/лжи, а также новую значимую для дела информацию» [8] и т. п. В четвертом раскрывается сущность процедуры, тоже в духе Капитана Очевидность: «Подход стратегического использования доказательств основан на предпосылке, что существуют различия между тем, как лжецы и говорящие правду пытаются убедить следователя в своей невиновности» [9].

Созданная для армейской разведки и антитеррористических подразделений методика HIG применима (и применялась) при расследовании общеуголовных преступлений. Известность в этом плане получило уголовное дело по факту обнаружения в январе 2012 года расчлененного трупа 66-летнего Херви Меделина (Hervey Medelline), коллекционера произведений искусства из Лос-Анджелеса¹. В убийстве подозре-

¹ Части тела были разбросаны в Каньоне Бронсон, расположенном прямо под белыми буквами «Голливуд», и СМИ наперебой освещали это событие, особенно когда выяснилось,

вался его сожитель по фамилии Кампос-Мартинес, который, однако, какую-либо причастность к преступлению отрицал, заявив, что потерпевший еще в декабре 2011 года уехал в Мексику и больше не появлялся.

Полиция зашла в тупик, хотя и имела некоторые косвенные улики. Новый импульс следствие получило через два года, когда для правоохранителей Лос-Анджелеса были организованы тренинги НIG, которые проводил бывший директор этого проекта Джордж Пиро, в свое время работавший на процессе Саада Хусейна главным интервьюером обвиняемого.

К Кампос-Мартинесу, который к тому времени переехал в другой штат, отправились два детектива, чтобы «посмотреть на дело свежим взглядом» (раньше по убийству работали их коллеги) и заодно опробовать полученные у Пиро навыки.

Они пригласили подозреваемого не в участок, а буквально в гости — в свой гостиничный номер. Кампос-Мартинес заявил, что занят на работе и не сможет уделить им более получаса, на что детективы сразу же согласились («Все в порядке, нам сгодится любое время, которое у Вас получится выкроить»). Общение проходило в непринужденной обстановке, в просторном и освещенном помещении (что явно не одобрили бы Инбау и Рид), среди разбросанных чемоданов, вещей и бумаг, в прямом смысле «без протокола» — блокнотов, диктофонов и планшетов. Это вообще не было похоже на допрос, казалось, три человека, которых свели обстоятельства, присели обсудить свои дела.

Начав беседу, детективы затем говорили все меньше, а подозреваемый — все больше. Чувствуя себя уверенно и не ощущая угрозы (в отличие от первых допросов), он предался воспоминаниям,

что полицией отрабатывается на причастность телохранитель Бреда Питта, живший по соседству.

приводя различные детали из их с Меделином жизни. В какой-то момент, например, речь зашла о прогулках по Голливудским холмам, и допрашиваемый заговорил про запахи растений, цвет заходящего солнца и другие впечатления.

В итоге общение продолжалось более пяти часов, ради чего Кампос-Мартинес отпросился с работы и позвонил домой, сказав, что задержится. Все это время детективы периодически отлучались якобы для важных звонков, а на самом деле спускались в лобби, где через подслушивающие устройства за беседой следили консультант из НIG и один из детективов, работавших по делу с самого начала. Они консультировали интервьюеров о том, какие из направлений рассказа являются тупиковыми, а какие, напротив, следует развивать (ко вторым относились в первую очередь проверяемые факты).

Эта беседа в отеле усилила подозрения. Кампос-Мартинес наговорил много такого, что было быстро проверено и не подтвердилось, например про звонок Меделина из Мексики. Также детективы обратили внимание, что как только речь заходит о предполагаемом времени убийства, из рассказа исчезают детали, «уходят запахи и звуки», а сам он становится схематичным, что консультанты в НIG учили расценивать как признак вымысла. Вдобавок допрашиваемый упомянул о растущем в Голливуде растении датура, которое обладает сильным дурманящим действием, а следствие исходило из того, что потерпевший был убит, будучи в бессознательном состоянии.

Какие еще имелись доказательства в отношении Кампос-Мартинеса, источник [1] умалчивает, но в конечном счете он был осужден за убийство Меделина, хотя так никогда и не сознался в нем.

Получив признание в первые годы своего существования, проект НIG в дальнейшем развивался менее активно. Поначалу специалистов группы при-

глашали для участия во многих громких уголовных делах — они допрашивали Джохара Царнаева, устроившего взрывы на Бостонском марафоне в апреле 2013 года, вдову лидера ИГИЛ Умм Сайяф (2015 год) и других фигурантов резонансных дел. Потом это стало происходить все реже, со временем ФБР от-

крыто пренебрегало услугами НИГ¹, из группы начали увольняться сотрудники. По данным некоторых источников, ФБР больше не применяет разработки группы и ориентируется на технику Рида, привычную многим поколениям детективов [10].

Список источников

1. Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 2. Методика PEACE // КриминалистЪ. 2024. № 2 (47). С. 34–39.
2. Kolker R. A Severed Head, Two Cops, and the Radical Future of Interrogation // WIRED. May 24. 2016. URL: <https://www.wired.com/2016/05/how-to-interrogate-suspects/> (дата обращения: 16.05.2023).
3. Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 1. Техника Рида // КриминалистЪ. 2024. № 1 (46). С. 29–23.
4. Глушков М. Р. Зарубежный опыт применения тактических приемов допроса. Часть 3. Оценка валидности утверждений // КриминалистЪ. 2024. № 3 (48). С. 11–18.
5. Brandon Susan E., Arthur Joeanna C., Gray David G., Meissner Christian A., Kleinman Steven M., Russano Melissa B., Wells Simon. The High-Value Detainee Interrogation Group (HIG): Inception, evolution and outcomes // Operational psychology: A new field to support national security and public safety. Praeger, 2019. P. 263–285.
6. Clemens F. Detecting lies about past and future actions: The Strategic Use of Evidence (SUE) technique and suspects' strategies: doctoral dissertation in psychology. Gothenburg University, 2013. 79 p.
7. Granhag Pär Anders, Strömwall Leif A., Hartwig Maria. The SUE technique: The way to interview to detect deception // Forensic Update. Vol. 88. 2007. January. P. 26–27.
8. Strategic Use of Evidence (SUE) in Investigative Interviews // Forensic Interview Solutions : site. URL: <https://www.fis-international.com/assets/Uploads/resources/Handout-for-Webinar.pdf> (дата обращения: 15.05.2023).
9. Strategic Use of Evidence (SUE) // Resource Center for Investigative Interviewing (Louisiana State University) : site. URL: <https://sites01.lsu.edu/faculty/rcii/strategic-use-of-evidence-sue/> (дата обращения: 15.05.2023).
10. Watkins A. Elite terrorist interrogation team withers under Trump // Politico. 05/12/2017. URL: <https://www.politico.com/story/2017/12/05/elite-terrorist-interrogation-trump-279930> (дата обращения: 03.04.2023).

Информация об авторе

М. Р. Глушков — заведующий лабораторией по исследованию проблем процессуальной деятельности следственных органов научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the author

M. R. Glushkov — Head at the Laboratory for the study of problems in the procedural activities of the investigative bodies at the Research Department, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

¹ В 2017 году в Сирии попал в плен боевик ИГИЛ, оказавшийся американским гражданином. Считалось, что лучшего случая для подключения НИГ не придумаешь, однако в руководстве ФБР решили иначе, и допросы задержанного прошли без экспертов группы.

Научная статья
УДК 343.34

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН СНГ

Евгений Александрович ИГНАТЕНКО

*Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации,
Москва, Россия, iea13@mail.ru*

Аннотация. Автором рассматриваются и сравниваются нормы уголовного законодательства отдельных зарубежных стран, входящих в СНГ, об ответственности за преступления диверсионной направленности. Путем сопоставления уголовно-правовых механизмов привлечения к ответственности за преступления диверсионной направленности автором выявлены особенности конструирования объективных и субъективных признаков составов данных преступлений. Анализ правовых норм законодательства стран СНГ позволил раскрыть специфику уголовно-правового регулирования ответственности за преступления диверсионной направленности и установить их отличительные признаки. Акцентируется внимание на том, что отечественный законодатель, как и законодатели большинства государств СНГ, не предусматривает в ст. 281 УК РФ специального основания освобождения от уголовной ответственности за диверсию. Подчеркивается, что подобное основание содержится в примечании к ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие диверсионной деятельности, в примечании к ст. 281.2 УК РФ для лиц, отказавшихся от прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, и в примечании к ст. 281.3 УК РФ для лиц, отказавшихся от участия в диверсионном сообществе.

Ключевые слова: диверсия, содействие диверсионной деятельности, безопасность государства, саботаж, преступления диверсионной направленности

Для цитирования: Игнатенко Е. А. Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству стран СНГ // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 15 – 21.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF LIABILITY FOR SABOTAGE RELATED CRIMES UNDER THE LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES

Evgeny A. IGNATENKO

*Research Institute of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Moscow, Russia, iea13@mail.ru*

Abstract. The author examines and compares the provisions of criminal legislation of certain foreign countries that are members of the CIS, which establish liability for crimes of a sabotage nature. By comparing criminal law mechanisms for establishing liability for sabotage related crimes, the author has identified the features of constructing the objective and subjective elements of these crimes. The analysis of legal norms of the legislation of the CIS countries made it possible to reveal

© Игнатенко Е. А., 2024

the specifics of criminal law regulation of liability for sabotage related crimes and establish their distinctive features. Attention is drawn to the fact that the domestic legislator, like the legislators of the most CIS countries, does not provide for a special ground for exemption from criminal liability for sabotage in Art. 281 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is emphasized that such a ground is contained in the note to Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for assisting in sabotage activities, in the note to Article 281.2 of the Criminal Code of the Russian Federation for persons who refused to undergo training for the purpose of carrying out sabotage activities, and in the note to Article 281.3 of the Criminal Code of the Russian Federation for persons who refused to participate in a sabotage community.

Keywords: subversion, assistance to subversive activities, state security, sabotage, sabotage related crimes

For citation: Ignatenko E. A. Comparative analysis of liability for sabotage related crimes under the legislation of the CIS countries. *Criminalist*. 2024;4(49):15-21. (In Russ.).

На сегодняшний день очевиден процесс изменения отечественного уголовно-правового подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Сформированный в 2022 году институт преступлений диверсионной направленности является наиболее ярким тому подтверждением. Но стремительное реформирование уголовно-правового пространства в этой области не может не вызывать определенных опасений [1, с. 181].

В силу новизны отдельных положений институт преступлений диверсионной направленности не только нуждается в разностороннем исследовании качества и полноты содержания с точки зрения национального законодательства, его исторического генезиса и правопреемства, но и объективно требует соотношения со схожими нормами, закрепленными в уголовных законах иных государств. Общеизвестно, что обращение к анализу зарубежного законодательства позволяет лучше познать право своей собственной страны, почерпнуть новые идеи и аргументы, которые могли оставаться вне поля зрения национального законодателя [2, с. 187]. Также считаем, что сравнительно-правовое исследование отечественных и зарубежных

норм о преступлениях диверсионной направленности поможет лучше понять то, что российский законодатель при реформировании рассматриваемого института не только руководствовался объективными потребностями защиты национальных интересов, но и опирался на правовой опыт иных законодательных систем.

В рамках исследования предлагаем детализировать подходы законодателей отдельных зарубежных государств, в частности входящих в Содружество Независимых Государств (далее – СНГ), имеющих с Российской Федерацией единое историческое прошлое, к юридической оценке диверсии, а также сопряженных с ней преступлений диверсионной направленности.

Сразу подчеркнем, что между ними есть много общего. Например, во всех уголовных кодексах данных государств родовой и видовой объекты, поставленные под охрану от совершения диверсии, совпадают. Так, диверсия позиционируется в качестве преступления против государственной власти (государства), что выступает родовым объектом данного преступления. Видовым объектом являются общественные отношения в области защиты основ конституционного строя и безопасности государства. Во многом тождественны

и законодательное описание общественно опасных деяний, посредством которых может совершаться диверсия, и возраст наступления уголовной ответственности (с шестнадцати лет).

Вместе с тем сопоставительный анализ уголовных кодексов стран СНГ позволил нам выделить несколько оснований для классификации подходов, используемых законодателями при конструировании иных базисных признаков составов преступлений диверсионной направленности.

Первое основание для классификации состоит в особенностях конструирования общественно опасных последствий, которые предусматриваются в качестве преступных, в нормах о диверсии. Согласно этому основанию выделим два законодательных подхода.

Первый подход государств – участников СНГ отражает направленность уголовного закона на обеспечение защиты от диверсии исключительно объектов материального мира, которым может быть причинен ущерб, и не подразумевает защиту жизни и здоровья людей.

Здесь отметим Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (далее – МУК СНГ), принятый Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17 февраля 1996 года, который является рекомендательным законодательным актом, во многом сориентировавшим направление развития уголовных законов государств, образованных после распада СССР¹. Ответственность за диверсию установлена в ст. 297 МУК СНГ, дословно совпадающей с изначальной редакцией ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) образца 1996 года.

Дело в том, что законодатели государств – участников СНГ изначально

¹ Модельный Уголовный кодекс СНГ // Юридическая Россия : сайт. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241285> (дата обращения: 10.09.2024).

но использовали МУК СНГ в качестве правового базиса при формулировании соответствующих норм уголовного кодекса, преследуя цели унификации и гармонизации национального законодательства. В этой связи отдельные исследователи указывают на неоспоримое совершенство исходных положений данного правового акта [3, с. 169] в части придания единообразия национальным уголовно-правовым системам стран бывшего СССР. Однако стоит отметить, что МУК СНГ так и остался определенной «правовой иконой», подлежащей лишь незначительным изменениям, в большей степени касающимся борьбы с трансграничными преступлениями (международный терроризм, торговля людьми, коррупция). Чего нельзя сказать об уголовных законах большинства стран СНГ, которые неизбежно реформировались с учетом требований времени и развития общественных отношений.

Подход к установлению ответственности за диверсию, подобный использованному в МУК СНГ, сохранен лишь в УК Кыргызской Республики (ст. 325) и УК Республики Таджикистан (ст. 309). Диверсия, согласно этим нормам, понимается как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения². Подчеркнем, что такое установление признаков состава диверсии полностью коррелирует с предложенной формулировкой в ст. 297 МУК СНГ и вплоть до 2023 года использовалось и в российском уголовном законодательстве. Вместе с тем

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики // Legislationline.org : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024); Уголовный кодекс Республики Таджикистан // Legislationline.org : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

нельзя сказать, что такая формулировка полностью отвечает современным угрозам диверсионной деятельности. На это обращают внимание исследователи киргизского и таджикского уголовно-правового подхода и предлагают расширение признаков преступления в ст. 325 УК Кыргызской Республики [4, с. 105; 5, с. 318] и ст. 309 УК Республики Таджикистан [6, с. 205], в том числе в части общественно опасных последствий данной преступной деятельности.

Второй подход государств – участников СНГ предполагает равнозначную уголовно-правовую охрану от диверсии объектов материального мира и жизни и здоровья людей. Соответствующие постулаты закреплены в ст. 282 УК Азербайджанской Республики («совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на... массовое отравление или распространение среди людей... инфекционных заболеваний»)¹; ст. 303 УК Армении («совершение взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью...»)²; ст. 360 УК Республики Беларусь («совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения им телесных повреждений...»)³; ст. 184 УК Республики Казахстан («совершение... поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение вреда их здоровью»)⁴; ст. 343 УК Респу-

блики Молдова («совершение... взрывов, поджогов или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью...»)⁵; ст. 182 УК Туркменистана («... совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью...»)⁶; ст. 161 УК Республики Узбекистан («диверсия, то есть действия, направленные на уничтожение людей, нанесение вреда их здоровью...»)⁷.

Указанный подход превалирует в большинстве проанализированных уголовных кодексов стран СНГ, а также был воспринят в 2023 году российским законодателем и лег в основу реформирования диспозиции ст. 281 УК РФ, согласно которой «нанесение вреда здоровью людей» отныне расценивается в качестве последствий диверсии в рамках основного состава данного преступления, а причинение смерти человеку – особо квалифицированно-го состава⁸.

При этом в некоторых уголовных кодексах стран СНГ в рамках основных составов диверсии установлены и более опасные последствия ее совершения: распространение эпидемий и эпизоотий (УК Азербайджанской Респу-

www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes (дата обращения: 10.09.2024).

⁵ Уголовный кодекс Республики Молдова // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

⁶ Уголовный кодекс Туркменистана // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Уголовный кодекс Республики Узбекистан // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 157-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 18. Ст. 3234.

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

² Уголовный кодекс Армении // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Беларусь // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан // [Legislationline.org](http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes) : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

блики, УК Армении, УК Республики Казахстан, УК Туркменистана, УК Республики Молдова).

Предпосылки к распространению эпидемий и эпизоотий в результате диверсии объективно существуют. Здесь мы можем вести речь об умышленно созданной биологической угрозе посредством применения так называемого биологического оружия [7, с. 34], что допустимо относить к «иным действиям» в рамках состава диверсии. Заметим, что в рассмотренных статьях уголовных кодексов стран СНГ, как правило, закреплен открытый перечень действий, которые могут образовывать состав диверсии. В этой связи отдельные ученые справедливо настаивают на возможности реализации так называемых «биодиверсий» [8, с. 208; 9, с. 114], законодательные основы уголовно-правового противодействия которым уже заложены в указанных выше странах.

Подчеркнем, что в ст. 281 УК РФ распространение эпидемий и эпизоотий не является признаком диверсии. Однако с учетом сложных условий, в которых оказалась наша страна в начале 2020 года (равно как и большинство стран мира) в связи с распространением коронавирусной инфекции, был принят Федеральный закон от 30 декабря 2020 года № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации». Согласно п. 11 ст. 8 указанного Федерального закона «совершение диверсий с использованием патогенов» расценивается в качестве одной из основных биологических угроз (опасностей)¹. Тем самым, хотя и не прямо в ст. 281 УК РФ, но на отраслевом уровне, установлено, что диверсии способны приводить к возникновению и (или) распространению заболеваний с развитием

¹ О биологической безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 492-ФЗ: текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

эпидемий, эпизоотий, эпифитотий, массовых отравлений, превышению допустимого уровня биологического риска, на что особо обращают внимание современные специалисты [10, с. 14].

В качестве еще одного основания для обобщенной классификации норм, закрепляющих уголовную ответственность за диверсию по уголовным кодексам стран СНГ, предлагается выделить особенности формулирования цели совершения диверсии.

Так, согласно отдельным уголовным кодексам стран СНГ целью совершения диверсии выступает подрыв безопасности и обороноспособности государства. Такая цель закреплена в ст. 297 МУК СНГ, ст. 184 УК Республики Казахстан, ст. 182 УК Туркменистана.

Цель диверсии в виде подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности государства закреплена в ст. 282 УК Азербайджанской Республики, ст. 360 УК Республики Беларусь, ст. 343 УК Республики Молдова, ст. 309 УК Республики Таджикистан, ст. 281 УК РФ.

В УК Кыргызской Республики (ст. 325) и УК Республики Узбекистан (ст. 161) в качестве цели совершения диверсии предусмотрена дестабилизация деятельности государственных органов или общественно-политической обстановки в стране.

Ослабление государства в качестве цели диверсии указывается в ст. 303 УК Армении.

Можно сделать вывод о том, что, во-первых, цель совершения диверсии является обязательным признаком состава преступления в уголовных кодексах всех без исключения государств – участников СНГ, во-вторых, унифицированный подход к ее формулированию в рассмотренных уголовных кодексах отсутствует. Считаем, что последние два описания являются одними из самых широких среди всех представленных

выше описаний цели диверсии. Это может служить существенным препятствием для отграничения состава диверсии от смежных составов преступлений против общественной безопасности и общественного порядка [11, с. 130; 12, с. 65]. На наш взгляд, описание цели диверсии, использованное отечественным законодателем, равно как азербайджанским, белорусским, молдавским и таджикским, более предпочтительно.

Наконец, в зависимости от наличия поощрительных норм, предполагающих возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение диверсии, нами выделено два основных подхода.

Первый подход государств — участников СНГ предполагает отсутствие примечания к статьям о диверсии, дающего виновным возможность избежать привлечения к уголовной ответственности. Это все страны СНГ кроме Республики Беларусь.

Второй подход, использованный исключительно белорусским законодателем, предполагает закрепление подобной возможности. Так, в примечании к ст. 360 УК Республики Беларусь указано: «Лицо, участвовавшее в приготовлении к деяниям, предусмотренным настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности за эти деяния, если оно своевременным предупреждением государственных органов или иным образом оказало содействие в предотвращении диверсии»¹. При этом стоит особо подчеркнуть, что Республика Беларусь является единственной страной не только среди государств постсо-

ветского пространства, но и Европы, по законодательству которой реализуется смертная казнь, в том числе за совершение диверсии [13, с. 22]. Соответственно, закрепление специального основания освобождения от уголовной ответственности за диверсию в данном контексте несколько сглаживает суровость этой ответственности.

Заметим, что отечественный законодатель, как и законодатели большинства государств СНГ, не предусматривает в ст. 281 УК РФ специального основания освобождения от уголовной ответственности за диверсию. Но подобное основание содержится в примечании к ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие диверсионной деятельности, в примечании к ст. 281.2 УК РФ для лиц, отказавшихся от прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, и в примечании к ст. 281.3 УК РФ для лиц, отказавшихся от участия в диверсионном сообществе.

Подчеркнем, что рассмотренные уголовные кодексы государств — участников СНГ устанавливают ответственность исключительно за диверсию и не охватывают иные действия диверсионной направленности, подобно УК РФ. Лишь отдельные из них содержат в качестве обстоятельств, отягчающих ответственность за диверсию, указание на ее совершение в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы (ст. 282.2 УК Азербайджанской Республики, ч. 2 ст. 360 УК Республики Беларусь, п. «б» ч. 2 ст. 182 УК Туркменистана).

Список источников

1. Пантюхина И. В. Критические замечания к новым преступлениям, связанным с диверсионной деятельностью // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения — 2023. Сб. науч. тр. по материалам X Междунар. науч.-практ. конф., Гатчина, 26 мая 2023 г. Т. 1. Гатчина : Гос. ин-т экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 180–184.

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь // Legislationline.org : сайт. URL: <http://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes> (дата обращения: 10.09.2024).

2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права (фрагменты) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 187–188.
3. Иванцова Н. В. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Проблемы в российском законодательстве. 2011. № 6. С. 166–169.
4. Жунушова Г. Б. Уголовная ответственность за совершение диверсии по законодательству Кыргызской Республики // Вестник КРСУ. 2022. Т. 22, № 11. С. 104–108.
5. Калчороева А. А., Урунбаева З. С. Диверсия как одно из опаснейших преступлений, предусмотренных уголовным кодексом Кыргызской Республики // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2015. № 5. С. 318–321.
6. Кудратов Н. А. Уголовная ответственность за диверсию по уголовным законодательствам Таджикистана и Украины: компаративистский анализ // Теоретические и прикладные вопросы комплексной безопасности : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 20 марта 2020 г. Санкт-Петербург : С.-Петербур. ун-т Государственной противопожарной службы М-ва Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2020. С. 203–206.
7. Карцхия А. А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 8. С. 33–46.
8. Пухов А. А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства : сб. ст. (материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. «Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства», Улан-Батор, 28 сентября 2017 г.) / под общ. ред. Е. Н. Салыгина [и др.]. Москва : Юриспруденция, 2018. С. 207–214.
9. Тищенко Е. В., Саядова А. С. Биотерроризм как угроза безопасности на национальном и международном уровнях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2023. № 11 (162). С. 113–118.
10. Меркурьев В. В., Закомолдин Р. В. Уголовно-правовое обеспечение биологической безопасности как элемента национальной безопасности // Военное право. 2023. № 1 (77). С. 14–15.
11. Противодействие организационной деятельности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии / П. В. Агапов, С. А. Бажутов, А. С. Васнецова [и др.]. Москва : Проспект, 2022. 192 с.
12. Игнатенко Е. А. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконной пересылкой наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов (по материалам практики Дальневосточного федерального округа) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5-3 (11). С. 63–66.
13. Карпов В. С., Синьков Д. В. Смертная казнь в Российской Федерации: взгляд в условиях новой реальности // Российский следователь. 2023. № 11. С. 20–24.

Информация об авторе

Е. А. Игнатенко – старший научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Ignatenko – Senior research fellow at the Department of scientific support of prosecutor's supervision over the execution of laws in operational investigative activities and participation of the prosecutor in criminal proceedings of the Research Institute, University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.98

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА В. С. БУРДАНОВОЙ

Вячеслав Николаевич ИСАЕНКО

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, viach.isaencko2015@yandex.ru*

Аннотация. Статья содержит оценку вклада профессора В. С. Бурдановой в развитие учения о криминалистическом мышлении следователя. Констатируется теоретическое и практическое значение сформулированных ею соответствующих положений и выводов, а также разработанных рекомендаций для повышения качества предварительного расследования.

Ключевые слова: криминалистическое мышление, криминалистический анализ, криминалистическая версия, криминалистические ошибки, негативные обстоятельства

Для цитирования: Исаенко В. Н. Криминалистическое мышление следователя в трудах профессора В. С. Бурдановой // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 22 – 26.

Original article

FORENSIC THINKING OF AN INVESTIGATOR IN THE WORKS OF PROFESSOR V. S. BURDANOVA

Vyacheslav N. ISAENKO

O. Ye. Kutafin State Law University (MSAL), Moscow, Russia, viach.isaencko2015@yandex.ru

Abstract. The article evaluates the contribution of Professor V. S. Burdanova to the development of the doctrine of forensic thinking of the investigator. The theoretical and practical significance of the relevant provisions and conclusions formulated by her as well as the developed practical recommendations for improving the quality of the preliminary investigation are stated.

Keywords: forensic thinking, forensic analysis, forensic versions, forensic errors, negative circumstances

For citation: Isaenko V. N. Forensic thinking of an investigator in the works of professor V. S. Burdanova. Criminalist. 2024;4(49):22-26. (In Russ.).

Понятие «криминалистическое мышление» является достаточно устойчивым в терминологическом аппарате криминалистики, хотя относительно его использования высказывались и сомнения. В частности, Р. С. Белкин полагал, что решение следователем мыслительных задач при производстве как следствия в целом, так и отдельных следственных действий не свидетельствует о специфичности такого мышления [1, с. 136]. С данным мнением сложно согласиться, поскольку в нем оставлен без внимания предмет мыслительной дея-

лительных задач при производстве как следствия в целом, так и отдельных следственных действий не свидетельствует о специфичности такого мышления [1, с. 136]. С данным мнением сложно согласиться, поскольку в нем оставлен без внимания предмет мыслительной дея-

© Исаенко В. Н., 2024

тельности. Достаточно сослаться на одно из общепринятых определений понятия «мышление». В соответствии с ним такое представляет собой активный процесс отражения субъектом окружающего мира, способность целенаправленно и обобщенно познавать существенные связи, отношения предметов и явлений, создавать новые идеи, прогнозировать события и действия¹.

Представляется, что данное понятие даже в его общем виде вполне экстраполируется на сферу решения возникающих в ходе раскрытия и расследования преступлений задач. С одной стороны, они решаются в соответствии с общими законами мышления, а с другой — их предмет составляет поиск оптимальных вариантов использования криминалистических приемов, средств и методов. Их не стоит рассматривать в качестве общих в силу их применения в весьма специфической сфере деятельности, а также в силу разработанности многих из них исключительно для использования в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений.

Следует сказать, что точка зрения Р. С. Белкина об отсутствии криминалистического мышления не была поддержана многими учеными. О его существовании однозначно высказались Н. П. Яблоков², И. М. Комаров, М. Ю. Лакомская³, А. Ф. Волынский и другие ис-

¹ См., напр.: Новая российская энциклопедия. В 12 т. Т. 11 (1). М.: Энциклопедия, 2013. С. 408.

² Н. П. Яблоков обоснованно констатировал: «Криминалистическое мышление обеспечивает тщательно продуманное, осознанное и эффективное использование всех известных средств, приемов и знаний в процессе криминалистической деятельности по расследованию преступления» [2, с. 20].

³ И. М. Комаров и М. Ю. Лакомская также высказывают приемлемое суждение, согласно которому криминалистическое мышление так и определено, потому что зародилось, развивалось, состоялось и совершенствуется в недрах криминалистики, где разработаны научно-практические рекомендации относи-

следователи. Заслуживает внимания суждение профессора Д. В. Бахтеева о том, что отдельные компоненты криминалистического мышления соответствуют другим участникам уголовного судопроизводства, в том числе прокурорам [3, с. 29].

Неотъемлемой частью учения о криминалистическом мышлении следователя являются труды ученых Института усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка при Прокуратуре Союза ССР (ныне — Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации) И. Е. Быховского, Г. А. Густова, И. А. Возгина, В. С. Бурдановой, В. И. Рохлина, С. К. Питерцева и других. Их теоретические разработки и практические рекомендации составляют и будут составлять неотъемлемую часть научного наследия, подлежащего изучению и использованию в противодействии преступности, а также основу для дальнейших научных исследований в этой области. В них криминалистическая подготовка, криминалистическое мышление следователя справедливо рассматриваются как необходимый компонент его профессиональной состоятельности, обеспечивающий предупреждение следственных ошибок. Вместе с тем нельзя не согласиться с Виринеей Сергеевной Бурдановой в том, что эти ошибки допускают не только следователи, но и прокуроры, надзирающие за следствием. Главная их причина не в недостаточности знаний уголовного права и процесса, а в низкой профессиональной подготовке в области криминалистики. Справедливо, в частности, только тех или иных ситуаций расследования преступлений, в том числе совершенных в сложных криминальных условиях, требующих использования всего арсенала мыслительной деятельности для установления объективной истины произошедшего события [4, с. 42–43].

ее суждение, согласно которому криминалистическая ошибка, явная или скрытая, это односторонняя постановка и ограниченное решение криминалистических задач без применения полного комплекса соответствующих методов и средств [5, с. 47 – 48].

Поэтому сохраняют актуальность разработанные Виринеей Сергеевной предложения по предупреждению криминалистических ошибок. Одно из них заключается в построении по исходным данным модели действий преступника или преступников с ее последующим расчленением на элементы. Относительно каждого из них мысленно представляется, какие следы и где могут остаться от тех или иных действий, после чего определяются направления и средства их отыскания и исследования.

Именно такой подход В. С. Бурданова в период работы старшим следователем прокуратуры Ленинградской области и ее коллеги использовали при организации расследования хищений в трикотажном производстве во Всеволожском, Мгинском, Тосненском и других районах. В первую очередь проводилось изучение особенностей трикотажного производства, его организации, технологии, источников получения исходного сырья и вспомогательных материалов, порядка реализации готовых изделий и т. д. Данное изучение ориентировалось на выявление наиболее вероятных участков и механизма совершения и сокрытия хищений, причастных к ним лиц и других криминалистически значимых вопросов.

Соответственно их характеру и поисковому значению определялись индивидуальная методика и тактика расследования, порядок взаимодействия с работниками оперативных служб, контрольно-ревизионных органов, перечень подлежащих выполнению неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Верно избранный криминалистический подход

позволил установить факты систематического хищения сырья при изготовлении различных трикотажных изделий. Так, было установлено что их чистый вес оказался гораздо меньше, чем вес списанного исходного материала для изготовления. Из искусственно созданных остатков доброкачественного материала изготавливалось гораздо больше, чем указывалось в отчетах, изделий, сбывавшихся через торговую сеть. Расследование завершилось изобличением всех причастных к этим преступлениям лиц, их привлечением к законной ответственности [6, с. 12 – 25].

В своей докторской диссертации в форме научного доклада В. С. Бурданова отметила, что всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела имеют двуединую основу — как цель и как метод исследования [7, с. 8]. Данное положение, несомненно, заслуживает внимания не только следователей, но и надзирающих за законностью их деятельности прокуроров, поскольку односторонность расследования, отсутствие процессуального контроля и формальность надзора нередко заводят в тупик. Примеров тому из практики достаточно¹.

В связи с этим целесообразно обратить внимание на значение выявления и исследования негативных обстоятельств, относительно которых Виринеей Сергеевной точно подметила, что они ускоряют

¹ О подобном рассказано, в частности, в статье Е. Меркачевой «Из тебя сделают второго Чикатило», опубликованной в газете «Московский комсомолец» за 15 мая 2024 года. Речь в ней идет о задержании и аресте А. И. Цветкова по обвинению в серии убийств, совершенных в 2002 году. Основанием для этого в начале 2023 года явилось установленное «искусственным интеллектом» 55-процентное сходство его фотоизображения с фотороботом неизвестного преступника, составленным в 2002 году. На этом основании и при отсутствии других объективных доказательств, а также несмотря на наличие доказанного алиби А. И. Цветков содержался под стражей в течение года.

мыслительную деятельность участников процесса, обуславливают выдвижение ими обоснованных версий и определение верных путей их проверки [7, с. 21 – 22].

Значение выявления и исследования негативных обстоятельств В. С. Бурданова рассматривала еще в своей кандидатской диссертации (1966 г.), выделив значение криминалистического подхода к их анализу, требующего соответствующего развитого мышления у субъектов досудебного производства. При этом обоснованно подчеркивалось значение психологической составляющей в действиях преступников, на тот период не отмеченный в криминалистической литературе [8, с. 11, 33]. Исследование этих важных вопросов было продолжено в других ее трудах, например в подготовленном ею на высоком профессиональном уровне и неоднократно переизданном учебном пособии «Расследование доведения до самоубийства» [9, с. 5 – 7]. Содержащиеся в нем рекомендации базировались на материалах обобщения и анализа собственной практики автора. В том числе на примере раскрытия и расследования убийства Закутаевой в Ивангороде Кингисеппского района, которая якобы покончила с собой путем самоповешения. Совокупный анализ результатов осмотра трупа, находившейся возле трупа петли, в целом обстановки в доме дал все основания для версии об убийстве потерпевшей ее мужем. Было обращено внимание на то, что он, с его слов, обнаружил жену висящей в закрепленной на перекладине петле, которую сразу обрезал схваченным с кухонного стола ножом. Однако на лезвии ножа имелись следы сливочного масла, в то время как на концах обрезанной веревки его следов не было. На перекладине отсутствовали следы крепления петли и ее давления на перекладину под весом тела потерпевшей, как обычно это бывает.

Исследование данных обстоятельств в совокупности с результатами проведенных следственных экспериментов и полученных заключений экспертов позволило изобличить Закутаева в убийстве жены с последующей инсценировкой ее самоубийства [10, с. 127 – 130].

До сего времени не утратили практической полезности многие пособия, подготовленные В. С. Бурдановой, в том числе в соавторстве с другими учеными Института усовершенствования следственных работников. Значимость криминалистического мышления следователя в них проходит красной нитью, в частности в пособиях «Осмотр места происшествия и трупа» (1975 г.), «Расследование телесных повреждений» (1975 г.), «Методика расследования преступлений в строительстве (1977 г.)», «Расследование дел о преступлениях, связанных с наркотическими веществами» (1980 г.) и в других. Было бы несправедливым не отметить продолжающуюся преемственность поколений ученых Ленинградского (Санкт-Петербургского) института, выражающуюся в том, что многие разработанные В. С. Бурдановой положения о криминалистическом мышлении следователя, прокурора получили дальнейшее творческое развитие в трудах О. Н. Коршуновой, Н. А. Даниловой, Т. Г. Николаевой, Е. Б. Серовой, Е. В. Елагиной и других его научно-педагогических работников, соответствующее современным запросам правоохранительной практики. Изучение, усвоение, осмысление и использование практическими работниками следственных аппаратов содержащихся в них рекомендаций – одно из необходимых условий повышения качества расследования. А это означает, что соответствующая научно-исследовательская работа не стоит на месте и будет продолжаться.

Список источников

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям. 3-е изд. Москва : Юнити, 2001. 837 с.
2. Яблоков Н. П. Ситуационный подход как один из методов научного познания в криминалистическом мышлении субъектов криминалистической деятельности // Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке, в правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию науч. школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта, Калининград, 2–3 ноября 2012 г. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 18–23.
3. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : специальность 00.00.00 «Другие специальности» : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук / Бахтеев Дмитрий Валерьевич. Екатеринбург, 2022. 41 с.
4. Комаров И. М., Лакомская М. Ю. Проблемные ситуации расследования преступлений и их разрешение посредством тактических операций : монография. Москва : Юрлитинформ, 2021. 140, [1] с. (Библиотека криминалиста : БК).
5. Бурданова В. С. Следственные (криминалистические) ошибки // Бурданова В. С. Избранное. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2002. С. 4–62.
6. Бурданова В. С., Катуклова И. В. Наш опыт расследования хищений в трикотажном производстве // Следственная практика. Вып. № 45. 1960. С. 12–26.
7. Бурданова В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика» : дис. ...д-ра юрид. наук в форме науч. доклада / Бурданова Вириная Сергеевна. Москва, 1992. 55 с.
8. Бурданова В. С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства, и дел о доведении до самоубийства : автореф. дис. ...канд. юрид. наук / Бурданова Вириная Сергеевна. Ленинград, 1966. 17 с.
9. Бурданова В. С. Расследование доведения до самоубийства : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2004. 55 с.
10. Бурданова В. С., Любарский М. Г. Женоубийца // Следственная практика. Вып. № 46. 1961. С. 127–131.

Информация об авторе

В. Н. Исаенко – профессор кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Isaenko – Professor at the Department of organization of judicial and prosecutorial investigative activities, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.139.4

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОТОКОЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА СУБЪЕКТОВ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Марина Геннадьевна КОВАЛЕВА¹, Константин Александрович КОРСАКОВ²

^{1,2}Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,
Санкт-Петербург, Россия

¹kova8974@mail.ru

²korsakovka@mail.ru

Аннотация. На основе анализа судебной практики и теоретических исследований выявлены субъекты формирования протокола судебного заседания, этапы трансформации информации с момента ее восприятия и до фиксации в протоколе, значение знания закономерностей и практических навыков формирования протокола, проблематика данного вопроса, в частности игнорирование в законодательстве роли секретаря судебного заседания. Предложены пути разрешения конфликта субъектов формирования протокола.

Ключевые слова: уголовный процесс, формирование протокола, секретарь судебного заседания, замечания на протокол судебного заседания

Для цитирования: Ковалева М. Г., Корсаков К. А. Формирование протокола судебного заседания и разрешение конфликта субъектов его формирования // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 27 – 33.

Original article

FORMATION OF COURT PROTOCOL AND RESOLUTION OF CONFLICT AMONG PARTIES INVOLVED IN ITS FORMATION

Marina G. KOVALEVA¹, Konstantin A. KORSAKOV²

^{1,2}North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

¹kova8974@mail.ru

²korsakovka@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of judicial practice and theoretical research, the subjects involved in drafting a court session protocol have been identified, along with the stages of information transformation from perception to recording. The authors have highlighted the significance of understanding patterns and practical skills in protocol formation, as well as the problems of this issue, particularly, the legislative omission regarding the role of the secretary of the court session. Solutions for resolving conflicts between subjects involved in protocol formation have been proposed.

Keywords: criminal process, formation of the protocol, secretary of the court session, comments on the protocol of the court session

© Ковалева М. Г., Корсаков К. А., 2024

For citation: Kovaleva M. G., Korsakov K. A. Formation of court protocol and resolution of conflict among parties involved in its formation. *Criminalist*. 2024;4(49):27-33. (In Russ.).

Протокол судебного заседания — это зеркало судебного разбирательства, в этом и состоит его особое процессуальное значение. Протокол судебного заседания служит не только основным источником информации о судебном разбирательстве, но и средством выявления нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных в ходе рассмотрения уголовного дела по существу [1; 2, с. 220; 3].

На значение протокола судебного заседания суда первой инстанции как важного источника информации о ходе рассмотрения дела и исследованных судом доказательствах, одного из средств оценки законности, обоснованности и справедливости приговора, иного решения суда первой инстанции вышестоящим судом, учитывая, что судья, подписавший протокол судебного заседания, не может быть вызван в суд иной инстанции для дачи показаний об обстоятельствах уголовного дела, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по данному делу, обращал внимание Конституционный Суд Российской Федерации¹. Позиция Конституционного Суда повлекла существенные изменения в судебной практике в части применения положений ст. 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

В формировании протокола судебного заседания, в отличие от иных протоколов, участвуют два процессуальных

лица: суд в лице председательствующего судьи и секретарь судебного заседания либо помощник судьи в случае, если ведение протокола председательствующим поручено помощнику судьи в соответствии с ч. 6 ст. 259 УПК РФ (далее — секретарь судебного заседания), которые несут ответственность за содержание и оформление протокола судебного заседания и подтверждают это своими подписями.

Можно представить, что председательствующий судья формирует интеллектуальное содержание протокола, поскольку ведет судебное заседание, имеет цели, задачи, план получения информации и ее фиксации, а секретарь выполняет техническую часть, фиксирует происходящее в судебном разбирательстве в письменном виде и посредством технических средств. Но это не совсем так.

Ряд ученых отмечают закономерности протекания психических процессов у допрашиваемого и связи с процессом формирования его показаний. Так, И. Кертэс указывал, что «формирование показаний как совокупность сложных психических процессов протекает при активном участии личности. Вот почему, чтобы выяснить это, необходимо задавать не только вопросы, касающиеся их самих (показаний), но и вопросы, относящиеся к личности допрашиваемого» [4, с. 10].

Чтобы приобрести окончательный вид, или форму, показания формируются во времени. Как информация о событии они первоначально воспринимаются участниками, хранятся в их памяти и затем воспроизводятся на допросе (процессы восприятия, запоминания и воспроизведения).

О. Д. Ситковская приводит следующие стадии: 1) восприятие события;

¹ По делу о проверке конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Савченко : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2017 г. № 21-П // КонсультантПлюс : сайт : некоммерч. интернет-версия. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220414/ (дата обращения: 01.08.2024).

2) сохранение информации в памяти; 3) воспроизведение информации [5, с. 86], которые стали общепризнанными. А. Р. Ратинов и О. А. Гаврилов отметили среди других стадий восприятие показаний следователем и фиксацию показаний, повторное свидетельствование [6]. Ими назван и психологический аспект деятельности следователя (дознателя) или суда, связанный с фиксацией воспринятого ими самими. Г. Г. Доспулов также отмечает «процессуальный этап (словесное оформление и передача информации допрашиваемым, прием и переработка ее следователем)» [7]. Н. И. Порубов выделил допросы в суде [8, с. 30, 32].

Высказывается мнение о возможности тренировки в области ощущений, а также о влиянии огромного количества внешних и внутренних факторов (например, эмоционального состояния, возраста, метеорологических условий и т. д.) [4, с. 14].

Проф. С. А. Ялышев в ходе дебатов на V Международном научно-практическом круглом столе «Криминалистика от Ганса Гросса до наших дней: криминалистические аспекты реализации конституционных прав и гарантий человека и гражданина», состоявшемся 26 февраля 2021 года в Санкт-Петербурге, отметил, что трансформация информации с момента ее восприятия свидетелем и до момента фиксации в протоколе проходит шесть этапов. Помимо трех общепризнанных (восприятие события; сохранение информации в памяти; воспроизведение информации свидетелем) трансформация информации проходит еще три этапа, связанных с психологическими процессами у допрашиваемого. По нашему мнению, следует выделить еще один этап: трансформация устной речи в письменную при составлении протокола.

В устной речи играет важную роль невербальное общение: мимика, жесты,

поза. Она богата модуляцией голоса, интонацией, голосовым подчеркиванием, спонтанна — ситуативна, более свободный выбор слов, чаще употребляются простые предложения, побудительные, вопросительные и восклицательные. Устная речь привязана больше к разговорному стилю, включая язык тела, письменная — к книжному языку, требует более систематического, логически связанного изложения, тщательно продумывается, планируется — контекстуальна.

Для иллюстрации сказанного приведем небольшой пример из устных показаний свидетеля и как они изложены в протоколе допроса.

Допрашиваемая: «16 марта я была выходная. На второй день, в понедельник, прихожу, мне Добришина говорит, что вместо 25 ящиков привезли 27, и говорит: „Я ему, Суконцеву, отдала 95 рублей“. Я ей говорю: „Зачем это сделала?“ И я просто не знала, что делать, как быть, хотела звонить на базу: откуда эти два лишних ящика? Она отдала мне 75 рублей, сказала, что приедет вечером. Назавтра пришла я на работу, ко мне подходит Добришина и говорит: „За лишние два ящика «Зверобоя», 40 бутылок, из кассы взяла 150 рублей“.

В протоколе: «16 марта у меня был выходной день. На следующий день, в понедельник, когда я пришла в магазин, продавец Добришина сказала мне, что экспедитор Суконцев привез в магазин вместо 25 ящиков водки „Зверобоя“, которые значились по накладной, 27 ящиков и что она отдала Суконцеву за лишние 40 бутылок „Зверобоя“ 95 рублей. На мой вопрос, зачем она это сделала, она ответила, что Суконцев приедет вечером, и отдала мне 75 рублей, которые я взяла. Я не знала, что мне делать, хотела позвонить на базу, но передумала. Назавтра, когда я пришла на работу, Добришина мне сказала, что из выручки за продажу водки „Зверобой“ она взяла из кассы магазина 150 рублей» [9, с. 35].

Сущность показаний не искажена, но изложено более связно, в том числе увязано с иными материалами дела, например с учетом движения денежных средств.

Профессор Н. Н. Егоров отмечает: «По процессам, которые лежат в основе фиксации, они могут быть разделены на: субъективные, зависящие от свойств личности субъекта фиксации, его знаний, умений, навыков, чувств, жизненного опыта и т. д.; объективные, когда в основу кладутся физические и химические процессы» [10].

Возможны несколько вариантов преобразования устной речи в письменную, не искажая ее сути. Это будет зависеть от индивидуальных качеств интерпретатора.

Психологические процессы допрашивающего в судебном заседании и фиксирующего (интерпретатора) – секретаря судебного заседания протекают аналогично. Личность секретаря судебного заседания является неотъемлемым элементом процесса формирования протокола судебного заседания, поэтому восприятие происходящего в судебном заседании судом и секретарем судебного заседания, несомненно, будет различаться. В связи с этим можно отметить, что фиксация судебного заседания техническими средствами в этой части не является панацеей [11, с. 7; 12 с. 64].

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, судьям необходимо принимать меры к повышению качества составления секретарями протокола судебного заседания, в котором должны быть точно отражены все действия суда на всем протяжении судебного разбирательства¹.

¹ Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 г. № 35 : текст с изм. и доп. на 6 февр. 2007 г. П. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Качественное и своевременное составление протокола судебного заседания во многом зависит от квалификации, уровня образования и общей культуры секретаря судебного заседания. Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, составление протокола процессуального действия – в целях обеспечения его объективности – должно осуществляться незамедлительно, а существенная задержка в изготовлении протокола умаляет значение процессуальной формы как таковой².

Из практики, в том числе практики авторов, известно, что согласование содержания протокола судебного заседания председательствующим и секретарем судебного заседания является повседневною, обыденным явлением.

Расхождения разрешаются на основе выяснения разницы в восприятии, трансформации воспринятого, возможного компромисса. Совещаясь, председательствующий и секретарь судебного заседания определяют, каким именно образом должны быть отражены сведения в протоколе судебного заседания.

Нам неизвестны случаи, когда уровень эскалации конфликта достигал бы степени отказа подписания или изготовления протокола судебного заседания. Конфликтогенность, как отмечается исследователями юридических конфликтов, напрямую зависит от уровня правосознания и правовой активности граждан, состояния юридической практики [13, с. 40].

Тем не менее случаи неизготовления и неподписания протокола судебного заседания нашли отражение в судебной практике.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Штина Дмитрия Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 29 и частью шестой статьи 259 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июля 2021 г. № 1370-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, Э. апелляционной инстанцией был оправдан по ч. 3 ст. 294 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) (вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия, совершенное лицом с использованием своего служебного положения).

В соответствии с приговором суда первой инстанции Э. признан виновным в том, что, являясь секретарем судебного заседания, из личных неприязненных отношений к судье умышленно не изготовил и не подписал данный протокол судебного заседания, создал тем самым препятствия для осуществления правосудия судом. От обвинения Э. по ч. 3 ст. 298.1 УК РФ (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления) государственный обвинитель отказался в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Наиболее значимыми основаниями для принятия апелляционной инстанцией такого решения послужило то, что следствием неправильно был определен объект преступного посягательства, и недоказанность умысла. Судья рассмотрела уголовное дело и провозгласила обвинительный приговор. То есть правосудие состоялось. Э. не предъявлялось обвинение по вмешательству в деятельность суда апелляционной инстанции. Отмена приговора в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в том числе в связи с отсутствием протокола судебного заседания, входит в компетенцию вышестоящего суда апелляционной инстанции.

То обстоятельство, что протокол в части был подписан только судьей, не явилось основанием для признания

данного протокола недействительным, поскольку стороны признали его доброкачественным и не оспаривали¹.

Исходя из данного примера, отметим, что следует различать ситуации, в которых мотивом отказа в изготовлении или подписании протокола судебного заседания выступают несогласие с его содержанием, фиксацией происшедшего в судебном разбирательстве субъектов его формирования и иные мотивы — месть одному из субъектов, воспрепятствование осуществлению правосудия и тому подобное.

Разногласия между субъектами формирования протокола судебного заседания нормативно не урегулированы и требуют законодательного разрешения.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР допускал возникновение такой ситуации. В этом случае секретарь был вправе приложить к протоколу свои замечания, которые рассматривались составом суда (ч. 2 ст. 244 УПК РСФСР).

Причины невключения авторами проекта УПК РФ данного положения в закон нам неизвестны, можем предположить, что поскольку в соответствии с УПК РСФСР уголовные дела всегда рассматривались коллегиально (ст. 15 УПК РСФСР), а проект УПК РФ предусматривал рассмотрение подавляющего большинства дел единолично судьей, то и несогласие одного из субъектов формирования протокола предопределяется заранее известным результатом. Возможен и другой вариант. Авторы проекта УПК РФ, не признавая секретаря судебного заседания участником процесса, просто посчитали такую ситуацию невозможной.

По нашему мнению, данная проблема может быть разрешена различными способами.

На практике разрешением конфликтной ситуации является прослушивание

¹ URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=> (дата обращения: 12.08.2024).

аудиозаписи судебного заседания. Здесь необходимо отметить, что аудиозапись выступает средством фиксации хода судебного разбирательства наряду с письменным протоколом, дополняет его и, как указывает Верховный Суд Российской Федерации в одном из своих решений, может служить средством обеспечения полноты и объективности протокола, способствовать оценке вышестоящими судебными инстанциями правосудности принятых по делу решений¹.

В рамках действующего законодательства, хотя и не предусматривающего разногласий между субъектами формирования протокола судебного заседания, но и не препятствующего возникновению таковых, возможен следующий вариант разрешения данного конфликта.

В случае разногласий с председательствующим по поводу содержания протокола секретарь судебного заседания вправе приложить к протоколу свои замечания с указанием, в чем выражаются разногласия и чем это мотивируется.

Стороны извещаются о наличии замечаний, и им разъясняется право ознакомиться с ними, высказать свое мнение. Особое мнение может служить основа-

нием для рассмотрения дела в апелляционной инстанции в связи с ненадлежащим исследованием доказательств, нарушением порядка проведения судебного заседания и тому подобным.

Апелляционная инстанция имеет возможность исследовать соответствие протокола судебного заседания действительности.

Если стороны возражают против рассмотрения дела в апелляционной инстанции и это зафиксировано соответствующим образом, суд обязан согласиться с мнением сторон. И это расценивается как отклонение особого мнения и отсутствие предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке.

Протокол в любом случае должен быть подписан, иначе это нарушает право сторон на доступ к правосудию.

Для легального разрешения подобной ситуации требуется дополнить ст. 260 УПК РФ соответствующей нормой.

Неизготовление или неподписание протокола судебного заседания по объективным причинам также требует отдельного исследования и процессуального регулирования.

Список источников

1. Баев О. Я., Баев М. О. Протокол судебного заседания как зеркало осуществленного правосудия по уголовному делу (о необходимости совершенствования ст. 259 УПК РФ) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 2. С. 246 – 257.
2. Баев О. Я. О протоколе судебного заседания (критический анализ ст. 259 УПК РФ; предложения по ее совершенствованию) // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 220 – 228.
3. Зубов В. Протокол как зеркало судебного разбирательства // Российская юстиция. 1998. № 3. С. 14 – 15.
4. Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса : монография / под общ. ред. А. И. Винберга. Москва : Юрид. лит., 1965. 164 с.
5. Ситковская О. Д. Психология свидетельских показаний : науч.-метод. пособие. Москва : Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, 2006. 86 с.
6. Ратинов А. Р., Гаврилов О. А. Использование данных психологии в буржуазной криминалистике // Вопросы криминалистики. Вып. 11. Москва : Юрид. лит., 1964. С. 143 – 144.
7. Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. Москва : Юрид. лит., 1976. 112 с.

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2020 г. № 16-УД20-10-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск : Вышэйш. школа, 1978. 175 с.

9. Михайлов А. И., Подголин Е. Е. Письменная речь при производстве следственных действий. Москва : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. 94 с.

10. Егоров Н. Н. Криминалистические аспекты фиксации доказательств как элемент доказывания // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 36 – 45.

11. Васяев А. А. Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... канд. юрид. наук / Васяев Александр Александрович. Саранск, 2008. 25 с.

12. Медведева М. О. Проблемы реализации аудиопротоколирования в судах общей юрисдикции // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 64 – 66.

13. Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. Москва : ИНФРА-М, 2019. 312 с.

Информация об авторах

М. Г. Ковалева – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, судья Ленинградского областного суда, кандидат юридических наук;

К. А. Корсаков – доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

M. G. Kovaleva – Associate Professor at the Department of criminal procedure law, North Western Branch of the Russian State University of Justice, judge of the Leningrad Regional Court, Candidate of Science (Law);

K. A. Korsakov – Associate Professor at the Department of criminal procedure law, North Western Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.72

НЕПРАВОМЕРНЫЙ ОБОРОТ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ: К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Олег Стасьевич КУЧИН

*Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия,
kuchin-os@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается предмет преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, и основное внимание уделено такому его признаку, как «поддельность». Автором использована судебная статистика и приведены примеры из судебной практики. Высказано авторское мнение по некоторым спорным вопросам квалификации неправомерного оборота средств платежей. Изложены предложения по устранению расширительного толкования такого признака предмета преступления, как «поддельность». В целях совершенствования уголовного законодательства и правоприменительной деятельности автором предлагается проект примечания к ст. 187 УК РФ и внесение дополнения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».

Ключевые слова: преступление, поддельный, квалификация, изготовление, приобретение, хранение, транспортировка, сбыт, средства платежей, платежные карты, денежные средства, документы, электронные средства, технические устройства, компьютерные программы, неправомерное осуществление приема, выдачи и перевода денежных средств

Для цитирования: Кучин О. С. Неправомерный оборот средств платежей: к вопросу о предмете преступления // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 34 – 43.

Original article

ILLEGAL CIRCULATION OF MEANS OF PAYMENT: ON THE ISSUE OF THE MATERIAL OBJECT OF THE CRIME

Oleg St. KUCHIN

Russian State University of Justice, Moscow, Russia, kuchin-os@rambler.ru

Abstract. The article examines the material object of the crime under Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, and gives the main focus to such its characteristic as «counterfeiting». The author has used judicial statistics and provides examples from judicial practice. The author's opinion on some controversial issues of qualification of illegal circulation of means of payment has been expressed. Proposals have been made to eliminate the broad interpretation of such a feature of the object of the crime as «counterfeiting». In order to improve criminal legislation and law enforcement activities, the author suggests a draft note to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation and an amendment to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.11.2016 No. 48 «On the practice of applying

© Кучин О. С., 2024

by courts the legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities».

Keywords: crime, counterfeit, qualification, manufacturing, acquisition, storage, transportation, sales, means of payment, payment cards, cash, documents, electronic means, technical devices, computer programs, illegal acceptance, issuance and transfer of funds

For citation: Kuchin O. S. Illegal circulation of means of payment: on the issue of the material object of the crime. *Criminalist*. 2024;4(49):34-43. (In Russ.).

Российским законодателем внесены существенные изменения в диспозицию ст. 187 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, что не могло не повлечь многочисленные вопросы как у правоприменителя, так и у представителей научной общественности.

Согласно статистическим данным, за последние шесть лет увеличилось количество регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 187 УК РФ, и, соответственно, количество осужденных.

Так, в 2018 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 56 лиц, оправдано – 3, по ч. 2 указанной статьи осужденных и оправданных нет; в 2019 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 55 лиц, по ч. 2 ст. 187 УК РФ – 11; в 2020 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 122 лица, по ч. 2 ст. 187 УК РФ – 7; в 2021 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 348 лиц, оправдан – 1, по ч. 2 ст. 187 УК РФ осуждено 18 лиц; в 2022 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 844 лица, оправдано – 2, по ч. 2 ст. 187 УК РФ осуждено 10 лиц, в 2023 году по ч. 1 ст. 187 УК РФ осуждено 1 646 лиц, оправдано – 4, по ч. 2 ст. 187 УК РФ осуждено 22 лица².

Таким образом, усматривается устойчивая тенденция к увеличению совершаемых преступлений по анализируемой нами статье.

¹ О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 24. Ст. 3380.

² Судебная статистика РФ : сайт. URL: <https://stat.api-пресс.рф/> (дата обращения: 18.07.2024).

Многие ученые обращают внимание законодателя и правоприменителя как на законодательные, так и на правоприменительные аспекты ст. 187 УК РФ.

Проблемные вопросы, касающиеся сформулированных законодателем в диспозиции ст. 187 УК РФ объективной стороны и предмета преступления, находятся постоянно в поле исследования ученых (С. А. Боженко, А. А. Глухова, С. В. Петров, А. А. Мещерякова, Е. В. Илинич, А. Н. Горбунов, В. Н. Цимбал, Л. А. Аксенова, С. Л. Нудель, Д. А. Печегин и др.).

Многие авторы буквально понимают термин «поддельные» в диспозиции ст. 187 УК РФ, т. е. как полную или частичную подделку указанных законодателем средств платежей. При этом обосновывают свое мнение, исходя из действующих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Например, Л. П. Ломовцева и А. В. Сачихин считают, что применяемая законодателем характеристика «поддельности» платежного поручения широко толкуется правоохранительными органами и к уголовной ответственности привлекаются лица за отсутствие гражданско-правовых отношений между сторонами при отправке безналичных или электронных денежных средств [1, с. 52 – 53].

Е. А. Соловьева, изучив судебную практику, придерживается такого же мнения, считая, что правоохранительные органы, толкуя признак поддельности достаточно широко, вмешиваются в финансово-хозяйственные отношения участников рынка [2, с. 97 – 98, 104].

Сложно согласиться с такими рассуждениями Е. А. Соловьевой. Относительно приведенных ею примеров из судебной практики хочется сказать, что во-первых, необходимо учитывать, что состав преступления, предусмотренный ст. 187 УК РФ, является формальным, во-вторых, в приговоре Прохладненского районного суда Кабардино-Балкарской Республики по делу № 1-381/2018 от 21 февраля 2019 года речь идет об отсутствии хозяйственных отношений (ООО «Р» с ХСЗ, БПБ, АМЗ не заключало договоров, не было правовых оснований для перечисления денежных средств), следовательно, о какой легитимности со стороны руководителя ООО «Р» гражданина А. здесь можно говорить? Как в таком случае сотрудники правоохранительных органов должны были реагировать, если перечисление денежных средств осуществлено с нарушением существующего порядка деятельности коммерческой организации?

По мнению Е. А. Соловьевой, необходимо подходить к вопросу об изготовлении поддельных платежных поручений, принимая во внимание не несоответствие сведений, указанных в платежных поручениях, фактическим отношениям, а подмену воли лица, уполномоченного распоряжаться денежными средствами. Именно в этом ключе будут нарушаться отношения в платежной системе. Во всех остальных случаях, когда уполномоченное лицо отражает в платежных документах недостоверные сведения, можно говорить о квалификации его действий по другим статьям, например по ст. 174.1, 199, 199.1, 199.2 УК РФ и др.

Трудно согласиться с предложенной автором квалификацией, так как внесение любых недостоверных сведений в графу «назначение платежа», реквизиты и прочее образует состав рассматриваемого нами преступления. Исключение возможно, если выявляется техническая ошибка, например в названии фирмы,

реквизитах для перевода и т. д., но это все выясняется в процессе проведения доследственной проверки. Кроме того, в приведенном нами примере из судебной практики, когда руководитель ООО «Р» гражданин А. перевел денежные средства своим знакомым, по всей видимости, для обналичивания денежных средств, разве можно усмотреть хотя бы один из предложенных составов, предусмотренных ст. 174.1, 199, 199.1, 199.2 УК РФ? Для уточнения квалификации необходимо выяснить субъективную сторону преступления. Если на счете этого лица денежные средства находятся без нарушений законодательства России, то вести речь о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, невозможно.

Согласиться можно с выводом Е. А. Соловьевой о том, что, действительно, государство стремится противодействовать отмыванию (легализации) денежных средств, а также незаконному «обналичиванию» денежных средств, в связи с чем и сложилась достаточно устоявшаяся практика применения ст. 187 УК РФ [2, с. 104]. И при этом правоохранительные органы пресекают любые попытки перевода денежных средств, осуществленного без законных для этого оснований.

Вместе с тем необходимо обратить внимание на решение высшей судебной инстанции в части признания поддельным платежного поручения в случае внесения в платежное поручение заведомо недостоверных сведений об основаниях платежа (Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 369-П09ПР) [3, с. 179].

К. В. Малыгин пишет, что в изученной им судебной практике общим является то, что в результате действий виновного создается фиктивный предмет

(фальшивые деньги, ценные бумаги, платежные карты, поручения, официальные документы и пр.), отражающий недостоверную информацию о различных значимых обстоятельствах: о принадлежности предмета к определенному виду подлинных предметов (путем имитации их внешнего вида и характерных признаков); о его происхождении (от государственного органа, организации или какого-либо конкретного лица посредством использования их реквизитов, личных данных, имитации печатей, подписей и др.); о юридически значимых фактах, составляющих его содержание (путем искажения существующих или включения не соответствующих действительности сведений). При этом, по его мнению, для квалификации не имеет существенного значения, проявляются ли в деянии виновного все из указанных признаков или отдельные из них, если таким деянием нарушаются охраняемые уголовным законом общественные отношения [3, с. 179].

Вместе с тем К. В. Малыгин не акцентирует внимание на том, что в одном случае перечисленное им в выводах является предметом преступления, в другом – средством, способом совершения преступления.

Так, в соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» исходя из положений п. 8 ч. 1 ст. 73, ч. 3 ст. 115 и п. 10.1 ч. 1 ст. 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации к орудиям, оборудованию или иным средствам совершения преступления следует относить предметы, которые использовались либо были предназначены для использования при совершении пре-

ступного деяния или для достижения преступного результата¹.

По мнению адвоката П. Домкина, вопрос корректности правоприменения ст. 187 УК РФ вызывает множество дискуссий не только между сторонами обвинения и защиты в уголовном судопроизводстве, но и в научной юридической среде. Причина тому – отсутствие в уголовном законе четкого понятия средства платежей, взамен которому предлагается открытый список инструментов безналичных расчетов. Логично возникают вопросы, какие именно инструменты следует считать средством платежей и может ли факт обращения с ними расцениваться как уголовно наказуемое деяние [4].

В действующей редакции в части первой рассматриваемой нами статьи установлена ответственность за изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) «О национальной платежной системе» электронным средством платежа являются средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrif.ru/files/26888/> (дата обращения: 25.07.2024).

составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств [5, с. 372].

По смыслу Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» электронные денежные средства представляют собой денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета, для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

«Предметом рассматриваемого преступления могут быть также электронные носители информации (флеш-накопители, карты памяти и др.), технические устройства (платежные терминалы и др.), а также компьютерные программы, предназначенные для

неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств» [5, с. 372].

Таким образом, при описании предмета преступления в диспозиции нормы законодателем приведены термины, которые не имеют однозначного толкования и, следовательно, дают основание для произвольной интерпретации сотрудниками правоохранительных органов, что чревато привлечением к ответственности невиновных лиц.

В свое время на такое противоречие в диспозиции ст. 187 УК РФ было указано в заключении Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 2.2-1/1722 «По проекту Федерального закона № 537952-6 „О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации“ (второе чтение)»: «В проектной редакции части первой статьи 187 УК РФ вместо термина „иные платежные документы, не являющиеся ценными бумагами“ используется формулировка „распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 настоящего Кодекса)“. Следует иметь в виду, что в соответствии с пунктами 1.10–1.12 Положения о правилах перевода денежных средств (утв. Банком России 19 июня 2012 года № 383-П) к распоряжениям о переводе денежных средств относятся не только платежные документы – платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера, банковские ордера, но и не являющиеся платежными документами заявления, уведомления, извещения, запросы, ответы на заявления, составляемые в соответствии с федеральным законом в целях взыскания денежных средств, а также составляемые юридическим лицом в электронном виде или на бумажном носителе распоряжения о по-

лучении наличных денежных средств с банковского счета юридического лица при недостаточности денежных средств на его банковском счете.

В этой связи отсутствие в тексте проектной редакции части первой статьи 187 УК РФ каких-либо уточняющих положений, касающихся характера документов, за изготовление с целью сбыта и (или) сбыт которых предлагается установить уголовную ответственность, не позволяет определить, о каких документах идет речь в данной норме, и допускает произвольно широкое толкование понятия „документы” в связи с неопределенностью его содержания для целей указанной статьи УК РФ.

Замечание аналогичного характера вызывает и формулировка „средства оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьями 186 настоящего Кодекса)”, при этом отмечаем некорректность данной формулировки, поскольку каких-либо случаев статья 186 УК РФ не предусматривает.

На наш взгляд, нуждается в уточнении также понятие „электронные средства”, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, поскольку законодательство Российской Федерации не содержит определения такого понятия. Если же рассматривать так называемые „электронные средства” как средства и (или) способы, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов (пункт 19 статьи 3 Федерального закона № 161-ФЗ), то по существу такие „электронные средства, технические устройства...” будут являться средствами изготовления „поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств” и т. д., то есть способом совершения преступле-

ния, предусмотренного частью первой статьи 187 УК РФ.

При таком подходе к изложению диспозиции части первой статьи 187 УК РФ указанную статью УК РФ необходимо дополнить примечанием, в котором определить, что понимается под тем или иным понятием для целей этой статьи УК РФ»¹.

Прошло более девяти лет, и до сих пор отсутствуют не только примечание к ст. 187 УК РФ, но и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по вопросам правоприменения (например, это можно было бы сделать в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»).

Следственными органами и судами допускается неверное применение ст. 187 УК РФ, повлекшее значительное число незаконно вынесенных обвинительных приговоров. Суды необоснованно применяют ст. 187 УК РФ к действиям лиц, не образующим состав преступления, игнорируют важный признак предмета преступления — неправомерное предназначение. Наказуем сбыт только тех карт, которые являются поддельными, и только тех электронных средств, которые по своим свойствам позволяют совершить банковские операции неправомерно, т. е. без ведома владельца счета и (или) в обход системы идентификации клиента [6].

¹ По проекту Федерального закона № 537952-6 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» (второе чтение): Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 2.2-1/1722. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует поддержать Н. О. Карпова, утверждающего, что в диспозиции ст. 187 УК РФ в отношении предмета преступления имеется ряд неточностей, которые можно устранить путем указания в примечании к рассматриваемой статье некоторых терминов, таких как «поддельные документы и средства оплаты», «электронные средства» и «технические устройства» [7, с. 122].

Необходимо учитывать, что уголовная ответственность по ч. 1 ст. 187 УК РФ наступает лишь при условии доказанности умысла лица на совершение указанных в диспозиции действий, в том числе включающего осознание им предназначения изготавливаемых или сбываемых документов как платежных, а также возможности их использования именно в таком качестве. Данная позиция отражена в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 года № 1006-О¹.

Уголовно наказуемыми по ч. 1 ст. 187 УК РФ признаются изготовление, приобретение, хранение, транспортировка в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных ст. 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств.

Возникает вопрос: относятся ли к предмету сбыта указанные законодателем после слов «а также» электронные средства, электронные носители информации, технические устройства, компью-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ермаковой Юлии Владимировны на нарушение ее конституционных прав статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2023 г. № 1006-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

терные программы, предназначенные для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств?

Отсутствует однозначный ответ на этот вопрос правоприменителей и правоведов.

Так, Д. Б. Чернышев, изучив судебную практику по ст. 187 УК РФ, проведя синтаксический анализ диспозиции ст. 187 УК РФ, делает вывод, что признак «поддельные» относится не ко всем предметам, названным в ст. 187 УК РФ, а только к тем, которые перечислены до союза «а также», остальные же характеризуются своим преступным назначением, например неправомерные прием, выдача и перевод денежных средств [8, с. 91].

Ю. Б. Самойлова и В. Л. Согоян, анализируя признак поддельности как признак предмета преступления по ст. 187 УК РФ, задают резонный вопрос, распространяется ли признак поддельности на электронные средства платежа. В итоге изученные ими материалы 16 уголовных дел по ст. 187 УК РФ, по которым были вынесены обвинительные приговоры в 2022–2023 годах, привели их к такому же выводу, что и Д. Б. Чернышева [9, с. 55].

«Кроме того, вряд ли можно признать обоснованным отнесение такой цели, как неправомерное осуществление приема, выдачи, перевода денежных средств, исключительно к изготовлению в целях сбыта или сбыту электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств и компьютерных программ. Очевидно, что поддельные платежные карты, поддельные распоряжения о переводе денежных средств изготавливаются с той же целью. Предлагаемая редакция рассматриваемой нормы УК РФ не позволяет однозначно определить, относится ли признак подделки только к платежным картам, распоряжениям о переводе денежных

средств, документам и средствам оплаты или же в том числе и к электронным средствам, электронным носителям информации и так далее. Тем более что электронный носитель информации в виде платежной карты может подлежать подделке»¹.

Анализ судебной практики, проведенный нами, показывает, что изготовлением поддельных распоряжений о переводе денежных средств чаще занимаются лица, имеющие доступ к операционным системам, компьютерам, с использованием которых можно осуществить прием или выдачу денежных средств.

Например, ФИО1 и ФИО35 осуждены за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ и ч. 1 ст. 187 УК РФ (восемь эпизодов)².

Примечательно, что при предоставлении документа, удостоверяющего личность, с целью образования юридического лица за денежное вознаграждение, не имея намерений осуществлять предпринимательскую деятельность и управлять юридическим лицом, лица привлекаются к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 187 УК РФ.

Так, ФИО4, будучи осведомлен о том, что документ, удостоверяющий его личность, будет использован для внесения в ЕГРЮЛ сведений о подставном лице, предоставил неустановленному лицу документ, удостоверяющий его личность, паспорт гражданина Российской Федерации на имя ФИО4³.

¹ По проекту Федерального закона № 537952-6 «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» (второе чтение) : Заключение Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 7 апреля 2015 г. № 2.2-1/1722. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Мытищинского городского суда Московской области от 30 января 2024 г. по уголовному делу № 1-43/24 (№1-637/23) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

³ Приговор Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга от 29 января 2024 г.

В этом примере в действиях лица, на наш взгляд, усматривается состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, а не ч. 1 ст. 187 УК РФ.

В частности, аналогичные действия квалифицированы по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ⁴.

Конечно, многое зависит от квалификации лиц, расследующих уголовные дела, и лиц, рассматривающих их в судах.

Из изученных нами приговоров усматривается, что лица привлекаются к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 187 УК РФ в случаях, когда они за денежное вознаграждение открывают банковские карты, привязанные к расчетным счетам, в банковских организациях, где они же являются номинальными руководителями, и сбывают затем неустановленным лицам. Открытые в банковских организациях банковские карты, подключенные к системе дистанционного банковского обслуживания, позволяют неустановленным третьим лицам в последующем осуществлять прием, выдачу и переводы денежных средств по расчетным (лицевым) счетам от имени этих лиц⁵.

по уголовному делу № 1-10/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 3 ноября 2017 г. по уголовному делу № 1-206/2017 // ЮрКонсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

⁵ Напр.: Приговор Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 30 января 2024 г. по уголовному делу № 1-72/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.07.2024) ; Приговор Центрального районного суда г. Кемерово от 29 января 2024 г. по уголовному делу № 1-130/2024 (1- 777/2023) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.07.2024) ; Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 16 ноября 2017 г. по уголовному делу № 1-428/2017 // ЮрКонсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/> (дата обращения: 25.07.2024) ; Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 12 июля 2017 г. по уго-

Так, в период с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ, более точное время не установлено, к ФИО2 обратилось неустановленное лицо, которое предложило ему за денежное вознаграждение обратиться в отделение банка ПАО «Сбербанк России» для открытия банковского счета ООО «ЭКРИС» с возможностью дистанционного банковского обслуживания для осуществления в дальнейшем неправомερных приема, выдачи, перевода денежных средств¹.

Следующий пример, когда М. А. Р. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 187 УК РФ, а именно в изготовлении платежного поручения на оплату за проживание в гостинице лицу, которое фактически не проживало, но попросило за плату предоставить чек для отчета о командировке².

В другом примере П. А. А. признана виновной в изготовлении поддельных распоряжений о переводе денежных средств³.

Введя в УК РФ ст. 187, отнеся предусмотренное ею преступление к категории тяжких и поместив статью рядом со ст. 186 (изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг), законодатель, очевидно, имел в виду не просто передачу ЭЦП (электронная цифровая подпись)

ловному делу № 1-293/2017 // ЮрКонсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

¹ Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 29 января 2024 г. по уголовному делу № 1-42/2024 (1-331/2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска от 30 ноября 2017 г. по уголовному делу № 1-447/2017 // ЮрКонсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

³ Приговор Кировского районного суда г. Хабаровска от 28 июля 2017 г. по уголовному делу № 1-139/2017 // ЮрКонсульт : сайт. URL: <https://advocate-service.ru/> (дата обращения: 25.07.2024).

третьим лицам, а именно сбыт неких электронных средств, которые могут подорвать существование национальной платежной системы. Именно поэтому законодатель указал в ст. 187 УК РФ квалифицирующий признак предмета преступления – предназначение для неправомερного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств. Таким образом, не любая передача электронных средств идентификации клиента образует состав преступления, предусмотренного ст. 187 УК РФ, хотя любая их передача формально запрещена. Передача ключей ЭЦП может повлечь негативные гражданско-правовые последствия для компании, однако практикуется повсеместно и не может образовывать состав преступления, поскольку не причиняет сама по себе вред государству и не подрывает существование национальной платежной системы [6].

Таким образом, на сегодняшний день сложилась неоднозначная практика понимания и, следовательно, применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 187 УК РФ.

По нашему мнению, для устранения расширительного толкования такого признака предмета преступления, как «распоряжение о переводе денежных средств», необходимо уточнение в примечании к рассматриваемой нами статье:

Примечание. Под распоряжениями о переводе денежных средств понимаются документы, обеспечивающие доступ к безналичным денежным средствам и распоряжение ими в форме безналичных расчетов.

С целью совершенствования правоприменительной деятельности предлагается внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 (ред. от 11 июня 2020 г.) «О практике применения судами законодательства, регламентирующего осо-

бенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»:

Пункт 9.2. При рассмотрении дел о неправомерном обороте средств платежа, с учетом того, что такие деяния являются умышленными, необходимо выяснять все обстоятельства, указывающие на субъективное отношение к содеянно-

му каждого из подсудимых. При этом особое внимание следует уделять проверке правильности квалификации действий, связанных с предоставлением документа, удостоверяющего личность, или выдачей доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице.

Список источников

1. Ломовцева Л. П., Сачихин А. В. Негативные тенденции применения ст. 187 УК РФ в уголовных делах экономической направленности // Вестник науки и образования. 2020. № 25-1 (103). С. 52–53.
2. Соловьева Е. А. О проблемах правоприменительной практики, формируемой при применении уголовной ответственности за неправомерный оборот платежных документов // Ex jure. 2020. № 1. С. 95–105.
3. Мальгин К. В. Способы подделки средств платежей // Ex jure. 2021. № 1. С. 171–180.
4. Домкин П. Что относится к средствам платежей? (статья 187 УК РФ) // Домкины и партнеры : Адвокатское бюро в городе Москве : сайт. URL: <https://www.advodom.ru/> (дата обращения: 20.07.2024).
5. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М. П. Журавлев, А. В. Наумов, С. И. Никулин [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. Изд. 10-е, перераб. и доп. Москва : Проспект, 2018. 941 с.
6. Горелов М. А. Порочная практика применения следствием и судами ст. 187 УК РФ: как я добивался оправдания. URL: <https://vc.ru/u/3548944-advokat-gorelov-ma> (дата обращения: 20.07.2024).
7. Карпов Н. О. Предмет неправомерного оборота средств платежей (правовой и криминалистический аспекты) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (75). С. 119–122.
8. Чернышев Д. Б. К вопросу о предмете преступления, предусмотренного статьей 187 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3 (49). С. 87–92.
9. Самойлова Ю. Б., Согоян В. Л. Незаконный оборот средств платежей: специфика применения нормы // Уголовный процесс. 2024. № 4. С. 54–61.

Информация об авторе

О. С. Кучин – профессор кафедры судебной экспертизы и криминалистики Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. S. Kuchin – Professor of the Department of forensic science and criminalistics, Russian State University of Justice, Doctor of Science (Law), Professor.

Научная статья
УДК 343.272

**КОНФИСКАЦИЯ АВТОМОБИЛЯ, ПРИОБРЕТЕННОГО В КРЕДИТ,
ПО ДОГОВОРУ ФИНАНСОВОГО ЛИЗИНГА ИЛИ НА ОСНОВАНИИ
СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА, ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ**

Марьям Фердинандовна МИНГАЛИМОВА

*Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Казань, Россия, maryam_m@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется судебная практика применения конфискации транспортных средств, приобретенных в кредит, по договору финансового лизинга или на основании социального контракта, по уголовным делам о преступлении, состоящем в управлении автомобилем в состоянии опьянения лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное правонарушение или имеющим судимость. Автором отмечено, что наличие обязанностей по исполнению кредитных обязательств не является основанием для неприменения положений о конфискации автомобиля, поскольку конфискация автомобиля, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.1 или 264.3 УК РФ, в силу п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ носит императивный характер и подлежит безусловному применению.

Ключевые слова: конфискация, транспортное средство, право собственности, состояние опьянения, кредит, лизинг, безопасность дорожного движения, суд

Для цитирования: Мингалимова М. Ф. Конфискация автомобиля, приобретенного в кредит, по договору финансового лизинга или на основании социального контракта, при совершении преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 44 – 52.

Original article

**CONFISCATION OF A VEHICLE ACQUIRED ON CREDIT, UNDER A FINANCIAL
LEASING AGREEMENT OR A SOCIAL CONTRACT, WHEN COMMITTING
A CRIME IN THE SPHERE OF ROAD TRAFFIC SAFETY WHILE INTOXICATED**

Maryam F. MINGALIMOVA

*Kazan Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation,
Kazan, Russia, maryam_m@mail.ru*

Abstract. The article analyses the judicial practice of using confiscation of vehicles acquired on credit, under a financial leasing agreement or a social contract, in criminal cases of crimes involving the offence of driving while intoxicated by an individual previously subject to administrative penalties for a similar violation or having a criminal record. The author noted that the existence of obligations to fulfill credit commitments does not constitute grounds for non-application of

© Мингалимова М. Ф., 2024

vehicle confiscation provisions, as the confiscation of a vehicle belonging to the accused and used in the commission of a crime under Articles 264.1, 264.1, or 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, pursuant to the fifth paragraph of Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of Russian Federation, is imperative and subject to unconditional application.

Keywords: confiscation, motor vehicle, property rights, intoxication, credit, leasing, road traffic safety, court

For citation: Mingalimova M. F. Confiscation of a vehicle acquired on credit, under a financial leasing agreement or a social contract, when committing a crime in the sphere of road traffic safety while intoxicated. *Criminalist*. 2024;4(49):44-52. (In Russ.).

За последние несколько лет в условиях экономического кризиса и инфляции наблюдается удорожание автомобилей, что неизбежно приводит к увеличению числа транспортных средств, приобретаемых на заемные денежные средства. Во многом это объясняется широкой доступностью кредитов, которые превратили недостижимую мечту о покупке желаемой модели автомобиля во вполне осуществимую цель.

Как следует из данных Банка России, в настоящее время прослеживается тенденция к росту закредитованности населения. По состоянию на 1 января 2024 года в банках и микрофинансовых организациях имели кредиты 50 млн человек, что составляет более 40 % населения России в возрасте старше 16 лет¹. По итогам 2023 года банками было выдано 932,1 тыс. автокредитов на сумму 1,32 трлн рублей, что на 70 % больше аналогичного периода прошлого года (в 2022 году – 0,67 трлн рублей).²

Не последнюю роль в увеличении количества выданных кредитов в 2023 году сыграло возобновление государственных

¹ Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй. Второе полугодие 2023 года : информационно-аналитический материал Центрального Банка Российской Федерации // Центральный банк Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/49059/inf-material_bki_2023sh.pdf (дата обращения: 04.07.2024).

² Известия : офиц. интернет-портал. URL: <https://iz.ru/1641929/2024-01-30/rossiiane-zagod-nabrali-avtokreditov-na-rekordnye-13-trln> (дата обращения: 02.07.2024).

программ льготного автокредитования³. В 2023 году на систему льготного автокредитования, включающую программы субсидирования автокредитов и лизинга, пришлось 16 млрд рублей⁴. Льготное автокредитование подразумевает, что государство оплатит первый взнос тем, кто принял решение о приобретении транспортного средства в кредит, что позволит сэкономить до 35 % стоимости машины.

В настоящее время приобрести транспортное средство можно как в рамках получения целевого автокредита (займа), в том числе льготного, с государственной поддержкой на покупку автомобилей российской сборки⁵, так и по договору потребительского нецелевого кредита (кредита наличными)⁶.

³ См.: О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 апреля 2015 г. № 364 : Постановление Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2023 г. № 1834 // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020046?index=1> (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ Auto.ru : сайт. URL: https://auto.ru/mag/article/rossiyane-v-2023-godu-postavili-rekord-po-avtokreditovaniyu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 02.07.2024).

⁵ Речь идет о государственных программах «Семейный автомобиль», «Первый автомобиль», «Автомобиль медицинским работникам», «Автокредит для учителей» и др.

⁶ Деятельность по потребительскому кредитованию граждан регулируется нормами Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ (ред. от 12 июня 2024 г.) «О потребительском кредите (займе)».

Автокредит — это разновидность потребительского кредита. Его суть сводится к тому, что банк выдает физическому лицу займ на определенный срок под процент, а заемщик может использовать эти денежные средства только на покупку конкретного транспортного средства. В этом случае автомобилем можно пользоваться, но совершать сделки по продаже, обмену или дарению без согласия банка недопустимо. Полноправным собственником автомобиля можно стать только после выплаты всей суммы по кредитному договору.

Потребительский кредит — это целевой кредит, который предоставляется банком на приобретение неопределенных товаров (услуг, работ) для личных, бытовых и иных нужд. Заключение договора потребительского кредита подразумевает выдачу банком/финансово-кредитной организацией необходимых заемщику денежных средств, которыми он может свободно распоряжаться, в том числе расходовать на любые цели и покупки.

Несмотря на значительную разницу в условиях покупки транспортных средств по договору целевого автокредита и потребительского кредита, последствиях заключения указанных сделок, в случае совершения преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения вид кредитного договора для применения положений о конфискации транспортного средства правового значения не имеет¹. В обоих случаях собственником транспортного средства является покупатель (заемщик), о чем делается соответствующая запись в паспорте транспортного средства, в связи с чем автомобиль подлежит конфискации в доход государства.

¹ В силу требований ст. 104.1 УК РФ конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества, перечисленного в пунктах «а» — «д» данной статьи.

Само по себе управление транспортным средством в момент совершения преступления в состоянии опьянения без наличия правомочий собственника не обуславливает обращение в доход государства автомобиля. Для применения конфискации транспортного средства необходимо наличие совокупности двух обстоятельств (факторов): принадлежность транспортного средства обвиняемому и использование им транспортного средства при совершении преступлений, предусмотренных ст. 264.1 — 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Введенная в действие с 25 июля 2022 года норма уголовного закона, содержащаяся в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ² и предусматривающая конфискацию транспортного средства за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения, получила широкое применение. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2022 году арест наложен на 12 651 транспортное средство, в порядке ст. 104.1 УК РФ конфисковано 625 транспортных средств³. В 2023 году судами наложен арест на 24 531 транспортное средство, на основании приговоров и иных судебных актов в доход государства конфисковано 9 241 транспортное средство⁴.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29, ч. 2. Ст. 5225.

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции : сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7645> (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции : сводные статистические сведения о

Управление транспортным средством в состоянии опьянения — это одно из грубейших нарушений, допускаемых водителями в сфере безопасности дорожного движения, создающее угрозу жизни и здоровью, а также целостности имущества неограниченного числа лиц [1, с. 78].

Судебная практика изобилует примерами конфискации транспортных средств, в том числе приобретенных по договору кредита¹. Подобное стало возможным в том числе благодаря разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации².

Приведем пример. Приговором Моршанского районного суда Тамбовской области от 17 августа 2023 года у Б. конфискован автомобиль марки «Лада Гранта». Обеспечительные меры в виде наложения ареста на транспортное средство сохранены для обеспечения исполнения приговора суда в части

деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8688> (дата обращения: 04.07.2024).

¹ Уголовное дело № 1-188/2023 // Архив Моршанского районного суда Тамбовской области за 2023 год ; Уголовное дело № 1-157/2023 // Архив Петуховского районного суда Курганской области за 2023 год ; Уголовное дело № 1-57/2023 // Архив Анадырского городского суда Чукотского автономного округа за 2023 год ; Апелляционное постановление Архангельского областного суда от 27 апреля 2024 г. по делу № 22-1392/2024 // Архив Архангельского областного суда ; Уголовное дело № 1-45/2024 // Архив Вельского районного суда Архангельской области за 2024 год.

² В силу положений п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве» обеспечительные меры, принятые судом в иных видах судопроизводства в отношении предмета, подлежащего конфискации по уголовному делу (например, наложение ареста на имущество должника по гражданскому делу), как и наличие обременения (например, в виде залога), не относятся к числу причин, исключающих конфискацию данного предмета.

конфискации³. Апелляционным постановлением Тамбовского областного суда от 17 августа 2023 года приговор районного суда оставлен без изменения. Суд второй инстанции указал, что само по себе наличие непогашенного кредита за спорный автомобиль не свидетельствует о незаконности применения положений ст. 104.1 УК РФ⁴.

В кассационной жалобе осужденный выразил несогласие с судебными актами и сослался на то, что на момент совершения преступления автомобиль фактически ему не принадлежал: транспортное средство находилось в залоге у банка, поскольку приобреталось по договору потребительского кредита и, по мнению осужденного, конфискация нарушает права коммерческой организации, выдавшей займ.

Второй кассационный суд общей юрисдикции, проверив законность принятых решений, пришел к выводу, что каких-либо ограничений, в том числе касающихся режима собственности подлежащего конфискации имущества, положения ст. 104.1 УК РФ не содержат. Кроме того, заинтересованным лицам было разъяснено право на обращение в суд как в порядке исполнения приговора, так и с иском об освобождении имущества от ареста или исключении его из описи в порядке гражданского судопроизводства в рамках положений

³ Уголовное дело № 1-188/2023 // Моршанский районный суд Тамбовской области : офиц. сайт. URL: https://morshansky--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=dos&number=119130671&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 04.07.2024).

⁴ Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 5 октября 2023 г. по уголовному делу № 22-1954/2023 // Тамбовский областной суд : офиц. сайт. URL: https://oblsud--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=11856082&case_uid=6f28c448-8aac-45a2-a0fd-d0adcf069bce&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 04.07.2024).

ст. 119 Федерального закона от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹.

С учетом изложенного приобретение транспортного средства в рамках кредитного договора не является препятствием для применения положений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а конфискация предмета залога не исключает возможности реализации права залога на получение переданной заемщику суммы денежной суммы в соответствии с условиями договора.

Еще одним активно используемым средством в механизме регулирования рыночных отношений выступает договор лизинга [2, с. 3]. Термин «лизинг» происходит от глагола *to lease*, что в переводе с английского языка означает «дать в аренду». В научной литературе вопросам лизинга посвящено немало исследований [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9].

Лизинг — это финансовый инструмент, сочетающий в себе элементы долгосрочной аренды и финансового кредита. Лизинг подходит для приобретения как легкового коммерческого автотранспорта, так и грузовых автомобилей, дорожной (строительной и специальной) техники².

Содержание договора лизинга, как правило, сводится к тому, что лизинговая компания приобретает в собственность конкретное имущество и передает его в пользование потребителю данной финансовой услуги, именуемому лизингополучателем. В течение установленного срока действия лизингового договора потребитель финансовой услуги выплачивает стоимость приобретенного имущества с учетом вознаграждения за лизинг. По истечении обозначенного

сделкой времени предусматривается несколько способов завершения договора лизинга. К числу наиболее распространенных способов относится выплата оговоренной суммы в договоре с дальнейшим выкупом транспортного средства и переходом имущества в собственность лизингополучателя.

Возникает закономерный вопрос: в случае совершения лизингополучателем преступления в сфере безопасности дорожного движения, связанного с управлением транспортного средства в состоянии опьянения, можно ли обратить на него взыскание и конфисковать в доход государства транспортное средство, переданное в пользование лизингодателем по договору лизинга? Проанализируем нормы действующего законодательства по указанному вопросу.

Транспортные средства являются объектами гражданских прав и по смыслу п. 2 ст. 218, ст. 233 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) относятся к движимому имуществу. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации³, в соответствии со ст. 55 Конституции Российской Федерации, п. 2 ст. 1 ГК РФ гражданские права могут быть ограничены только на основании федерального закона, а иные нормативные акты, ограничивающие права собственника, применению не подлежат.

В соответствии со ст. 665 ГК РФ по договору финансовой аренды (договору лизинга) арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это

¹ Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2024 г. по делу № 77-1365/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² СберБанк : сайт. URL: <http://www.sberbank.ru/help/business/leasing> (дата обращения: 04.07.2024).

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. П. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имущество за плату во временное владение и пользование. Аналогичная норма содержится и в п. 4 ст. 15 Федерального закона от 29 октября 1998 года № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»¹.

Согласно правилам лизинга транспортных средств, являющимся неотъемлемой частью договора финансовой аренды, право собственности на транспортное средство переходит к лизингополучателю после окончания срока лизинга и исполнения лизингополучателем обязательств по оплате лизинговых платежей и выкупной цены посредством заключения между сторонами договора купли-продажи.

Исходя из п. 3 ст. 23 Федерального закона от 29 октября 1998 года № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» на предмет лизинга не может быть обращено взыскание третьего лица по обязательствам лизингополучателя, в том числе в случае, если предмет лизинга зарегистрирован на имя лизингополучателя.

Таким образом, проанализировав нормы действующего гражданского законодательства, можно прийти к выводу о том, что при заключении договора финансовой аренды (лизинга) право собственности на имущество, в том числе транспортное средство, сохраняется за лизингодателем и без выполнения обязательств по оплате лизинговых платежей и выкупной цены транспортного средства посредством заключения между сторонами договора купли-продажи оно не переходит к лизингополучателю. Как следует из разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, транспортное средство подлежит конфискации при условии, что оно принадлежит обвиняемому². Одного лишь

¹ О финансовой аренде (лизинге) : Федеральный закон от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 апр. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном

использования транспортного средства при совершении преступления недостаточно для ограничения конституционного права гражданина на частную собственность.

Обратимся к практике. Приговором Ленинского районного суда г. Тюмени от 26 июля 2023 года Ш. осужден по ч. 1 ст. 264.1 УК РФ. Как следует из приговора, Ш. признан виновным в том, что 19 апреля 2023 года, будучи подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения, повторно сел за руль автомобиля марки «Лада Гранта» в состоянии опьянения и управлял им вплоть до задержания сотрудниками дорожно-патрульной службы.

В ходе рассмотрения уголовного дела судом установлено, что Ш. выступал в качестве лизингополучателя по договору финансовой аренды (лизинга) и автомобиль находился только в его временном владении и пользовании. Таким образом, Ш. не являлся собственником машины и не обладал правом распоряжаться автомобилем. По результатам рассмотрения уголовного дела районный суд постановил снять ранее наложенный арест с автомобиля и вернуть его законному владельцу³.

Аналогичные решения с отказом в применении конфискации автомобиля марки «Kia Sportage», являвшегося предметом договора финансовой аренды (лизинга), состоялись по уголовному делу в отношении А., осужденной Октябрьским районным судом г. Томска⁴; по уголовному делу в отношении Л.,

судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 : текст с изм. и доп. на 12 дек. 2023 г. П. 3 (1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовное дело № 1-1261/2023 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени за 2023 год.

⁴ Уголовное дело № 1-730/2023 // Архив Октябрьского районного суда г. Томска за 2023 год.

осужденного Октябрьским районным судом г. Екатеринбурга¹, и др.

В судебной практике встречаются случаи приобретения транспортных средств не только на основании кредитных или лизинговых договоров и совершения их владельцами и распорядителями преступлений в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения. Речь идет о случаях приобретения автомобиля на денежные средства, полученные по социальному контракту от государства².

Заключение договора социального контракта означает приобретение имущества по целевому назначению, в том числе автомобиля, для личного пользования. При этом право собственности оформляется на получателя социальной выплаты. Важным условием является обязанность потребителя данной услуги подтвердить целевое использование денежных средств, полученных по социальному контракту, с приложением товарных, кассовых чеков, договора купли-продажи, расписки и других форм отчетности. При этом покупка автомобиля на денежные средства, полученные на основании социального контракта, не служит препятствием для применения положений о конфискации.

¹ Уголовное дело № 1-249/2023 // Архив Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области за 2023 год.

² В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 17 июля 1999 года № 178-ФЗ (ред. от 29 мая 2024 г.) «О государственной социальной помощи» получателями государственной социальной помощи могут быть малоимущие семьи, малоимущие одиноко проживающие граждане и иные категории граждан, предусмотренные настоящим Федеральным законом, которые по независящим от них причинам имеют среднедушевой доход ниже величины прожиточного минимума на душу населения, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации. Государственная социальная помощь оказывается в форме денежной выплаты на осуществление мероприятий, предусмотренных социальным контрактом и связанных с выполнением обязанностей по социальному контракту.

Приведем пример. Приговором Аларского районного суда Иркутской области у К. на основании п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ конфискован автомобиль³. Не согласившись с принятым решением, К. обжаловал приговор в областной суд. В своей жалобе указал, что конфискованное транспортное средство было приобретено им на государственные средства, полученные по социальному контракту, что свидетельствует о том, что оно не принадлежит ему на праве собственности и делает невозможным применение положений главы 15.1 УК РФ в части конфискации. Проверив законность вынесенного решения, Иркутский областной суд указал, что, согласно копии договора купли-продажи транспортного средства, собственником автомобиля является К., что также подтверждается его показаниями. Как следует из текста апелляционного постановления, вопреки доводам жалобы суд первой инстанции, установив на основании исследованных в судебном заседании доказательств факт принадлежности на праве собственности транспортного средства осужденному, а также то, что оно использовалось им при совершении преступления, в полном соответствии с требованиями п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ пришел к обоснованному выводу о конфискации автомобиля и обращении его в собственность государства. Что касается доводов жалобы о невозможности конфискации вышеуказанного автомобиля в связи с его приобретением на средства субсидии, то апелляционная инстанция указала, что они не основаны на нормах законодательства⁴.

³ Уголовное дело № 1-25/2024 // Архив Аларского районного суда Иркутской области за 2024 год.

⁴ Апелляционное постановление Иркутского областного суда (Иркутская область) от 16 мая 2024 г. по делу № 22-1513/2024 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.07.2024).

В заключение отметим, что положения закона о конфискации являются эффективным средством противодействия повторному совершению преступлений в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения в будущем и подлежат применению судом в случае, указанном в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Анализ судебной практики и изучение норм действующего гражданского и уголовного законодательства показали, что для применения положений о конфискации транспортного средства, оформленного по договору финансовой аренды (лизинга), приобретенного на денежные средства, полученные в рамках целевого автокредита, по договору потребительского кредита или на основании социального контракта, решающее значение имеют факт регистрации права собственности на транспортное средство и документальное владение им. Речь идет об отражении анкетных данных нарушителя в договоре куп-

ли-продажи и в паспорте транспортного средства в графе «Наименование собственника». Для применения конфискации нарушитель должен быть лицом, фактически владеющим спорным имуществом и зарегистрированным правообладателем. Обременение в виде залога не лишает собственника права собственности в отношении этого имущества, а является обеспечением принятого на себя собственником обязательства. Таким образом, наличие обязанностей по исполнению кредитных обязательств не может быть признано основанием для неприменения положений о конфискации автомобиля, поскольку конфискации принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или ст. 264.3 УК РФ, в силу п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ носит императивный характер и подлежит безусловному применению.

Список источников

1. Бельдий Е. И. Конфискация транспортных средств как средство борьбы с нетрезвыми водителями на дороге // Прокурор. 2024. № 2. С. 78 – 80.
2. Торрес Ортега И. В. Договор лизинга как структурно-сложное обязательство : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Торрес Ортега Ирина Валентиновна. Москва, 2011. 20 с.
3. Арсентьева Е. В. Договор лизинга в современном гражданском праве России и зарубежных стран : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Арсентьева Елена Витальевна. Казань, 2003. 23 с.
4. Егорова А. А. Договор лизинга воздушных судов : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Егорова Анна Александровна. Москва, 2007. 149 с.
5. Лисименко И. Г. Договор лизинга в российском гражданском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... д-ра юрид. наук / Лисименко Иван Григорьевич. Волгоград, 1999. 161 с.
6. Санисалова Н. А. Гражданско-правовые отношения субъектов договора лизинга : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Санисалова Наталья Александровна. Краснодар, 2005. 201 с.
7. Сахарова И. В. Правоотношения, возникающие из договоров лизинга и купли-продажи объекта лизинга : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право;

семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Сахарова Ирина Васильевна. Ростов-на-Дону, 2010. 242 с.

8. Серкова Ю. А. Договор лизинга по российскому и зарубежному праву : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Серкова Юлия Анатольевна. Казань, 2002. 92 с.

9. Чуйко В. И. Лизинг в Российской Федерации: проблемы гражданско-правового регулирования и правоприменительной практики : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. ... канд. юрид. наук / Чуйко Виктор Иванович. Москва, 2011. 189 с.

Информация об авторе

М. Ф. Мингалимова – доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. F. Mingalimova – Associate Professor at the Department of prosecutorial supervision over the execution of laws in operational investigative activities and the participation of the prosecutor in criminal proceedings, Kazan Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.1

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКСПЕРТОМ БУДУЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО: ЗА И ПРОТИВ

Игорь Владимирович ОВСЯННИКОВ

Академия Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, ivover@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблемный вопрос о том, каким образом следует подтверждать (устанавливать), что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания. Обсуждается возможность использования для этого психологических знаний в форме производства судебной экспертизы и получения от эксперта прогноза будущего поведения подростка. Анализируются аргументы противников постановки перед экспертом вопроса о возможности исправления конкретного несовершеннолетнего обвиняемого без применения наказания.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый, исправление, наказание, принудительная мера воспитательного воздействия, судебная экспертиза, прогноз

Для цитирования: Овсянников И. В. Прогнозирование экспертом будущего поведения несовершеннолетнего обвиняемого: за и против // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 53–58.

Original article

EXPERT OPINION IN FORECASTING THE FUTURE BEHAVIOUR OF A JUVENILE ACCUSED: PROS AND CONS

Igor V. OVSYANNIKOV

Academy of the Federal penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ivover@mail.ru

Abstract. The article explores the problematic issue of how to confirm (establish) that the correction of a minor accused can be achieved without the application of punishment. The possibility of using psychological knowledge in the form of a forensic expertise and obtaining expert opinion in forecasting the teenager's future behaviour is discussed. The arguments of the opponents of posing the question of the possibility of correcting a particular juvenile defendant without punishment are analyzed.

Keywords: juvenile defendant, correction, punishment, compulsory educational measure, forensic expertise, prognosis

For citation: Ovsyannikov I. V. Expert opinion in forecasting the future behaviour of a juvenile accused: pros and cons. Criminalist. 2024;4(49):53-58. (In Russ.).

В России в январе — мае 2024 года ка- совершено несовершеннолетними или
ждое сорок первое преступление (2,4 %) при их соучастии, таких преступных

© Овсянников И. В., 2024

посягательств стало меньше на 8,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹.

Международные нормы и правила предусматривают необходимость учитывать желательность содействия перевоспитанию несовершеннолетних², рекомендуют избегать официального разбирательства дела в отношении их в суде, прекращать дело³. Это способствует уменьшению травм детской психики.

В связи с этим актуальны отечественные нормы, отдающие приоритет принудительным мерам воспитательного воздействия перед назначением наказания (ч. 2 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК РФ). Прекращение уголовного преследования с применением принудительных мер воспитательного воздействия возможно при условии установления, что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания (чч. 1, 3 ст. 427, ч. 1 ст. 431 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, далее – УПК РФ).

Особенностью данного регламента, в том числе в досудебном производстве, является применение судебных процедур. Решение принимает суд. Это ослож-

няет деятельность участников со стороны обвинения.

Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 года № 744 требует учитывать, что «возможность исправления несовершеннолетнего без применения наказания должна быть подтверждена процессуальными документами»⁴.

Проблемным является вопрос, каким образом должностным лицам следует подтверждать (устанавливать) данное обстоятельство.

В науке уголовного процесса предлагается более активно использовать накопленные психологические знания [1], обосновываются предложения устанавливать указанное выше обстоятельство путем производства судебной экспертизы, в рамках которой получать от экспертов, обладающих знаниями в области психологии, педагогики, психиатрии, прогноз будущего поведения подростка [2; 3, с. 99]⁵.

Я. А. Климова критикует редкое применение принудительных мер воспитательного воздействия, причину видит в отсутствии единообразного способа установления возможности исправления путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предлагает решить проблему «путем законодательного закрепления обязательного назначения и проведения в отношении несовершеннолетнего подо-

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – май 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/51988292/> (дата обращения: 10.07.2024).

² Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Ст. 14, ч. 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29 ноября 1985 г. Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН. Пп. 11.1, 11.2 // Организация Объединенных Наций : сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 10.07.2024).

⁴ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744. П. 2.2.15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Среди опрошенных С. Ю. Солониной прокуроров на вопрос: «Считаете ли Вы целесообразным назначать в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого судебную экспертизу для определения возможности его исправления без применения наказания?» – положительно ответили 43 % респондентов, 28 % затруднились ответить [4, с. 209].

зреваемого или обвиняемого комплексной психолого-психиатрической экспертизы в целях определения возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания» [5]. Отмечает практику обязательного проведения психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетнего подозреваемого в следственном управлении Волгоградского линейного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте [5].

Есть и иные мнения. Не согласны с постановкой перед экспертом вопроса о возможности исправления конкретно несовершеннолетнего обвиняемого без применения наказания Н. Ю. Дутов и Ю. И. Дутов. Свое несогласие они мотивируют следующим:

1. «Любая личность, а личность несовершеннолетнего тем более, непрерывно развивается, и установить предполагаемый характер поведения в определенных обстоятельствах в будущем невозможно» [6].

2. «...Экспертиза будет носить вероятностный характер, а все сомнения, согласно закону, трактуются в пользу обвиняемого» [6].

3. «...Производство любых экспертиз, а экспертиз, затрагивающих психику лиц, в особенности, носит довольно продолжительный характер, что повлечет за собой затягивание производства по уголовному делу и, как следствие, отрицательное воздействие на несовершеннолетнего, вовлеченного в уголовное судопроизводство» [6].

4. «Да и не ясно, будет ли эксперт нести ответственность за данное им заключение, если в последующем, после реализации мер воспитательного воздействия, несовершеннолетний продолжит совершать преступления» [6].

5. «Назначая подобную экспертизу, следователь просто снимает с себя ответственность за принятое решение, что, на наш взгляд, противоречит нормам УПК РФ» [6].

Аргументы, приведенные уважаемыми учеными, представляют научный и практический интерес. Рассмотрим каждый из этих аргументов.

1. Если исходить из тезиса о невозможности установить предполагаемый характер поведения несовершеннолетнего в будущем, то придется признать, что это не могут установить и сам следователь, дознаватель, суд. Но содержание ч. 1 ст. 427 УПК РФ говорит о том, что законодатель исходит из противоположного тезиса — о возможности установить, «что исправление несовершеннолетнего обвиняемого может быть достигнуто без применения наказания». Из возможности суда прийти к выводу, что «его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия», исходит и Пленум Верховного Суда Российской Федерации¹.

В психологии исследуется проблема прогнозирования девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей, констатируется возможность этого [7]. К задачам психолога относят изучение личности подростка в будущем (прогноз) для определения программы исправительной работы с ним [8, с. 181]. Отказ от использования психологических знаний влечет обезличивание выбора мер воздействия [9, с. 227].

2. Исправление подростка без применения наказания — событие будущего. Прогноз об этом эксперт даст, скорее всего, в вероятностной форме². Это нормально.

¹ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 28 окт. 2021 г. П. 31. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В криминологии под прогнозированием поведения отдельного лица понимается определение его вероятного будущего преступного поведения [10].

Представление о недопустимости использования вероятностного (вероятного) заключения эксперта связано с требованием не основывать обвинительный приговор на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ). Но Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет: это требование не тождественно запрету на использование в доказывании отдельных доказательств вероятностного характера; каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности¹.

3. Производство судебных экспертиз, конечно, требует времени и не способствует сокращению сроков уголовного судопроизводства. Но вряд ли это является достаточным основанием для отказа от производства любых судебных экспертиз по делам о преступлениях несовершеннолетних. Не случайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации считает возможным устанавливать с помощью экспертов возраст несовершеннолетнего, а при наличии данных о его отставании в психическом развитии — необходимым назначать «психолого-психиатрическую экспертизу в целях решения вопроса о его психическом состоянии и способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»².

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 2008 г. № 566-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Александра Афанасьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 2 и 3 части первой статьи 81 и статьей 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1682-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности

Что касается затягивания производства по делу, полагаем, что поспешно принятое окончательное (итоговое) решение по делу несовершеннолетнего может оказаться не самым оптимальным. В связи с этим заслуживает внимания и изучения опыт особого суда по делам о несовершеннолетних, действовавшего в Санкт-Петербурге в 1910 году. После первого слушания дела судья мог не решать его окончательно, а отдать несовершеннолетнего под ответственность присмотр одного из попечителей и лица, у которого живет несовершеннолетний, если это лицо согласно. Далее суд осуществлял периодический контроль за воспитательным процессом (через 3–4 месяца), в этом процессе участвовали попечители (работники вспомогательного судебного органа) и родственники несовершеннолетнего; в ходе этого процесса судья неоднократно общался с несовершеннолетним, вносил при необходимости коррективы в форму и содержание воспитательного процесса, регулировал его строгость в зависимости от поведения несовершеннолетнего [11, с. 86–89].

4. С нашей точки зрения, здесь нет неясности. Если эксперт сделал вывод в вероятностной форме, но его прогноз не совпал с событиями будущего, то это само по себе не дает основания для упреков в адрес эксперта. Вместе с тем нарушение экспертом процессуального закона при производстве исследований и даче заключения, неприменение или неправильное применение необходимой методики исследования, нарушение законов логики при формулировании вывода, необоснованность вывода дают такое основание. Не исключается и уголовная ответственность эксперта

уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 28 окт. 2021 г. Пп. 5, 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

за заведомо ложное заключение (ст. 307 УК РФ).

5. Заключение эксперта — лишь одно из доказательств. Оно не имеет заранее установленной силы, следовательно (дознаватель) оценивает его «по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств» (ст. 17 УПК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывает, что у заключения эксперта нет преимуществ перед другими доказательствами, оно «оценивается по общим правилам в совокупности с другими доказательствами. Одновременно следует учитывать квалификацию эксперта, выяснять, были ли ему представлены достаточные материалы и надлежащие объекты исследования»¹. Поэтому наличие в деле каких-либо доказательств (тем более назначение экспертизы) не снимает со следователя (дознателя) ни обязанности оценить каждое из них, ни ответственности за принимаемые решения.

Таким образом, рассмотренные аргументы, причины не назначать судебную экспертизу, не ставить перед экспертом вопрос об исправлении конкретного несовершеннолетнего без применения наказания, представляются не вполне убедительными. Предлагаем продолжить научное обсуждение этого непростого вопроса.

В заключение отметим следующее обстоятельство. При назначении су-

дебной экспертизы и постановке перед экспертом, в том числе экспертом-психологом, новых или нетрадиционных вопросов у правоприменителя могут быть сомнения в том, существуют ли экспертные методики для ответов на эти вопросы. Полагаем, такие сомнения не исключают постановку указанных вопросов. Во-первых, у эксперта возникает обязанность составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить его в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу, не из-за отсутствия официальной методики производства судебной экспертизы для решения какой-либо задачи, а если «современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы» (ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»²).

Во-вторых, «потребности практики, оформленные в социальный заказ практических работников, стимулируют как развитие новых видов экспертиз, так и различных экспертных методик», постановка перед экспертами качественно новых задач влечет развитие экспертных методик [12, с. 348]. Отказ же от постановки перед экспертами новых или нетрадиционных вопросов не способствовал бы этому положительному процессу.

Список источников

1. Скабелина Л. А. Об использовании психологических познаний в практике уголовного судопроизводства // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4. С. 78–80.
2. Овсянников И. В., Солонина С. Ю. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 153–158.

¹ О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 : текст с изм. и доп. на 29 июня 2021 г. П. 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ : текст с изм. и доп. на 22 июля 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Михайлова Т. Н. Условия прекращения уголовного преследования с применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4. С. 90 – 103.

4. Солонина С. Ю. Дискреционные основания прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетних : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук / Солонина Светлана Юрьевна. Воронеж, 2015. 216 с.

5. Климова Я. А. Полномочия прокурора при завершении досудебного производства в отношении несовершеннолетних и лиц, нуждающихся в применении принудительной меры медицинского характера // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3. С. 86 – 92.

6. Дутов Н. Ю., Дутов Ю. И. Особенности установления возможности исправления несовершеннолетнего обвиняемого путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 184 – 188.

7. Кириллова Е. Б., Зуева Е. Г. Прогнозирование девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 215 – 229.

8. Ситковская О. Д. Использование психологических знаний при решении вопроса об уголовной ответственности несовершеннолетних // Юридическая психология. Сб. науч. тр. Вып. 5 / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под науч. ред. О. Д. Ситковской. Москва : УП РФ, 2019. С. 172 – 185.

9. Ситковская О. Д. Возможности психологической экспертизы при судебном рассмотрении уголовных дел // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Курс лекций. Вып. 4 / Ун-т прокуратуры Российской Федерации ; под ред. О. С. Капинус ; рук. авт. кол. А. Ю. Винокуров. Москва : УП РФ, 2018. С. 224 – 240.

10. Афанасьева О. Р., Глеба О. В. Криминологическое прогнозирование индивидуального преступного поведения // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 03 (57), ч. 2. С. 118 – 121.

11. Люблинский П. И. Суды по делам о несовершеннолетних в России // Журнал Министерства юстиции. 1910. № 6. С. 73 – 112.

12. Холопова Е. Н. Проблемы развития новых видов судебно-психологических экспертиз и экспертных методик // Вопросы экспертной практики. 2017. № S1. С. 347 – 352.

Информация об авторе

И. В. Овсянников – главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

I. V. Ovsyannikov – Chief Researcher of the Research department of scientific center, Academy of the Federal Penitentiary Service, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Научная статья
УДК 343.13

ЭЛЕКТРОННАЯ КОПИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ОПТИМИЗАЦИЯ ИЛИ ИМИТАЦИЯ?

Оксана Вениаминовна ПЕТРОВА¹, Илья Сергеевич ЗВОРЫГИН²

^{1,2} Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия

¹petrova07072020@gmail.com

²zvoril7779@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы цифровизации уголовного судопроизводства в России, акцентируется внимание на недавних изменениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, вступивших в силу 5 января 2024 года. Анализируются новые нормы, касающиеся использования электронных документов на этапе досудебного производства, и детально исследуется внедрение механизма вручения электронной копии обвинительного заключения обвиняемому, защитнику и потерпевшему. Отмечаются плюрализм мнений ученых-процессуалистов по вопросам перспективы реализации нововведений, недостаточная правовая регламентация использования электронных документов, препятствующая выработке единого подхода правоприменительной практики, что проявляется в труднопреодолимых на сегодняшний день препятствиях, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования, прокуроры и судьи при вручении копии обвинительного заключения в электронном виде. Такие выводы сделаны по результатам анализа положений федерального законодательства, ведомственных подзаконных актов и проведенного авторами анкетирования сотрудников следственных органов. Особое внимание уделено существу усиленной квалифицированной электронной подписи, порядку ее получения и допустимости применения в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, электронная подпись, копия обвинительного заключения, законодательные нововведения, технические возможности

Для цитирования: Петрова О. В., Зворыгин И. С. Электронная копия обвинительного заключения: оптимизация или имитация? // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 59 – 64.

Original article

ELECTRONIC COPY OF THE INDICTMENT: OPTIMIZATION OR IMITATION?

Oksana V. PETROVA¹, Ilya S. ZVORYGIN²

^{1,2} St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
St. Petersburg, Russia

¹petrova07072020@gmail.com

²zvoril7779@mail.ru

Abstract. The article considers current issues related to the digitalization of criminal proceedings in Russia, focusing on recent amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian

© Петрова О. В., Зворыгин И. С., 2024

Federation, which came into force on January 5, 2024. The authors analyse new norms concerning the use of electronic documents in pretrial proceedings and provide a detailed examination of the implementation of the mechanism for delivering an electronic copy of the indictment to the accused, the defense attorney and the victim. The article highlights the plurality of opinions among procedural scholars regarding the prospects for the implementation of these innovations, the inadequate legal regulation of the use of electronic documents which impedes the development of a unified approach in law enforcement practice. This is evidenced by significant challenges currently faced by preliminary investigation bodies, prosecutors, and judges in serving indictments electronically.

These conclusions are drawn from an analysis of federal legislation, departmental regulations, and a survey conducted by the authors among investigative agency personnel. Particular attention is given to the nature of enhanced qualified electronic signatures, the procedures for obtaining them, and their admissibility in criminal proceedings.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, electronic signature, copy of the indictment, legislative innovations, technical capabilities

For citation: Petrova O. V., Zvorygin I. S. Electronic copy of the indictment: optimization or imitation? *Criminalist*. 2024;4(49):59-64. (In Russ.).

Вопрос о цифровизации уголовного судопроизводства на всех его стадиях обсуждается в научных кругах довольно давно. В условиях развития современных технологий перед учеными-процессуалистами, а также законодательными органами власти встает ясная задача по внедрению технических достижений как на этапе досудебного производства по уголовному делу, так и при рассмотрении дела в суде.

Однако идеи ученых и нововведения законодателя в области цифровизации уголовного процесса на сегодняшний день не всегда совместимы с практической деятельностью органов предварительного расследования, прокуратуры и судов.

Очередные изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) вступили в силу 5 января 2024 года. В частности, Кодекс дополнен ст. 474.2, устанавливающей порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства¹.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

И если подача заявлений, жалоб, ходатайств, представлений и требований в электронном виде не вызывает бурных дискуссий ввиду повсеместной практики применения электронного документооборота при взаимодействии с гражданами в других государственных органах, в том числе в Следственном комитете Российской Федерации² и в системе МВД России³, то возможность вручения обвиняемому, защитнику и потерпевшему копии обвинительного заключения в электронном формате является уникальным и узконаправленным нововведением законодателя, что уже сейчас вызывает немало трудностей в части практического применения указанных положений уголовно-процессуального закона.

² Об утверждении Инструкции по рассмотрению поступающих в Следственный комитет Российской Федерации заявлений, обращений, жалоб и иной информации (за исключением содержащих сообщения о преступлениях), а также по приему граждан : Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 4 декабря 2023 г. № 159. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Инструкции об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : Приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 : текст с изм. и доп. на 1 дек. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, в ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ теперь закреплено право обвиняемого, защитника или потерпевшего, при наличии у них технической возможности, получения копии обвинительного заключения в электронном виде по их ходатайству или с их согласия. В то же время законодатель исходит из того, что техническая возможность у органов предварительного расследования и прокуратуры должна присутствовать по умолчанию.

Электронная копия обвинительного заключения должна быть подписана усиленной квалифицированной электронной подписью. Это требование порождает расхождение мнений ученых и правоприменителей. Понятие «усиленная квалифицированная электронная подпись» не раскрывается в УПК РФ. Для того чтобы выяснить порядок получения такой подписи, необходимо обратиться к Федеральному закону от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ «Об электронной подписи», где указано, что сертификат ключа проверки электронной подписи выдается специальным удостоверяющим центром, который получил аккредитацию в назначенном Правительством Российской Федерации федеральном органе¹. На данный момент такую аккредитацию выдает Министерство цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации. Само же должностное лицо должно получить сертификат у удостоверяющего центра на электронном носителе (например, на CD-R диске или USB-флеш накопителе) или в бумажном виде.

Ю. Г. Овчинников считает, что для успешного приведения вновь введенного правового механизма в действие усиленной квалифицированной электронной подписью должны обладать все лица, подписывающие обвинительное заключение (следователь, руководи-

тель следственного органа, прокурор) [1, с. 274–275]. Однако, учитывая то, что совокупная численность работников органов предварительного расследования и прокуратуры составляет более ста тысяч человек, представляется, что порядок получения упомянутого выше сертификата и его дальнейшее использование должны быть урегулированы соответствующими ведомственными подзаконными актами, которые на данный момент отсутствуют.

Подтверждает невозможность реализации законодательных новелл и проведенное нами анкетирование действующих сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, утверждающих, что рассматриваемые нововведения не применяются в их регионах². Помимо этого, несмотря на установленный ст. 222 УПК РФ порядок вручения копии обвинительного заключения, в соответствии с которым ее должен вручать именно прокурор, все опрошенные следователи утверждают, что подобную обязанность выполняют именно они. Такая устоявшаяся практика также создает препятствия для адаптации новых норм уголовно-процессуального законодательства.

Некоторые ученые высказывают отличную от мнения Ю. Г. Овчинникова точку зрения. С. А. Рябчиков, например, пишет, что изменения УПК РФ не внесли ясность относительно того, кто именно должен подписывать копию обвинительного заключения усиленной квалифицированной электронной подписью [2, с. 435]. И если буквально трактовать положения ч. 3.1 ст. 222 УПК РФ, то становится ясно, что на электронной копии обвинительного заключения свою электронную подпись должен ставить именно прокурор в связи с тем, что данный порядок установлен в чч. 2 и 3

¹ Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ : текст с изм. и доп. на 4 авг. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В анкетировании приняли участие двадцать следователей Следственного комитета Российской Федерации, проходящих службу в пяти различных региональных СУ СК России.

ст. 222 УПК РФ. Исходя из этого возникает вопрос о целесообразности применения новых норм. Как правильно подмечает Е. В. Марковичева, цифровизация уголовного судопроизводства должна обеспечивать его оптимизацию и упрощение, а также модернизировать механизм обеспечения и защиты прав участников процесса [3, с. 86]. Но если электронная копия будет состоять из отсканированного «вручную» обвинительного заключения, содержащего стандартные подписи следователя и руководителя следственного органа и лишь затем утвержденного усиленной квалифицированной электронной подписью прокурора, то ни о какой оптимизации не может идти и речи. Следователь фактически будет копировать обвинительное заключение с помощью программ для сканирования документов, которыми и так пользуются лица, осуществляющие предварительное расследование, на протяжении последнего десятилетия.

Изучение следственной и судебной практики свидетельствует о наличии единичных попыток правоприменителей создавать и использовать в уголовном судопроизводстве электронные документы, что на сегодняшний день порождает противоречивую практику их внедрения.

Так, Саратовским областным судом рассмотрено уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя на постановление суда первой инстанции о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ. Основанием для возвращения дела прокурору явилось приобщение к материалам дела незаверенной копии постановления прокурора, вынесенного в форме электронного документа. В суде апелляционной инстанции было исследовано поступившее в электронном виде постановление с электронной подписью межрайонного прокурора, ко-

торая, согласно протоколу проверки, являлась действительной. Кроме того, судом были приняты во внимание доводы прокурора о том, что оспариваемое постановление содержит все необходимые реквизиты, в том числе дату и регистрационный номер, подписано усиленной электронной подписью уполномоченного лица, т. е. выполнено в соответствии с положениями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 31 мая 2021 года № 286 «О проведении опытной эксплуатации автоматизированного информационного комплекса „Надзор-WEB”», а также Инструкции по делопроизводству в органах и организациях прокуратуры Российской Федерации, утвержденной Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 29 декабря 2011 года № 450 (ред. от 23 января 2023 г.). По результатам рассмотрения дела Саратовский областной суд отменил решение суда первой инстанции и в своем постановлении указал, что выявленные недостатки в оформлении постановления прокурора не свидетельствуют о его незаконности, поскольку оно составлено в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, уполномоченным должностным лицом¹.

Помимо обозначенных проблем дискуссионной является вновь введенная процедура вручения копии обвинительного заключения в электронном виде обвиняемому, содержащемуся под стражей. В этом случае копию обвиняемому вручает администрация места содержания под стражей по поручению прокурора на устройстве для чтения электронных книг, которое должен предоставить орган предварительного расследования. В пункте 62.15 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной

¹ Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 19 октября 2023 г. по делу № 22-2711/2023. Доступ из системы «Гарант».

системы закреплена возможность выдачи обвиняемым технических устройств для чтения электронных книг, состоящих на балансе СИЗО¹. Однако эта возможность относится к дополнительным услугам, оплачиваемым за счет подозреваемого. Иное нормативное регулирование данной процедуры отсутствует. Как отсутствуют и ведомственные нормативные акты Следственного комитета Российской Федерации и МВД России, где был бы раскрыт порядок обеспечения органов предварительного расследования подобной технической возможностью. Данный факт лишь подтверждает то, что рассматриваемые нововведения законодателя нуждаются как в дополнительной нормативной регламентации, так и в практической адаптации к существующим реалиям уголовного судопроизводства России.

В подтверждение сделанных нами выводов приведем пример из практики.

Решением Самарского областного суда от 4 апреля 2024 года по делу № За-619/2024 частично удовлетворено исковое заявление В. о присуждении ему компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Одной из причин затягивания производства по делу явился необоснованный отказ в удовлетворении ходатайства В. о вручении ему копии обвинительного заключения на электронном носителе информации — устройстве для чтения электронных книг. На предварительном слушании по разрешению вопроса о возвращении уголовного дела в порядке ст. 237 УПК РФ в связи с невручением подсудимому копии обвинительного

заключения сведений о том, что копия обвинительного заключения была вручена подсудимому, получено не было, в связи с чем данное нарушение было устранено судом, что привело к затягиванию производства по делу².

Несмотря на возникающие в следственной и судебной практике ошибки, тенденция постепенного введения электронного документооборота в досудебном производстве, на наш взгляд, является исключительно положительной, при этом требующей большего внимания к новым нормам уголовно-процессуального права как со стороны законодателя, так и со стороны органов предварительного расследования и прокуратуры.

Помимо решения освещенных в настоящей работе актуальных вопросов, связанных с внедрением элементов цифровизации в уголовное судопроизводство, смежной с этими вопросами представляется задача по искоренению фактов умышленного затягивания обвиняемым и его защитником процедуры ознакомления с материалами уголовного дела. Очевидным выходом из этой ситуации представляется ознакомление их с электронными копиями материалов уголовного дела, что будет способствовать оптимизации трудозатрат следователя и его рабочего времени для сосредоточения на процессе расследования других дел, которые находятся в его производстве. Однако сформулированное предложение подлежит детальной самостоятельной проработке, поскольку, без всяких сомнений, краеугольным камнем таких нововведений станут вопросы, касающиеся порядка оцифровки материалов дела, требований, которые должны будут предъявляться к таким электронным документам, их подписания и заверения.

² Решение Самарского областного суда от 4 апреля 2024 г. по делу № За-619/2024. Доступ из системы «Гарант».

¹ Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : Приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 : текст с изм. и доп. на 29 нояб. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Список источников

1. Овчинников Ю. Г. Использование копии обвинительного заключения, изготовленного в форме электронного документа // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXVII Междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 4–5 апреля 2024 г. В 2 ч. Ч. 2 / Сибирский юрид. ин-т М-ва внутренних дел Российской Федерации. Красноярск : СЮИ МВД России, 2024. С. 274–276.

2. Рябчиков С. А. Использование электронных документов в досудебном производстве: проблемы практической реализации // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. / С.-Петерб. ун-т МВД России ; сост.: А. Р. Акиев, Т. А. Бадзгардзе. Санкт-Петербург : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2024. 1 электрон. опт. диск. С. 434–436.

3. Марковичева Е. В. Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // Правосудие. 2020. № 3. С. 86–99.

Информация об авторах

О. В. Петрова – доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук;

И. С. Зворыгин – студент 4 курса Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Information about the authors

O. V. Petrova – Associate Professor at the Department of criminal procedure, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Science (Law);

I. S. Zvorygin – 4th year Student, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.2/7

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Васильевна СИДОРЕНКО

*Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Россия,
es195@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются вопросы расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с воспрепятствованием законной предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, воспрепятствование, должностное лицо, уголовная ответственность

Для цитирования: Сидоренко Е. В. Особенности уголовного преследования за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 65 – 70.

Original article

PECULIARITIES OF CRIMINAL PROSECUTION FOR OBSTRUCTION OF LAWFUL BUSINESS ACTIVITIES

Elena V. SIDORENKO

Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, es195@yandex.ru

Abstract. The article analyses the issues related to the investigation of criminal cases concerning crimes associated with obstructing lawful business activities

Keywords: business activity, obstruction, official, criminal liability

For citation: Sidorenko E. V. Peculiarities of criminal prosecution for obstruction of lawful business activities. Criminalist. 2024;4(49):65-70. (In Russ.).

Учитывая значение предпринимательской деятельности для экономического развития государства, следует подчеркнуть недопустимость преступного поведения в данной сфере, особенно совершения противоправных деяний должностными лицами, к компетенции которых относится осуществление юридически значимых действий, обя-

зательных для оформления законной предпринимательской или иной деятельности.

Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ).

© Сидоренко Е. В., 2024

К сожалению, почти все признаки состава преступления, предусмотренные ст. 169 УК РФ, не имеют однозначной трактовки в правоприменительной практике, что затрудняет доказывание вины в совершении данного преступления.

Не случайно данное обстоятельство отмечается в научных публикациях.

Так, Х. А. Аккаева приходит к выводу, что, «несмотря на наличие отдельной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за вышеназванное преступление, ее правоприменение значительно осложняется несовершенством диспозиции. Российский законодатель одновременно детально определяет отдельные процессуальные действия, подпадающие под квалификацию по ст. 169 УК РФ, а также закрепляет ряд деяний, имеющих весьма масштабное содержание, требующих всесторонней оценки со стороны правоохранительных и судебных органов» [1, с. 325]. Она же приводит статистику, подтверждающую сложность привлечения к ответственности по ст. 169 УК РФ: «Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2021 года по вышеназванной статье было осуждено всего 2 человека, а за 2020 год – 5 человек» [1, с. 326].

Есть и другие публикации, в которых также анализируются причины нежелания возбуждать и расследовать уголовные дела о преступлениях рассматриваемой категории [2; 3].

Как свидетельствует следственная и судебная практика, существует ряд проблем привлечения к ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности.

Под законной понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск предпринимательская деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения

работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Ответственность установлена:

за неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуально-го предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, например, непринятие пакета документов, отказ внести запись об индивидуальном предпринимателе, юридическом лице в регистрационный реестр, невыдача регистрационного свидетельства и другие действия.

Законом предусмотрена возможность отказа только в случае непредоставления документов, необходимых для регистрации, или предоставления документов в ненадлежащий регистрирующий орган; неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на право осуществления определенной деятельности либо уклонение от его выдачи.

По закону отказ возможен, если документы соискателя лицензии содержат недостоверную или искаженную информацию; принадлежащие ему лицензии или используемые объекты не соответствуют лицензионным требованиям и условиям, необходимым для осуществления деятельности. Во всех остальных случаях отказ следует считать преступным.

Говоря о проблемах привлечения к ответственности лиц и доказывания вины по ст. 169 УК РФ, следует отметить, что большинство из них связаны с несовершенством формулировок, используемых в указанной уголовно-правовой норме. И это несмотря на то, что ст. 169 УК РФ является бланкетной, что, «казалось бы, облегчает задачу правоприменителя, поскольку позволяет ему использовать специальные юридические термины в том значении, в котором они употребляются в так называемом позитивном законодательстве» [4, с. 340].

В ходе расследования, для того чтобы разобраться в произошедшем в процессе правоприменения, требуется подробное изучение иных нормативно-правовых актов, регламентирующих соответствующую деятельность субъектов экономических отношений.

К действиям (бездействию), которые могут быть квалифицированы как воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, может быть отнесено:

ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица, под которым понимается лишение их возможности в той или иной степени действовать в полном объеме своих прав и полномочий;

ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица, не основанное на законе.

В ходе расследования преступления следует доказывать, что конкретные предприниматель или юридическое лицо ограничены в возможности осуществлять свою деятельность или их самостоятельность была ограничена.

К ответственности по данной статье могут быть привлечены только должностные лица, каковыми признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или

муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Осуществлять расследование и поддержание государственного обвинения по уголовным делам в отношении должностных лиц сложно, поскольку таким делам присущи особенности.

Субъектом данных преступлений являются лица, как правило, положительно характеризующиеся по месту работы и жительства, которых до изобличения в должностном преступлении считали высокопрофессиональными специалистами.

Лица, допускающие злоупотребления, знакомы с законодательством по роду деятельности и часто профессионально подготовлены, поэтому они могут изоциренно защищаться, используя свои знания для противодействия установлению истины по делу.

В большинстве случаев обвиняемые в совершении преступлений рассматриваемой категории не признают своей вины, не оказывают помощь следствию и суду в установлении истины.

Лица, являющиеся потерпевшими по делу (предприниматели), зачастую готовы сами к противоправным действиям («порешать вопросы»), поэтому они не всегда хотят заявлять о преступлении, следователям бывает трудно «разговорить» таких потерпевших.

Необходимо доказать, что должностное лицо имело полномочия и знало о своих обязанностях по легитимизации предпринимательской или иной деятельности. В материалах дела обязательно должны быть указаны положения, уставы, должностные инструкции, распоряжения о распределении обязанностей и приведены доказательства ознакомления с ними виновного лица.

Например, в приговоре Октябрьского районного суда г. Саратова по делу К. так обосновывается должност-

ное положение подсудимого: «Приказом директора К. назначен на должность начальника ремонтно-эксплуатационного участка. Согласно должностной инструкции РЭУ, утвержденной директором, К. относится к категории руководителей и подчиняется главному инженеру. В своей деятельности он руководствуется нормативными и методическими материалами, касающимися производственно-хозяйственной деятельности цеха; уставом предприятия; приказами и распоряжениями директора предприятия и должностной инструкцией. К. обязан руководить производственно-хозяйственной деятельностью участка и его работниками, а также обеспечивать выполнение производственных заданий, эффективное использование основных и оборотных средств, он вправе подписывать и визируют документы в пределах своей компетенции, а также сообщать руководству предприятия обо всех выявленных в процессе своей деятельности недостатках и вносить предложения по их устранению, контролировать работу мастеров, осуществлять подбор кадров рабочих и служащих, их расстановку и целесообразное использование, контролировать соблюдение работниками правил и норм охраны труда и техники безопасности, производственной и трудовой дисциплины, правил внутреннего трудового распорядка. Таким образом, начальник РЭУ К., имея определенные обязанности, права, а также ответственность и на постоянной основе выполняя организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции в муниципальном унитарном предприятии, по роду своей деятельности принимает решения, имеющие юридическое значение и влекущие определенные юридические последствия, в связи с чем является должностным лицом»¹.

¹ Уголовное дело Октябрьского районного суда г. Саратова по обвинению К. —

Более строгая ответственность по ст. 169 УК РФ установлена в ч. 2 за вышеперечисленные действия, совершенные в нарушение вступившего в законную силу судебного акта, обязывающего должностное лицо не препятствовать законной деятельности, а равно причинившие крупный ущерб (1,5 млн рублей и более).

С первым квалифицирующим признаком все более-менее ясно. Если имеется вступившее в законную силу судебное решение о необходимости совершения (или отказа от совершения) каких-либо действий, связанных с законной предпринимательской или иной деятельностью, и это решение не исполняется должностным лицом, то наступает ответственность по ч. 2 ст. 169 УК РФ. В данном случае должно быть доказано, что должностное лицо знало о наличии такого решения.

Относительно причинения крупного ущерба в качестве квалифицирующего признака сложность составляет доказывание наступления негативных последствий в указанном объеме.

Наибольшие проблемы вызывает установление причинно-следственной связи между конкретными действиями должностного лица, связанными с вмешательством в предпринимательскую или иную деятельность, и наступлением соответствующих последствий, т. е. причинением крупного ущерба.

Найти конкретные примеры из судебной практики о привлечении должностных лиц по ч. 2 ст. 169 УК РФ не удалось, что лишний раз подтверждает сложность доказывания причинения крупного ущерба.

начальника ремонтно-эксплуатационного участка, по пп. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-169-uk-rf-vosprejatstvovanie-zakonnoj-predprinimatelskoj-ili-inoj-dejatelnosti/prigovor-suda-po-ch.-1-st.-169-uk-rf--1-512017--vosprejatstvovanie-zakonnoj-predprinimatelskoj-ili-inoj-dejatelnosti.html> (дата обращения: 30.05.2024).

Следствие по ст. 169 УК РФ отнесено к компетенции следователей органов внутренних дел Российской Федерации.

Из имеющейся судебной практики усматривается, что ст. 169 УК РФ органами предварительного расследования вменяется обычно как дополнение к ст. 160, 285, 286, 290 УК РФ. При этом нередко ко времени рассмотрения дела в суде срок давности привлечения к уголовной ответственности по ст. 169 УК РФ истекает и дело в этой части прекращается. Известны случаи исключения из обвинения ст. 169 УК РФ «как излишне вмененной».

Это произошло, например, в уже упомянутом деле по обвинению К., который Октябрьским районным судом г. Саратова осужден по пп. «а», «б», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом лично взятки за совершение действий в пользу взяткодателя, если указанные действия входят в служебные полномочия должностного лица, группой лиц по предварительному сговору, с вымогательством взятки, в крупном размере) и по ч. 1 ст. 286 УК РФ (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов организации, охраняемых законом интересов государства).

При этом суд исключил из обвинения К. как излишне вмененное указание на совершение им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ, так как описанные в установочной части приговора его действия, квалифицированные органами предварительного расследования по ч. 1 ст. 169 УК РФ как незаконное ограничение самостоятельности юридического лица, если это деяние совершено должностным лицом с использованием своего служебного положения, полностью охватываются вмененным ему составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ, и дополнительной

квалификации по ч. 1 ст. 169 УК РФ не требуют. «Описание объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 169 УК РФ, вмененного К., полностью аналогично описанию объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ»¹.

В связи со схожестью диспозиций ст. 169 УК РФ и ст. 285 и 286 УК РФ некоторые авторы предлагают исключить ст. 169 из УК РФ по причине ее неэффективности и внести изменения в ст. 285 УК РФ в части изложения противоправной деятельности должностных лиц, осуществляемой в процессе совершения юридически значимых действий, необходимых для занятия лицом предпринимательской или иной экономической деятельностью [5, с. 42].

Отличие ст. 169 УК РФ от ст. 285 и 286 УК РФ проявляется в определении прав и законных интересов потерпевших. Статьи 285 и 286 УК РФ защищают интересы института государственной власти и служебной деятельности, ст. 169 УК РФ направлена на защиту конкретных субъектов предпринимательства от нарушения их права на осуществление экономической деятельности.

Поэтому мы согласны с мнением тех авторов, которые говорят о нецелесообразности декриминализации деяния, предусмотренного ст. 169 УК РФ, по причине развития преступной практики в данной сфере и увеличения латентности указанных преступлений [1, с. 330; 6, с. 118], а также о совершенствовании диспозиции ст. 169 УК РФ в части описания объективной стороны преступления и разъяснения особенностей привлечения лиц за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности в актах Верховного Суда Российской Федерации.

¹ Уголовное дело Октябрьского районного суда г. Саратова по обвинению К. ...

Список источников

1. Аккаева Х. А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности // Образование и право. 2022. № 2. С. 325–331.
2. Буклова А. В. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности: уголовно-правовой анализ // Вопросы российской юстиции. 2021. № 15. С. 492–498.
3. Воронцов А. А., Субанова Н. В. Некоторые вопросы привлечения к ответственности за воспрепятствование предпринимательской деятельности // Военное право. 2017. № 6 (46). С. 211–215.
4. Яковенко И. А. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за воспрепятствование законной предпринимательской деятельности // Образование и право. 2022. № 2. С. 338–341.
5. Литвинов М. В. Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности: проблемы законодательного регулирования и квалификации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 38–42.
6. Зарубин А. В. Ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности в уголовном праве России // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2019. № 12. С. 113–119.

Информация об авторе

Е. В. Сидоренко – доцент кафедры уголовно-процессуального права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук.

Information about the author

E. V. Sidorenko – Associate Professor at the Department of criminal procedure law, Russian State University of Justice, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 343.13

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМ
ОБВИНИТЕЛЕМ СРЕДСТВ ВИЗУАЛИЗАЦИИ В ПРЕНИЯХ СТОРОН
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, РАССМАТРИВАЕМЫМ СУДАМИ
С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ**

Максим Александрович СПАСОВ

*Великолукский городской суд Псковской области, Великие Луки, Псковская область,
Россия, sith.08@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется использование государственным обвинителем технико-криминалистических средств визуализации информации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей. Обосновывается значимость использования таких средств с учетом наметившейся в современных условиях тенденции к «клиповости» мышления членов общества. Описываются отдельные криминалистические приемы, которые могут быть применены прокурором на данном направлении. С учетом выявленного диссонанса в судебной практике делается вывод о том, что вводимый судами запрет на использование средств визуализации в прениях сторон не соотносится с положениями уголовно-процессуального законодательства и не отвечает назначению уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей. Автором статьи предлагается внесение изменений в уголовно-процессуальный закон с целью устранения противоречий в судебной практике в части возможности использования средств визуализации в прениях по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: государственное обвинение, судопроизводство с участием присяжных заседателей, коллегия присяжных заседателей, прения сторон, средства визуализации

Для цитирования: Спасов М. А. Проблемные аспекты использования государственным обвинителем средств визуализации в прениях сторон по уголовным делам, рассматриваемым судами с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 71 – 77.

Original article

**PROBLEMATIC ISSUES REGARDING THE PROSECUTORIAL
USE OF VISUALIZATION TOOLS DURING THE CLOSING ARGUMENTS
IN CRIMINAL CASES TRIED BEFORE JURIES**

Maksim A. SPASOV

*Velikie Luki town Court of the Pskov Region, Velikie Luki, Pskov Region, Russia,
sith.08@mail.ru*

Abstract. The article analyses the use of forensic visualization tools by the public prosecutor during the closing arguments in criminal cases considered by courts with the participation of jurors. The significance of using such tools is substantiated, taking into account the trend towards "clip thinking" of members of society that has emerged in modern conditions. Certain forensic

© Спасов М. А., 2024

techniques that can be applied by the prosecutor in this area are described. Taking into account the identified dissonance in judicial practice, it is concluded that the ban imposed by the courts on the use of visualization tools in the closing arguments is not consistent with the provisions of criminal procedure legislation and does not meet the purpose of criminal proceedings with the participation of jurors. The author of the article proposes amendments to the criminal procedure law in order to eliminate contradictions in judicial practice regarding the possibility of using visualization tools in debates in criminal cases considered by courts with the participation of jurors.

Keywords: public prosecution, trial by jury, jury panel, debate of the parties, visualization tools

For citation: Spasov M. A. Problematic issues regarding the prosecutorial use of visualization tools during the closing arguments in criminal cases tried before juries. *Criminalist*. 2024;4(49):71-77. (In Russ.).

Прения сторон в суде с участием коллегии присяжных заседателей являются одной из ключевых стадий процесса, способной оказать решающее влияние на формирование убеждения судей факта. Государственный обвинитель, выступая с обвинительной речью и подводя итог судебному следствию, должен стремиться представить картину исследуемых событий в наиболее понятной и доходчивой для членов коллегии форме, при этом речь должна быть для них легко запоминающейся и интересной. Недаром американские юристы отмечают, что в суде присяжных главный враг — скука [1, с. 2].

Одним из факторов, существенно снижающих качество восприятия присяжными заседателями устной речи в прениях сторон, является наблюдающаяся в свете развития цифровизации тенденция к «клиповости» мышления членов общества, сопровождающаяся снижением качества усвоения ими большого массива данных, воспринимаемых на слух, с одновременным возрастанием роли влияния ярких визуальных образов на их сознание и способность к запоминанию представляемого явления или его отдельных аспектов [2; 3, с. 1159 — 1164; 4, с. 493 — 496].

В этой связи эффективным инструментом убеждения прокурором присяжных заседателей в прениях сторон является использование им дополнительных средств визуализации озвучиваемой

информации в виде технико-криминалистических средств, которые условно разделить на две группы: 1) непосредственно связанные с текстом и символами: схемы, таблицы, презентации, тезисы (например, изображенные на специальной доске или транслируемые через проектор); 2) не связанные с текстом и символами: муляжи, рулетки, линейки, виртуальные компьютерные модели события преступления и т. д.

Например, написанные на специальной доске тезисы могут способствовать акцентуации внимания судей факта на ключевых аргументах, подтверждающих обоснованность обвинения. Таблицы могут быть представлены для систематизации основных позиций и аргументов сторон и, соответственно, простоты их восприятия. Схема способна отражать механизм реализации разработанного преступного плана и характер связей между участниками преступной группы. Муляжи могут быть использованы как инструмент непосредственного представления механизма нанесения телесных повреждений подсудимым жертве преступления. Секундомер позволяет наглядно показать длительность тех или иных событий, а линейка призвана помочь отразить пространственные характеристики отдельных объектов, например длину орудия преступления [5, с. 56 — 63]. Виртуальное моделирование может быть использовано для демонстрации события преступления, кото-

рое имело место в соответствии с позицией государственного обвинителя [6, с. 84–90].

По одному из уголовных дел об убийстве, рассмотренному Псковским областным судом с участием присяжных заседателей, в прениях сторон государственным обвинителем использовалась доска, разделенная на две части. В ходе своего выступления прокурор, анализируя каждое исследованное в суде доказательство, с одной стороны доски указывал на те из них, которые подтверждают виновность подсудимого, с другой — на те, которые ее опровергают, и математически подсчитывал их количество в одной (13 доказательств за виновность) и другой (5 доказательств против виновности) колонке. А затем, проанализировав те доказательства, которые, по мнению стороны защиты, опровергают виновность подсудимого, убедил присяжных в том, что на самом деле эти доказательства в совокупности с другими являются доказательствами стороны обвинения, а не защиты, и подтверждают ее позицию (18 доказательств за виновность, 0 — против), поскольку они фактически были направлены на создание ложного алиби подсудимому, что в еще большей степени свидетельствовало о его виновности. По результатам рассмотрения уголовного дела был вынесен единодушный обвинительный вердикт и обвинительный приговор суда, в соответствии с которым подсудимый был признан виновным в убийстве двух лиц¹.

Изучение судебной практики, а также интервьюирование 20 государственных обвинителей (помощников, старших помощников прокуроров районного звена, прокуроров прокуратур субъектов Российской Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации) показало, что в судебной практике по поводу возможности использования ука-

¹ Архив Псковского областного суда, дело № 2-11/2021.

занных средств в прениях сложилось два противоположных подхода.

Согласно первому, превалирующему подходу использовать средства визуализации в прениях сторон категорически запрещено по двум причинам.

Во-первых, по мнению судов, в соответствии с положениями ст. 336 и 292 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) прения носят исключительно устный характер: ч. 6 ст. 292 УПК РФ содержит указание на то, что стороны вправе выступить с репликой после произнесения речей; ч. 1 ст. 336 УПК РФ имеет указание на выслушивание прений сторон, которые проводятся в соответствии со ст. 292 УПК РФ.

Во-вторых, в научно-практическом комментарии к УПК РФ под редакцией В. М. Лебедева отмечается, что председательствующий не должен позволять сторонам демонстрировать присяжным заседателям во время речей схемы, планы, предметы и т. д., поскольку демонстрация этих материалов *de facto* означает возобновление судебного следствия, что допустимо лишь в ином процессуальном режиме [7, с. 395].

Кроме того, представляется небезынтересным для дискуссии предположение, выдвинутое отдельными интервьюированными нами государственными обвинителями, которые указали, что данный запрет может быть связан с неравными возможностями сторон в выборе визуальных средств наглядности, используемых в прениях (например, дорогостоящая эффектная трехмерная модель событий, представленная стороной защиты, при отсутствии аналогичной модели у стороны обвинения).

Согласно второму подходу, разделяемому автором статьи, нарушений УПК РФ при использовании участниками процесса дополнительных визуальных средств в прениях не имеется.

Во-первых, об этом говорят отдельные решения Верховного Суда Российской Федерации, в которых в разных сочетаниях приводятся обоснованные аргументы, указывающие на то, что действия сторон, использующих визуальные средства, признаются правомерными¹: эти средства не являются доказательствами по делу, которые необходимо было исследовать в судебном заседании, выполняют роль наглядного пособия для простоты восприятия речи в прениях, сторона не ссылается в речи на доказательственное значение именно этого предмета; эти материалы не содержат ссылок на недопустимые и неисследованные доказательства; другая сторона не возражает против их исследования; напутствуя присяжных заседателей, председательствующий указал, что аргументы сторон в прениях не являются доказательствами [8, с. 328 – 329].

Таким образом, отдельные составы судей Верховного Суда Российской Федерации, по существу, делают акцент на том, что средства визуализации не являются доказательствами по делу, выполняя роль производных инструментов от речей участников процесса, ввиду чего стадии процесса при их использовании не смешиваются.

Как справедливо отмечает С. А. Насонов, «воспроизведение в речи фрагментов доказательств не может рассматриваться как их повторное представление или исследование, поскольку оно обусловлено совершенно иной познавательной целью: обоснования оценочного суждения стороны. Запрет этого способа аргументации не предусмотрен ни 292,

¹ См., напр.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., дело № 11-О13-21СП ; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г., дело № 84-АПУ17-4СП ; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 мая 2016 г., дело № 41-АПУ16-5СП. (Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс»).

ни 336 статьями УПК РФ. Средства визуализации, используемые сторонами в прениях, субстантивно являются этими же аргументами, тождественны им по своему содержанию, а отличаются лишь по форме – визуальной, вместо вербальной» [8, с. 330 – 331].

Во-вторых, целесообразно обратиться к языковому способу толкования норм права, регламентирующих выступления участников сторон в прениях в судах с участием присяжных заседателей, в целях уяснения значения слова «речь».

Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, понятие «речь» наполняется различным смысловым содержанием и означает как способность говорить, говорение, так и разновидность, стиль языка, исходя из чего речь может подразделяться на устную и письменную, разговорную и стихотворную².

В электронной библиотеке «Знание. Вики» указано, что речь в лингвистике представляет собой сумму отдельных актов говорения и понимания, происходящих как в звуковой, так и в письменной форме, создающих речевые произведения. Под речью здесь понимается не только говорение или восприятие речи, но и зафиксированные памятью или письмом, графическими средствами или средствами фонозаписи речевые произведения (тексты)³.

Таким образом речь, являющаяся средством коммуникации между людьми, может носить не только устный, но и письменный характер и фиксироваться в том числе графическими средствами.

В-третьих, анализ норм УПК РФ, регламентирующих порядок проведения прений сторон в судах с участием присяжных заседателей, не дает однознач-

² Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 31.01.2024).

³ Российское общество Знание : сайт. URL: <https://znanierussia.ru/articles/Речь> (дата обращения: 02.02.2024).

ных оснований для вывода о запрете использования средств визуализации на данной стадии.

Так, ч. 1 ст. 292 УПК РФ, презюмируя, что прения состоят из речей обвинителя, защитника и других участников процесса, не содержит указания на то, что такая речь носит исключительно устный характер.

Более того, ч. 7 ст. 292 УПК РФ, являющаяся составной частью ст. 292 УПК РФ, поименованной как «Содержание и порядок прений сторон», прямо предоставляет лицам, выступавшим в судебных прениях, возможность передать председательствующему изложенную в письменной форме речь, с которой они выступали в прениях.

Данная норма по своему назначению призвана содействовать председательствующему в лучшем восприятии и уяснении речей в прениях за счет изучения представленной в письменном виде позиции участников процесса в дополнение к устной, что в полной мере отвечает назначению уголовного судопроизводства и способствует вынесению законного, обоснованного и мотивированного решения суда.

Несмотря на то что уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности передачи письменных речей, равно как и любых других материалов, присяжным заседателям при удалении в совещательную комнату, данная норма в первую очередь свидетельствует об отсутствии воли законодателя к абсолютизации запрета на использование средств визуализации, коими в данном случае могут выступать написанные на отдельном письменном носителе тезисы выступления, в том числе в табличной форме, либо различного рода схемы, которыми может сопровождаться речь государственного обвинителя.

В-четвертых, при проверке законности и обоснованности производимых участниками процесса процессуальных действий суды исходят из оценки их

соответствия компетенции присяжных заседателей, предусмотренной ст. 333, 334 УПК РФ, анализ которой позволяет прийти к выводу, что использование средств визуализации в прениях ей не противоречит. Более того, учитывая, что исследование в присутствии судей факта различных доказательств, имеющих визуальную составляющую (схемы, видеозаписи, вещественные доказательства, фототаблицы, приложения к судебным экспертизам), законом не запрещено, то введение запрета на дополнение сторонами речей в прениях визуальной составляющей представляется необоснованным и архаичным в условиях развития научно-технического прогресса и изменений в структуре наиболее эффективных способов потребления членами общества получаемой информации.

В-пятых, выдвинутый отдельными интервьюированными государственными обвинителями довод о запрете использования средств визуализации ввиду потенциального неравенства в возможностях по их использованию (чего, по их мнению, не происходит в случае, если участники процесса выступают исключительно с устными речами) представляется необоснованным, поскольку применение аналогичных средств в ходе судебного следствия, с учетом специфики процессуальных функций сторон уголовного судопроизводства, в подавляющем большинстве случаев (с чем также согласились интервьюированные прокуроры) осуществляется именно стороной обвинения, а не стороной защиты, при том что уголовно-процессуальному закону это не противоречит и баланса прав и интересов участников процесса не нарушает.

Вместе с тем применению этих средств в прениях должно предшествовать обсуждение вопроса об их использовании как вопроса правового характера, т. е. в отсутствие присяжных заседателей, что позволит избежать демонстрации тех из них, которые сами по себе,

не являясь доказательствами, способны исказить содержание доказательств, представленных сторонами в судебном следствии (например, при использовании макета орудия убийства, не соответствующего по характеристикам самому орудию, демонстрации трехмерной модели произошедших событий при обстоятельствах, не в полной мере установленных в ходе судебного следствия, т. е. с элементами предположений, и т. д.), либо могут содержать признаки новых, ранее не исследованных доказательств.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, следует сделать вывод, что средства наглядности, используемые государственным обвинителем и другими участниками процесса в прениях сторон, доказательствами по делу не являются и, исходя из их целевого назначения, лишь выступают инструментами визуализации озвучиваемой информации, т. е. дублируют ее в иной для восприятия форме, выполняя роль дополнительного атрибута придания ей наибольшей выразительности и понятности для присяжных заседателей, ввиду чего смешения стадий судебного следствия и прений сторон не происходит.

Изложенная позиция позволяет государственному обвинителю использовать в прениях сторон в судах с участием присяжных заседателей как связанные, так и не связанные с текстом и символами средства визуализации, представляя, таким образом, возможность реализовать весь арсенал технико-криминалистических средств, способствующих выполнению стоящих перед прокурором задач по уголовному преследованию виновных лиц.

При этом представляется, что запрет на использование средств визуализации в прениях сторон не только не вызван необходимостью не допустить ущемления прав сторон в процессе, поскольку *a priori* ни чьих прав это нарушить не может, но и лишает коллегии присяжных заседателей возможности более полно

воспринять их позиции, что в современных условиях не отвечает назначению уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, признавая, что указание в ст. 292 и 336 УПК РФ на термин «речь» с учетом его лексического значения однозначно порождает в судебной практике неопределенность в части возможности использования отдельных предметов как средств наглядности, которые разнообразностью ни одного из видов речи не являются, автор настоящей статьи полагает необходимым внести изменения в уголовно-процессуальный закон, задействовав терминологию, применяемую законодателем в ч. 3 ст. 292, ч. 3 ст. 336 УПК РФ, где используется более широкое понятие по отношению к понятию речи в контексте ее произнесения, а именно термин «выступление», что позволит участникам процесса в прениях наряду с процедурой устного судебного разбирательства использовать различные дополнительные средства визуализации.

Предлагается изложить ряд положений УПК РФ следующим образом: ч. 1 ст. 292 УПК РФ: «Прения сторон состоят из выступлений обвинителя и защитника. При отсутствии защитника в прениях сторон участвует подсудимый»; ч. 6 ст. 292 УПК РФ: «После выступления всех участников прений сторон каждый из них может выступить еще один раз с репликой. Право последней реплики принадлежит подсудимому или его защитнику»; ч. 1 ст. 336 УПК РФ: «После окончания судебного следствия суд переходит к прениям сторон, которые проводятся в соответствии со статьей 292 настоящего Кодекса»; ч. 2 ст. 336 УПК РФ: «Прения сторон проводятся лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Стороны не вправе касаться обстоятельств, которые рассматриваются после вынесения вердикта без участия присяжных заседателей. Если участник прений сторон в своем выступлении ка-

сается таких обстоятельствах, то председательствующий останавливает его и разъясняет присяжным заседателям, что указанные обстоятельства не должны быть приняты ими во внимание при вынесении вердикта».

Список источников

1. Воскресенский В. Участие прокурора в рассмотрении дел с участием присяжных заседателей // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 2–4.
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. Москва : Проспект, 2016. 256 с.
3. Колобаев В. К., Сеницына Т. А. Понятийно-логическое мышление vs клиповое мышление // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 6. С. 1159–1164.
4. Немцев А. И. Клиповое мышление как результат адаптации человека к современным реалиям // Форум молодых ученых. 2018. № 12-3 (28). С. 493–496.
5. Серова Е. Б., Спасов М. А. Использование принципа наглядности при представлении государственным обвинителем доказательств в суде с участием присяжных заседателей // КриминалистЪ. 2018. № 2 (23). С. 56–63.
6. Холопов А. В. 3-D моделирование события преступления в стадии судебного разбирательства с участием присяжных заседателей: проблемы и пути решения // КриминалистЪ. 2023. № 3 (44). С. 84–90.
7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Практик. пособие. В 2 ч. Ч. 2. / В. А. Давыдов, В. В. Дорошков, С. Р. Зеленин [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2016. 395 с. (Профессиональные комментарии).
8. Насонов С. А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. ... д-ра юрид. наук / Насонов Сергей Александрович. Москва, 2022. 517 с.

Информация об авторе

М. А. Спасов – судья Великолукского городского суда Псковской области.

Information about the author

M. A. Spasov – judge of the Velikie Luki City Court of the Pskov Region.

Научная статья
УДК 343.2/7

ИСТОЧНИК ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОБЩЕОПАСНЫМ СПОСОБОМ

Полина Викторовна ФЕДЬШИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, effo@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности источника повышенной опасности при квалификации деяния как преступления, совершенного общеопасным способом.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, общеопасный способ совершения преступления, уничтожение или повреждение чужого имущества

Для цитирования: Федьшина П. В. Источник повышенной опасности при совершении преступления общеопасным способом // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 78 – 84.

Original article

SOURCE OF INCREASED HAZARD WHEN COMMITTING A CRIME IN A GENERALLY HAZARDOUS METHOD

Polina V. FEDYSHINA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, effo@yandex.ru*

Abstract: The article examines the characteristics of a source of increased danger when qualifying an act as a crime committed in a generally dangerous manner.

Keywords: source of increased danger, generally dangerous method of committing a crime, destruction or damage of another's property

For citation: Fedyshina P. V. Source of increased hazard when committing a crime in a generally hazardous method. Criminalist. 2024;4(49):78-84. (In Russ.).

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) термин «источник повышенной опасности» используется дважды: в диспозициях ст. 168 (уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, совершенные путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности) и ст. 261

(уничтожение или повреждение лесных насаждений и иных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности, если эти деяния причинили значительный ущерб). Однако круг преступлений, при совершении которых может быть применен источник повышенной опасности, гораздо шире

© Федьшина П. В., 2024

(например, предусмотренные ст. 105, 111 УК РФ и др.). Одним из важных признаков объективной стороны указанных деяний является использование при совершении преступления источника повышенной опасности, содержание которого в УК РФ не раскрывается.

В научной литературе относительно понимания источника повышенной опасности существует несколько позиций, основные из них концепция деятельности и концепция предмета.

Концепция деятельности исходит из положений ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ): «Юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности...». Сторонники данной концепции полагают, что «источником повышенной опасности является не сам по себе предмет (транспорт, оружие и пр.), а деятельность по его использованию» [1, с. 186], и находят подтверждение, в частности в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 года № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», обоснованности признания источником повышенной опасности любой деятельности, создающей опасность причинения вреда и не поддающейся полному контролю человека (например, строительной [2, с. 32 – 35], медицинской [3], охранной [4] и пр.).

В этом проявляется широкое гражданско-правовое понимание источника повышенной опасности. Обратим внимание, что в той же ст. 1079 ГК РФ раскрывается понятие владельца источника повышенной опасности как лица, владеющего им на праве собственности или ином законном основании. Может ли лицо владеть деятельностью или, например, огнем на праве собственности? Вероятно, нет, но очевидно, что целый ряд видов деятельности и большой спектр объектов характеризуются повышенной опасностью.

Однако если в целях решения гражданско-правовых вопросов возмещения причиненного вреда концепция деятельности вполне успешно применяется, то для уголовно-правового регулирования ближе понимание источника повышенной опасности как предмета (объекта, средства), обладающего определенными свойствами, которые «создают реальную или потенциальную угрозу причинения вреда другим окружающим его объектам» [5, с. 58], включены в деятельность человека и контролируемы им [1, с. 186], но постоянно несут «в себе опасность выйти из-под этого контроля» [6, с. 69].

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно разъяснял, что «владелец источника повышенной опасности отвечает за вред, причиненный его использованием, независимо от наличия своей вины в причинении вреда: осуществление деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих, обязывает к особой осторожности и осмотрительности»¹, по-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Райм Александры Альбертовны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 октября 2012 г. № 1833-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

скольку «многократно увеличивает риск причинения вреда третьим лицам»¹.

Решения Конституционного Суда Российской Федерации по гражданским делам основаны на презумпции вины причинителя вреда, в то время как уголовное законодательство опирается на принцип вины, и владелец источника повышенной опасности будет привлечен к уголовной ответственности лишь в случае виновного причинения вреда и наличия причинно-следственной связи между деянием и наступившими последствиями.

Традиционно как в гражданском, так и в уголовном праве к источникам повышенной опасности относят «горючие и ядовитые жидкости, электрооборудование, транспортные средства, механизмы, взрывчатые вещества» [7] и т. п.

Учитывая, что в законодательстве отсутствует полный перечень источников повышенной опасности, практика признания объектов или деятельности источниками повышенной опасности достаточно разнообразна. Суд, «принимая во внимание особые свойства предметов, веществ или иных объектов, используемых в процессе деятельности, вправе признать таковым иную деятельность, не указанную в п. 1 ст. 1079 ГК РФ»². Так, к источникам повышенной опасности правоприменитель относит трубопроводы, оружие и боеприпасы, экологически опасные объекты, экологически особо опасные объекты, ме-

дицинские механизмы, иные опасные промышленные объекты и оборудование (грузоподъемный кран, лифтовое оборудование и пр.).

Данные объекты характеризуются повышенной опасностью, которая связана с наличием у них определенных характеристик, позволяющих их использовать при совершении преступлений общепасным способом.

Интересно, что указание на источник повышенной опасности в Уголовном кодексе Российской Федерации включено лишь в диспозиции норм о неосторожных преступлениях, предусмотренных ст. 168 и ч. 1 ст. 261 УК РФ, т. е. виновный совершает деяние либо по легкомыслию, либо по небрежности. В то же время значительное количество умышленных преступлений совершается с использованием источника повышенной опасности, особые характеристики которого приобретают важное значение для квалификации содеянного как совершенного общепасным способом.

Итак, к объективным признакам источника повышенной опасности можно отнести следующие:

1) объект наделен свойствами повышенной опасности причинения вреда иным объектам, создает реальную или потенциальную угрозу.

Суд, давая юридическую оценку действиям подсудимых, исходил из того, что их действия были направлены на уничтожение автомобиля Toyota Tundra, принадлежащего потерпевшей С. и находящегося в пользовании у Н. При этом создавалась реальная опасность для жизни и здоровья людей, повреждения и уничтожения иного имущества, поскольку попытка поджога легковоспламеняющейся жидкости — бензина, а также источника повышенной опасности — автомобиля была произведена в непосредственной близости от жилых домов, вблизи иных объектов недвижи-

¹ По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 1064, статьи 1072 и пункта 1 статьи 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. С. Аринушенко, Г. С. Бересневой и других : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2017 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2023 г. № 56-КГ23-1-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мости, автомобилей. Из протокола осмотра места происшествия следует, что автомобиль Toyota Tundra находится в непосредственной близости от жилого дома, вокруг автомобиля находятся иные жилые дома, рядом расположены иные автомобили, проезжая часть, ходят прохожие¹;

2) включен в деятельность человека, и «его вредоносные свойства проявляются в процессе деятельности по использованию (эксплуатации)» [8].

Так, суд в своем решении опирался на тот факт, что «возгорание произошло на территории сооружения... с примыкающим деревянным навесом... при этом причиной возгорания является неосторожное обращение лица ... с огнем»² (при термической обработке помещения газовым баллоном). Несмотря на то что решение состоялось по гражданскому делу, тем не менее судом учтено не только использование источника повышенной опасности, но и условия и обстоятельства его использования. Работа с газовым баллоном в помещении с деревянным навесом очевидно представляет собой значительную общественную опасность;

3) невозможность полного контроля со стороны человека, наличие опасности выхода из-под контроля.

Источник повышенной опасности обладает способностью «в силу особой конструкции (состава, состояния, содержания) в результате противоправного обращения либо невозможности полного контроля над ним причинить или создать реальную опасность причинения смерти людям или существенного

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска (Новосибирская область) от 19 ноября 2000 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6aBWgKSfMIQc> (дата обращения: 10.09.2024).

² Там же.

вреда иным охраняемым законом объектам» [9].

Суд установил, что ФИО1, находясь в состоянии наркотического опьянения, по месту своего жительства в квартире, располагающейся на первом этаже четырехподъездного пятиэтажного панельного дома, не осознавая общественной опасности и преступного характера своих действий, открыла все четыре конфорки исправной бытовой газовой плиты, через которые бытовой газ из системы газоснабжения дома стал бесконтрольно поступать в квартиру. После этого ФИО1 покинула квартиру, оставив ее с закрытыми пластиковыми окнами и входной дверью, чем создала реальную угрозу лишения жизни людей (25 человек), которые проживали в квартирах двух подъездов дома, в котором располагалась ее квартира, поскольку бытовой газ является взрывоопасным веществом, т. е. источником повышенной опасности, при его утечке и наличии незначительного источника зажигания происходит взрыв большого разрушающего свойства, что, безусловно, повлекло бы смерть жильцов двух подъездов дома. Выполнив все изложенные действия, ФИО1 указанное общественно опасное, запрещенное уголовным законом деяние не смогла довести до конца по независящим от нее обстоятельствам, поскольку утечку бытового газа в ее квартире заметили жильцы дома, вызвали на место происшествия специальные службы, а последние оперативно предотвратили взрыв бытового газа³.

В приведенном примере бытовой газ является источником повышенной опасности, поскольку бесконтрольное

³ Постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 13 февраля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/c18yXKxI2hUx> (дата обращения: 10.09.2024).

поступление газа в квартиру создавало реальную опасность причинения смерти жильцам.

Однако далеко не всегда деятельность с источником повышенной опасности будет представлять общепаспортный способ совершения преступления, а только если отвечает определенным объективным критериям. Такими критериями являются поражающие свойства орудия (средства) и обстановка — присутствие дополнительных объектов уголовно-правовой охраны на месте происшествия.

Поражающие свойства орудий (средств) представляют собой такие качественные характеристики объекта, которые определяют реальную возможность поражения каких-либо дополнительных объектов и совпадают с таким признаком источника повышенной опасности, как повышенная опасность причинения вреда иным объектам.

Так, Г. осознавал общественную опасность своего деяния, предвидел возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде ущерба и желал их наступления, поскольку при отсутствии посторонних лиц в ночное время поджег зажигалкой кусок резиновой камеры, бросил его в районе размещения поленницы дров, вследствие чего произошло их возгорание, а сам ушел.

Давая оценку доводам представления в этой части, суд апелляционной инстанции исходил из смысла уголовного закона, согласно которому умышленное уничтожение или повреждение отдельных предметов с применением огня в условиях, исключаящих его распространение на другие объекты и возникновение угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, а также чужому имуществу, не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Однако в данном конкретном случае преступление совершено на территории жилого дома с

примыкающими к нему постройками заднего двора, на котором размещены корма подсобного хозяйства, в ночное время, когда семья М. спала, в условиях поджога поленницы дров и деревянного сруба бани горячей резиной, в условиях возникновения огня, который Г. не пытался потушить. Названные обстоятельства свидетельствуют о реальной угрозе распространения огня по территории двора, в частности на рядом стоящие постройки и жилой дом, соответственно, свидетельствуют об угрозе причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также их имуществу¹.

Обстановка — присутствие дополнительных объектов уголовно-правовой охраны на месте происшествия — в данном случае означает внешние, окружающие условия совершения деяния, возможно, пространственные характеристики места происшествия, а также обязательное наличие на месте потенциальных потерпевших либо каких-либо иных объектов уголовно-правовой охраны, попадающих в зону действия поражающих свойств орудия (средства).

У общепаспортного способа совершения преступления обстановка выступает одним из признаков, в то время как в отношении источника повышенной опасности исследователи обстановку в отдельную обязательную характеристику не выделяют. Однако суды при принятии решения о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, ее учитывают.

Согласно приговору Забайкальского краевого суда от 2 ноября 2023 года, ФИО2, не оставляя преступных намерений совершить убийство ФИО4, действуя из личных неприязненных отно-

¹ Апелляционное постановление Омского областного суда (Омская область) от 18 июля 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/em7jjcQFuU5> (дата обращения: 10.09.2024).

шений, осознавая, что избранный им способ убийства — путем наезда автомобилем на ФИО4, находящегося в окружении иных лиц, представляет реальную опасность для жизни не только ФИО4, но и иных лиц, в том числе У. П., поскольку движущийся автомобиль «УАЗ» является источником повышенной опасности, действуя умышленно, общеопасным способом, с целью убийства ФИО4 увеличил скорость движения автомобиля «УАЗ» и умышленно направил автомобиль в сторону указанной группы людей, стоявших на близком расстоянии друг от друга, в результате чего совершил наезд на У. П.

В судебном заседании нашло подтверждение то обстоятельство, что избранный ФИО2 способ убийства — управляемый наезд набравшим скорость автомобилем, являющимся источником повышенной опасности и имеющим значительные габариты и массу, на потерпевшего, находящегося в группе граждан, стоящих на близком расстоянии друг от друга, является общеопасным, поскольку это создавало реальную угрозу для жизни не только потерпевшего, но и других людей, находящихся рядом с ним¹.

В приведенном примере суд в приговоре отразил повышенную опасность автомобиля при совершении преступления, указав его основные технические характеристики (габариты и массу), а также обстановку совершения деяния — нахождение на месте происшествия ФИО4 и третьих лиц.

Таким образом, при совершении преступления общеопасным способом источник повышенной опасности, соответствующий указанным критериям, может выступать в качестве орудия или средства совершения преступления.

Обзор судебных решений показал, что термин «источник повышенной опасности» встречается как в гражданских делах в связи с возмещением ущерба и в уголовных делах по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 168 и 261 УК РФ, где источник повышенной опасности указан в качестве составообразующего признака, так и в уголовных делах о преступлениях, которые могут быть совершены общеопасным способом — ч. 2 ст. 167, п. «в» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также ряде других преступлений.

Гражданско-правовое понимание источника повышенной опасности является более широким (включает не только орудия/средства, но и различные виды деятельности, несущие повышенную опасность), в то время как уголовное право трактует его более узко и в качестве основной характеристики выделяет его поражающие свойства, способность причинить вред различным объектам. В случае совершения преступления общеопасным способом посредством использования источника повышенной опасности обязательной также является соответствующая обстановка, в которой возникла реальная возможность причинения вреда каким-либо иным правоохраняемым объектам.

Список источников

1. Гринберг М. С. Понятие и система технических преступлений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. № 4 (21). С. 185–190.

¹ Приговор Забайкальского краевого суда (Забайкальский край) от 2 ноября 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/giNZhPbwVJYO> (дата обращения: 10.09.2024).

2. Ершов О. Г. Правовое положение субподрядчика и основания его гражданско-правовой ответственности при строительстве // Право и экономика. 2012. № 1. С. 32–35.
3. Мохов А. А. Некачественное медицинское обслуживание как источник повышенной опасности для окружающих // Современное право. 2004. № 10. С. 2–3.
4. Шаронов С. А. Источники повышенной опасности, используемые в охранной деятельности: понятие и классификация // Современное право. 2012. № 12. С. 90–93.
5. Безверхов А. Г., Шевченко И. Г. Ответственность за уничтожение и повреждение чужого имущества : учеб. пособие. Самара : Универс групп, 2009. 218 с.
6. Каплунова Е. С. Непреодолимая сила и смежные с ней понятия. Новокузнецк : [б. и.], 2004. 171, [1] с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 7-е изд. перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2007. 902 с. (Профессиональные комментарии).
8. Гражданское право. Особенная часть : учебник / Н. В. Багрова, Т. Ю. Баришпольская, Р. С. Бевзенко [и др.] ; под ред. Е. С. Болтановой. Москва : ИНФРА-М, 2023. 583 с.
9. Бикеев И. И. Понятие и виды объектов повышенной опасности в уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1. С. 141–149.

Информация об авторе

П. В. Федышина – старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

P. V. Fedyshina – Senior Lecturer at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342

«ПРОМЫШЛЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»: ЮРИДИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА

Марина Борисовна КАБАНОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, 9578942@mail.ru*

Аннотация. Модернизация экономики и развитие промышленного потенциала в целях укрепления суверенности государственности России обуславливают необходимость строительства и модернизации промышленных объектов, использования современного оборудования и технологий, что несет в себе потенциальные риски промышленных аварий и их отрицательных последствий для государства и общества в целом, жизни и здоровья людей, имущества и окружающей среды. Автором изучены различные подходы к толкованию термина «безопасность» в целях исследования юридического содержания термина «промышленная безопасность». В литературе можно встретить неоднозначную характеристику специалистами понятия промышленной безопасности как социальной категории, ее соотношения с иными видами безопасности.

В статье указано на необходимость учитывать для идентификации все характеристики опасных производственных объектов для обеспечения промышленной безопасности и в целом национальной безопасности, а также предложена трактовка промышленной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, промышленная безопасность, обязательные требования, контроль, надзор, опасный производственный объект, критерии безопасности

Для цитирования: Кабанова М. Б. «Промышленная безопасность»: юридическое содержание термина // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 85 – 90.

Original article

«INDUSTRIAL SAFETY»: THE LEGAL CONTENT OF THE TERM

Marina B. KABANOVA*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, 9578942@mail.ru*

Abstract. Modernization of the economy and development of industrial potential in order to strengthen the sovereign statehood of Russia, determines the need for construction and modernization of industrial facilities, the use of modern equipment and technologies, which carries potential risks of industrial accidents and their negative consequences for the state and society as a whole, life and health of people, property and the environment. The author studied various approaches to the interpretation of the term «safety» in order to investigate the legal content of the term «industrial safety». In the literature, one can find an ambiguous description by specialists of the concept of industrial safety as a social category, its relationship with other types of safety. The author points out the need to take into account all the characteristics of hazardous production facilities for identification in order to ensure industrial safety, and in general, national security, and also proposes an interpretation of industrial safety.

Keywords: safety, industrial safety, mandatory requirements, control, supervision, hazardous production facility, safety criteria

For citation: Kabanova M. B. «Industrial safety»: the legal content of the term. *Criminalist*. 2024;4(49):85-90. (In Russ.).

В современной отечественной науке отсутствует общепризнанное, разделяемое широкой научной общественностью понимание промышленной безопасности. Можно лишь рассуждать о сложности и многоаспектности данной категории, находящейся одновременно в сфере действия социальных и технических норм, и наличии порой несовпадающих относительно ее мнений ученых. Обратимся к отдельным из них.

Так, А. В. Мартынов промышленной безопасностью считает «достигаемое техническими и правовыми средствами, а также организационными мерами состояние защищенности опасных производственных объектов, характеризующееся качеством и надежностью применяемого оборудования и механизмов, которые наряду с выполнением требуемых функций обеспечивают в процессе их эксплуатации снижение вероятности причинения вреда людям, окружающей

природной среде, обществу и государству от воздействия неблагоприятных факторов (радиации, взрывов, пожаров, разрушений, давления, температуры, токсичности среды, электрического напряжения и т. д.)» [1, с. 16]. Такой подход можно считать институциональным, поскольку он учитывает правовой, технический и организационный инструментальный обеспечения промышленной безопасности, ее связи с общественной и иными видами безопасности, потенциально возможные угрозы объектам безопасности. Складывается впечатление, что данная концепция частично использована разработчиками Основ государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 6 мая 2018 года № 198. Вместе с тем с учетом современного механизма

государственного контроля и надзора в сфере промышленной безопасности изложенный подход может быть дополнен указанием на соответствие деятельности по обеспечению промышленной безопасности как элемента единой государственной политики в области промышленной безопасности обязательным требованиям промышленной безопасности¹ и отражением действия методов и средств ее правового регулирования.

По мнению М. С. Аверина, «промышленная безопасность опасных производственных объектов представляет собой технико-юридическое явление — совокупность опосредованных опасными производственными объектами отношений, регулируемых системой юридических и технических норм в целях предотвращения, локализации и ликвидации условий и факторов, создающих потенциальную или реальную опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства» [2, с. 6]. Однако в рассматриваемом вопросе исследователь пошел «от обратного», связав наличие общественных отношений с наличием социально-правовой или социально-нравственной среды, социальных и технических норм, юридических фактов как оснований их возникновения, а не с наличием каких-либо объектов (предметов) материальной сферы, в чем и видится слабая сторона данной позиции. Здесь, как представляется, имеет место характеристика признаков режима безопасного функционирования промышленного предприятия, отражается необходимость предотвращения широкого спектра производственных опасностей. Данный подход носит только модельно-статический, а не деятельностный характер.

¹ О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Ст. 3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Н. Г. Кутьин характеризует промышленную безопасность как «составную часть национальной безопасности и комплексный правовой институт», состояние защищенности от аварий и инцидентов на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий [3, с. 7]. Полагаем, что Н. Г. Кутьин основывается на положениях Федерального закона от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов», дополняя характеристикой средств обеспечения промышленной безопасности. Также исследователь определяет промышленную безопасность расширительно, скорее, как производственную, разделяя сферы производственной, промышленной и хозяйственной деятельности, в части из которых промышленная безопасность не обеспечивается, и, в отличие от А. В. Мартынова, не определяет объекты защиты.

О. А. Хоменко пишет о безопасности промышленного объекта как его состоянии, «при котором, с определенной долей вероятности, опасность не может реализоваться или проявиться в полной мере благодаря специально разработанным и выполняемым мероприятиям» [4, с. 14]. Здесь речь идет лишь о практических, технических аспектах функционирования промышленного предприятия и отсутствуют как социальная, так и организационная составляющие обеспечения режима его безопасного функционирования.

Н. В. Ковалева и А. А. Зозуля рассуждают о промышленной безопасности как «о защищенности комплекса индивидуальных и общественных интересов в процессе индустриального производства, мерах правового, организационного и материально-технического характера, направленных на достижение заданного уровня защищенности со-

циальных интересов» [5, с. 652]. Таким образом, авторы сочетают объектоцентрический (объекты защиты) и динамический (содержание общественных отношений) подходы без учета содержания отношений управления промышленной безопасностью и контроля. Данный подход может быть, в принципе, применен к характеристике любого вида безопасности, связанного с промышленным производством, что вряд ли правильно.

Важным для настоящего исследования выступает рассмотрение вопроса о соотношении промышленной и производственной безопасности. Существует мнение, что «стратегические приоритеты производственной безопасности промышленных предприятий включают совокупность целей, направленных на обеспечение промышленной безопасности и соблюдение норм и требований в области охраны труда» [6, с. 108]. При таком видении производственная безопасность частично совпадает с охраной труда на производстве. Вместе с тем как промышленная, так и производственная безопасность — это элементы общей безопасности промышленного объекта. Производственная безопасность — это в первую очередь отношения внутренней среды промышленного объекта, а содержанием промышленной безопасности выступают отношения внутренней и внешней среды одновременно. Основной целью производственной безопасности является недопущение промышленных аварий, защита персонала и имущества предприятия от опасных производственных факторов, минимизация количества и последствий аварийных ситуаций. Отношения промышленной безопасности как система обеспечивают сохранение жизни и здоровья людей независимо от того, находятся они в трудовых отношениях с собственником объекта повышенной опасности, который нанес им ущерб,

или нет. То же самое можно сказать и об иных охраняемых законом объектах и ценностях, например интересах общества, имуществе. При этом в рамках производственной деятельности и охраны труда основательно и четко определены правовые, социальные, технические и другие аспекты взаимоотношений государства, работодателя — собственника производственного объекта и работника. Управление промышленной безопасностью — это деятельность собственника или эксплуатирующей организации по формированию собственной политики, планированию, организации, контролю, реализации мер для снижения риска производственных аварий и инцидентов, обеспечения готовности персонала к локализации и ликвидации их последствий.

Промышленную безопасность можно рассматривать и как механизм обеспечения различными средствами соответствующих контролирующих органов защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и минимизации их количества и последствий. Как видится, кроме случаев причинения ущерба, также возможна регламентация взаимоотношений государства, собственников объектов повышенной опасности и граждан, которым угрожает или может угрожать опасность технологическими процессами, «производственными факторами, функционально связанными с использованием оборудования повышенной опасности. Также в связи с эксплуатацией опасных производственных объектов могут ограничиваться экономическая и хозяйственная деятельность, законные права и правовые интересы граждан и организаций» [5, с. 652].

Безопасность — это базовая потребность любой сферы деятельности, и ее обеспечение должно быть первостепен-

ной задачей. Безопасность важна для защиты окружающей среды от ущерба в результате промышленных аварий, а также для сведения к минимуму финансовых потерь, материального ущерба, несчастных случаев, травм. Можно говорить о промышленной безопасности как о политике и средствах, использованных для защиты личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий, управленческой деятельности, связанной с уменьшением, контролем и устранением опасностей со стороны промышленных объектов. Особенностью правовой регламентации промышленной безопасности выступает наличие государственной политики, предполагающей «обеспечение общества и государства всеми видами ресурсов и продукцией, поддержание благоприятных условий жизнедеятельности граждан, сохранение окружающей среды»¹.

С учетом приведенного выше можем выделить следующие признаки, характеризующие промышленную безопасность:

это составной элемент безопасности личности и общества, цель государственной промышленной политики и государственной политики обеспечения промышленной безопасности;

это правовая категория, комплексный (смешанный) межотраслевой институт; регламентируется социальными нормами²;

это определенные условия существования и функционирования промышленного объекта, его способность противостоять воздействию внутренних и внешних факторов, могущих привести к авариям и инцидентам;

обеспечение защищенности жизненно важных интересов личности и общества от последствий аварий на опасных производственных объектах и минимизации их количества, охрана окружающей среды;

обеспечивается системой правовых, экономических и организационно-технических мероприятий (средств).

Полагаем возможным уточнить легальное определение промышленной безопасности в Федеральном законе от 21 июля 1997 года № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»: под промышленной безопасностью предлагается понимать составной элемент национальной безопасности, комплексный межотраслевой институт, обеспечивающий системой правовых, экономических и организационно-технических средств государственной политики выполнение специальных требований и руководств по безопасной эксплуатации опасных производственных объектов в целях сведения к минимуму воздействия опасных производственных факторов, аварий и инцидентов на жизненно важные интересы личности и общества, окружающую среду.

Список источников

1. Мартынов А. В. Организационные и правовые вопросы обеспечения промышленной безопасности в Российской Федерации органами федерального горного и промышленного надзора России : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право,

¹ Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу : Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2018 г. № 198. П. 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В этом вопросе автор придерживается позиции, что нормы (требования) технического характера выступают особой разновидностью социальных норм, в том числе правовых.

информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Мартынов Алексей Владимирович. Нижний Новгород, 2002. 24 с.

2. Аверин М. С. Административный надзор в области промышленной безопасности в Российской Федерации : специальность 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Аверин Михаил Сергеевич. Москва, 2015. 18 с.

3. Кутьин Н. Г., Капинус Н. И. Основные дефиниции Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 96 – 100.

4. Хоменко О. А. Промышленная безопасность. Екатеринбург : УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. 284 с.

5. Ковалева Н. В., Зозуля А. А. Промышленная безопасность по законодательству Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4. С. 646 – 656.

6. Лыскова Е. И. Стратегические цели производственной безопасности промышленных предприятий в аспекте приоритетов национальной и экономической безопасности Российской Федерации // Глобальная ядерная безопасность. 2021. № 1 (38). С. 94 – 109.

Информация об авторе

М. Б. Кабанова – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

M. B. Kabanova – Senior Lecturer at the Department of state and law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 343.163

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Олег Альбертович КОЖЕВНИКОВ¹, Ирина Ивановна ЗАЙЦЕВА²

^{1,2} Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

¹o-kozhevnikov@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются нормативно-правовые акты, регламентировавшие прокурорский надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности в 1922 – 1991 годах (Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 года; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, приказы Прокурора (Генерального прокурора) СССР), а также рассматриваются полномочия прокуроров, взаимоотношения прокуроров и органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

Ключевые слова: прокуратура, законность, оперативно-разыскная деятельность

Для цитирования: Кожевников О. А. Зайцева И. И. К истории советского периода прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 91 – 96.

Original article

ON THE HISTORY OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF CRIME DETECTION DURING THE SOVIET PERIOD

Oleg A. KOZHEVNIKOV¹, Irina I. ZAYTSEVA²

^{1,2} Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia

¹o-kozhevnikov@yandex.ru

Abstract. The article analyses legal and regulatory acts that regulated prosecutor's supervision over the legality of crime detection from 1922 to 1991 (including the Fundamentals of Criminal Procedure of the Union of Soviet Socialist Republics and Union Republics of December 25, 1958; Criminal Procedure Code of the RSFSR, orders of the Prosecutor (Prosecutor General) of the USSR). The article also examines the powers of prosecutors and the relationship between prosecutors and the bodies conducting operational investigative activities.

Keywords: prosecutor's office, legality, crime detection

For citation: Kozhevnikov O. A. Zaitseva I. I. On the history of prosecutorial supervision over the legality of crime detection during the Soviet Period // Criminalist. 2024;4(49):91-96. (In Russ.).

История прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности, как считают многие исследова-

тели, имеет четыре периода становления. Первый продолжался с 1922 года по 1955 – 1958 годы. Второй охватывает

© Кожевников О. А., Зайцева И. И., 2024

период с 1958 года по 1992 год, третий — с 1992 года по 2002 год, четвертый — с 2002 года по настоящее время [1, с. 7]. Но более обоснованно мнение Г. В. Дытченко, считающего, что следует выделять следующие историко-правовые циклы: имперский (1722 — 1917 годы), советский (1917 — 1991 годы) и современный (1991 год — настоящее время) [2, с. 26].

После Великой Октябрьской социалистической революции три декрета советской власти, получившие название «О суде», а также первые Уголовно-процессуальные кодексы (УПК) РСФСР 1922 и 1923 годов сформировали пусть не идеальную, но достаточно гибкую систему органов правосудия. При этом если Декрет № 1 главным образом был направлен на упразднение ранее действовавших органов юстиции, то нормы Декретов № 2 и № 3 носили уже характер судопроизводственный и касались в основном сферы уголовного процесса. Так, в ст. 109 УПК РСФСР 1922 года указывалось, что «...общий надзор за производством дознания принадлежит прокуратуре, которая имеет право знакомиться со всеми материалами дознания в любой момент и по любому делу, давать указания органам дознания и предлагать им произвести те или иные действия». Однако первым упоминанием об оперативно-разыскной деятельности стали нормы ст. 93 УПК РСФСР 1923 года, которые предоставили возможность производства оперативно-разыскных действий при необходимости проверки анонимных заявлений.

При этом взаимоотношения органов дознания и прокуратуры регламентировались Инструкцией органам милиции о порядке производства дознаний от 22 марта 1924 года. В ней указывалось, что общий надзор за производством дознаний принадлежит прокуратуре, которая имеет право знакомиться со всеми материалами дознания «...в лю-

бой момент и по любому делу, т. е. при производстве дознания органы милиции состоят в непосредственной зависимости от прокурора и его помощников, действуют под их руководством, подчиняясь всем их распоряжениям и обращаясь к ним в отдельных случаях за разъяснениями». Жалобы на действия органов милиции по производству дознаний приносятся прокурору и разрешаются последним (ст. 107 УПК РСФСР).

Особенностью правового регулирования организации оперативно-разыскной деятельности в 1920 — 60-е годы являлось нормативно-правовое закрепление вневедомственного (прокурорского) надзора за законностью оперативно-разыскных мер, принимаемых органами дознания [3, с. 289]. Так, Положения о прокурорском надзоре 1922 и 1955 годов не регламентировали деятельность прокурора по надзору за законностью осуществления оперативно-разыскной деятельности, в них говорилось лишь о надзоре за исполнением законов в деятельности органов дознания. При этом в приказе Генерального прокурора СССР от 15 мая 1957 года № 107 «О недостатках прокурорского надзора за исполнением законов в деятельности милиции по производству дознания и мерах по их устранению» подчеркивалось, что «...прокурорский надзор за исполнением законов в деятельности органов милиции по производству дознания в ряде мест не обеспечивает должное координирование следственной работы прокуратуры с оперативно-разыскными мероприятиями милиции по раскрытию особо опасных преступлений и задержанию преступников»¹.

Позднее в ст. 29 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года предусматривалось, что на органы дознания

¹ Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / Прокуратура СССР. М., 1966. С. 163.

возлагается принятие необходимых оперативно-разыскных мер, в том числе с использованием видеозаписи, кино-, фотосъемки и звукозаписи, в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. В 1960 году был принят новый УПК РСФСР, в нормах ст. 118 которого предписывалось, что на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-разыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших. При этом в законе нигде не упоминались ни предмет прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности, ни полномочия прокурора.

Несмотря на определенные сдвиги в области законодательного утверждения необходимости прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности, не удалось преодолеть два основных противоречия, сложившихся еще в дореволюционный период. Первое противоречие состоит в смешении понятий «органы дознания» и «органы оперативно-разыскной деятельности», второе — в попытке регламентации надзорных отношений посредством уголовно-процессуального законодательства, предназначенного в основном для организации деятельности поднадзорных органов в рассматриваемой сфере [4]. Иными словами, не было принято ни одного нормативного акта, посвященного прокурорскому надзору за законностью осуществления оперативно-разыскной деятельности, из чего делается вывод, что красной нитью в документах Прокуратуры Союза ССР проходит мысль об усилении надзора

за следствием, дознанием и милицией. Надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности был традиционно установлен как «попутный», осуществляемый как бы наряду с надзором за дознанием [1, с. 7].

В целом в период с 1922 года по 1978 год Генеральным прокурором СССР не было издано ни одного приказа, специально посвященного прокурорскому надзору за законностью оперативно-разыскной деятельности¹. Более того, в 1960—70-е годы был издан ряд приказов, которыми строго предписывалось прокурорам и следователям не вмешиваться в оперативно-разыскную деятельность органов внутренних дел [5, с.171].

Относительно прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности В. С. Тадевосян считал, что если оперативно-разыскная деятельность не является процессуальной и регулируется ведомственными актами, то прокуратура не может осуществлять надзор за оперативной и тактической деятельностью милиции [6, с. 188]. А. Ш. Бакрадзе высказал прямо противоположную точку зрения, указав, что в предмет прокурорского надзора входит не только законность оперативно-разыскной деятельности, но и эффективность [7, с. 24—25], для чего следует обучить прокурора всем ее формам [8, с. 208—209].

¹ Сборник циркуляров и разъяснений Прокуратуры Союза ССР, действующих на 1 сентября 1936 года / сост. Б. И. Солерс, Д. И. Орлов; под ред. А. Я. Вышинского. М., 1936. 168 с.; Обзор важнейших приказов Прокурора СССР 1941—1944 гг.: пособие для районных и городских прокуроров освобожденных областей / Прокуратура СССР. М., 1945. 45 с.; Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / Прокуратура СССР. М., 1958; Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / Прокуратура СССР. М., 1966. 522 с.; Сборник приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. Ч. 2 / Прокуратура СССР; под общ. ред. А. М. Рекункова. М., 1978.

При этом многие исследователи считали, что оперативно-разыскная деятельность является деятельностью, связанной с расследованием преступлений, носит правовой характер и основана на режиме соблюдения законности, следовательно, входит в предмет прокурорского надзора [9, с. 129 – 130]. В. М. Савицкий рассматривал вопросы надзора за административной и процессуальной деятельностью органов дознания, но обращал внимание на надзор за законностью оперативно-разыскной деятельности [10, с. 92 – 114; 11].

В. К. Звирбуль и А. И. Жуков ограничили деятельность прокуроров кругом оснований и пределами совершения правонарушения [12]. По мнению А. Балашова, В. Даева, М. Маршунова, прокурор осуществляет надзор за соблюдением законности в оперативно-разыскной деятельности органов дознания, однако проверки должны производиться не лично прокурором, а по его требованию органами дознания [13, с. 59; 14, с. 101 – 102]. А. Ш. Бакрадзе пошел дальше, считая, что прокурорский надзор за соблюдением законности в оперативно-разыскной деятельности должен быть повседневным, инициатива проверки должна исходить от надзирающего за следствием прокурора [15].

Отмечалось, что право прокурора требовать документы, материалы и иные сведения о совершенных преступлениях для проверки, связанные с производством расследования, относится ко всем документам независимо от того, приобщены они к уголовному делу или хранятся в других местах; материалы оперативно-разыскного характера, содержащие сведения о преступлениях, прокурор вправе проверить при наличии данных, свидетельствующих о нарушении закона [16, с. 81].

Основанием для вмешательства прокурора являлись жалоба на незаконные действия работников милиции, сооб-

щение следователя о неисполнении его поручения, данного в соответствии со ст. 30 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, установление лично прокурором при проверке материалов расследования фактов бездействия в раскрытии преступлений, применение незаконных методов. Проверка состояла в получении объяснений от работников милиции и истребовании при необходимости всех документов, материалов и иных сведений о совершенных преступлениях. Если нарушение закона при производстве оперативно-разыскной деятельности обнаруживалось неоднократно или в органе милиции имелись серьезные недостатки, прокурор был вправе потребовать от вышестоящего руководителя произвести проверку данного органа милиции [17, с. 153; 18, с. 210 – 211]. М. Ю. Рагинский ограничился словами, что «прокурор обязан реагировать на выявленные нарушения закона при осуществлении оперативно-розыскных мер, но он не может вмешиваться в существо самой оперативно-розыскной работы, а тем более руководить ею» [19, с. 157].

С принятием в 1990 году Закона СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» в ст. 29 Основ были внесены дополнения, согласно которым на органы дознания возлагались обязанности принятия оперативно-разыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших, выявления фактических данных, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу после их проверки в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Органы дознания были обязаны осуществлять оперативно-разыскную деятельность с использованием звукозаписи, видеозаписи и кинофотосъемки в соответствии с Рекомендациями по применению

средств видео-, звукозаписи, кино-фотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при раскрытии и расследовании преступлений, которые были утверждены Министерством юстиции СССР, Верховным Судом СССР, КГБ СССР и МВД СССР в 1990 году. Иные вопросы оперативно-разыскной деятельности и прокурорского надзора в этой сфере по-прежнему регламентировались приказами и наставлениями Комитета государственной безопасности СССР и Министерства внутренних дел СССР.

Казалось бы, к началу 90-х годов XX века Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 года сформировали должную правовую основу прокурорского надзора за законностью осуществления оперативно-разыскной деятельности, однако принятые в 1992 году федеральные законы о прокуратуре и оперативно-разыскной деятельности так и не создали хорошо слаженный механизм защиты прокурором прав и свобод человека и гражданина.

Список источников

1. Буторин Л. А., Буторина О. Л., Буторина Т. Л. Прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Москва : Проспект, 2023. 184 с.
2. Дытченко Г. В. Развитие прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. Москва : Кнорус, 2020. 181 с.
3. Шумилов А. Ю. Оперативно-разыскная наука в Российской Федерации. Монография. В 3 т. Т. 1. Оперативно-разыскная деятельность и формирование науки о ней. Москва : Изд. дом Шумиловой И. И., 2013. 454 с. (Теория и практика профессионального сыска).
4. Дытченко Г. В. Предпосылки возникновения и развития прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 76–80.
5. Басков В. И. Курс прокурорского надзора. Москва : Зерцало, 1998. 468 с.
6. Тадевосян В. С. Прокурорский надзор в СССР. Москва : Госюриздат, 1956. 300 с.
7. Бакрадзе А. Ш. Прокурорский надзор за соблюдением законности при расследовании преступлений органами МВД : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бакрадзе Алексей Шалвович. Тбилиси, 1972. 26 с.
8. Ломовский В. Д. Особенности прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности органов милиции // Проблемы прокурорского надзора : науч. конф., посвящ. 50-летию сов. прокуратуры, 20–21 апреля 1972 г. : тезисы сообщений. Москва : [б. и.], 1972. С. 208–209.
9. Степанов В. В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Саратов. юрид. ин-т им. Д. И. Курского. Саратов : [б. и.], 1972. 142 с.
10. Савицкий В. М. Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием. Москва : Госюриздат, 1959. 262 с.
11. Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. Москва : Наука, 1975. 383 с.
12. Звирбуль В. К., Жуков А. И. Некоторые вопросы прокурорского надзора за точным исполнением законов по борьбе с преступностью // Вопросы криминалистики. 1961. № 1–2. С. 80–82.
13. Балашов А. Надзор за органами дознания // Социалистическая законность. 1978. № 11. С. 59.
14. Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1990. 135 с.

15. Бакрадзе А. Надзор за законностью оперативно-розыскных мер // Социалистическая законность. 1969. № 2. С. 41 – 43.

16. Комментарий к Положению о прокурорском надзоре в СССР / под ред. Н. В. Жогина. Москва : Юрид. лит., 1968. 223 с.

17. Прокурорский надзор в СССР : учеб. для юрид. вузов и фак. / отв. ред. М. П. Маляров, Москва : Юрид. лит., 1966. 331 с.

18. Прокурорский надзор в СССР : учебник / отв. ред. М. П. Маляров. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва : Юрид. лит., 1969. 408 с.

19. Прокурорский надзор в СССР : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / под ред. Б. А. Галкина. Москва : Юрид. лит., 1982. 303 с.

Информация об авторах

О. А. Кожевников – доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, член аттестационной комиссии Военной прокуратуры Центрального военного округа, кандидат юридических наук;

И. И. Зайцева – доцент координатор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса им. П. М. Давыдова Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, кандидат юридических наук.

Information about the authors

O. A. Kozhevnikov – Associate Professor at the Department of judicial activities and criminal procedure named after P. M. Davydov, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev; member of the Certification commission of the military prosecutor's office of the Central military district, Candidate of Sciences (Law);

I. I. Zaitseva – Associate Professor and Coordinator at the Department of judicial activities and criminal procedure named after P. M. Davydov, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Candidate of Science (Law).

Научная статья
УДК 347.963

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРОКУРОРОМ ЗАКОННОСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светлана Игоревна КОРЯЧЕНЦОВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, sv3833308@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов взаимодействия субъектов публично-правового механизма обеспечения законности градостроительной деятельности. Комплекс проблемных вопросов, связанных с наличием правовых коллизий и противоречий в градостроительном законодательстве, наличие административных барьеров определяют необходимость разработки современных эффективных организационно-методических материалов, обеспечивающих применение комплексного подхода для своевременного выявления, устранения и предупреждения нарушений в сфере градостроительства.

Ключевые слова: публично-правовой механизм, обеспечение законности, комплексный подход, прокурорский надзор, градостроительная деятельность, взаимодействие

Для цитирования: Коряченцова С. И. Актуальные вопросы взаимодействия субъектов публично-правового механизма при обеспечении прокурором законности градостроительной деятельности // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 97 – 102.

Original article

CURRENT ISSUES OF SUBJECTS INTERACTION OF THE PUBLIC LAW MECHANISM FOR ENSURING THE LEGALITY OF URBAN PLANNING ACTIVITIES

Svetlana I. KORYACHENTSOVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, sv3833308@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the consideration of issues of subjects interaction of the public law mechanism and ensuring the legality of urban planning activities. The complex of problematic issues related to the presence of legal conflicts and contradictions in urban planning legislation as well as the presence of administrative barriers determines the need for development of modern effective organizational and methodological materials to ensure the implementation of comprehensive approach for the timely identification, elimination, and prevention of violations in the field of urban planning.

Keywords: public law mechanism, ensuring legality, integrated approach, prosecutorial supervision, urban planning activities, interaction

For citation: Koryachentsova S. I. Current issues of subjects interaction of the public law mechanism for ensuring the legality of urban planning activities. Criminalist. 2024;4(49):97-102. (In Russ.).

© Коряченцова С. И., 2024

Градостроительная деятельность является сложной многоэтапной и многофункциональной деятельностью государственных органов, органов местного самоуправления, физических и юридических лиц, которая направлена на создание благоприятных условий для проживания, окружающей среды, развития экономики. Одним из необходимых и обязательных элементов эффективной градостроительной деятельности является учет требований (пожеланий) жителей территории, который необходим для определения целесообразного уровня баланса частных, общественных, государственных интересов в сфере градостроительного планирования, развития территорий и поселений, определения видов использования земельных участков, проектирования, строительства и реконструкции объектов недвижимости в целях обеспечения благоприятных условий проживания [1, с. 99]. С учетом «многообразия правоотношений вовлечение субъектов градостроительной деятельности» [2, с. 67] на различных ее этапах обусловлено спецификой указанной деятельности, а также особенностями ее правового регулирования, принимая во внимание то обстоятельство, что градостроительное законодательство следует рассматривать как межотраслевой правовой институт, включающий нормы различных отраслей права.

Определение круга субъектов, подлежащих объединению понятием «публично-правовой механизм обеспечения законности в градостроительной сфере», имеет не только существенное практическое, но и определенное теоретическое значение. Представляется обоснованным рассмотрение в качестве субъектов такого механизма органов государственной власти (федеральных и субъектов Российской Федерации), органов местного самоуправления с учетом предоставленных им полномочий в рассматриваемой сфере правоотношений. Также к числу субъектов следует

относить существующие органы, реализующие контрольные (надзорные) полномочия, исходя из особой ведущей роли органов прокуратуры в обеспечении законности градостроительной деятельности.

Вместе с тем следует признать, что формирование представления о субъектах публично-правового механизма обеспечения законности градостроительной деятельности претерпевает изменения, что в свою очередь вносит коррективы в правовую регламентацию указанной деятельности прокурора при обеспечении законности деятельности остальных ее субъектов.

Так, термин «организации, осуществляющие публично значимые функции», и их перечень пока не нашли закрепления в действующем законодательстве [3, с. 110 – 117]. Ряд правовых актов используют формулировку «публично-правовое образование». В положениях Градостроительного кодекса Российской Федерации понятие «публично-правовое образование» также неоднократно приводится и обуславливает необходимость дополнения круга субъектов, определенных в ст. 5 Градостроительного кодекса Российской Федерации, еще и юридическими лицами, в уставных (складочных) капиталах которых доля публично-правовых образований составляет более пятидесяти процентов, в случае заключения указанными юридическими лицами договоров подряда на осуществление сноса объекта капитального строительства, а также в случае заключения указанными юридическими лицами договоров строительного подряда и другими.

Кроме того, в настоящее время и в юридической литературе нет единого определения понятий публично значимых функций и субъектов, которые их выполняют. Представители научного сообщества предлагают различные формулировки [3, с. 110 – 117]. Например, В. Е. Чиркин считает, что субъекты

публичного права, осуществляющие публичные функции, — это самостоятельные образования, которые участвуют во взаимодействиях с другими субъектами для общей выгоды [4, с. 154–170]. Ряд авторов полагают, что субъекты используют публичную власть, имеют свое имущество, обязанности и права [5, с. 21].

Учитывая изложенное, представляется, что и деятельность по обеспечению законности в сфере градостроительства следует считать комплексным межотраслевым с правовой точки зрения направлением деятельности в широком понимании [6, с. 19].

Комплексный и межотраслевой характер правового регулирования градостроительной деятельности, включающего в себя законы и подзаконные акты федерального уровня, нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, обуславливает сложный состав субъектов, вовлеченных в градостроительную деятельность, следовательно, и объектов прокурорского надзора.

Указанные обстоятельства существенно осложняют организацию и осуществление прокурорской деятельности в данном направлении, кроме того, поскольку прокурорская деятельность является важной составной частью функционирования публично-правового механизма, органы прокуратуры должны обеспечить законность надзорными и ненадзорными средствами с учетом построения публично-правового механизма, который организован исходя из административно-территориального деления Российской Федерации.

Взаимодействие субъектов публично-правового механизма (к числу которых следует также относить и субъекты, осуществляющие градостроительную деятельность), являющихся объектами прокурорского надзора, между собой осуществляется на различных уровнях в соответствии с административно-тер-

риториальным делением Российской Федерации. В качестве примеров взаимодействия можно назвать создание и организацию деятельности совместных рабочих групп в органах прокуратуры, публичные мероприятия (сходы, референдумы, общественные слушания), в рамках которых возможен поиск целесообразного баланса между публичными и частными интересами. Поскольку на различных этапах градостроительной деятельности могут быть вовлечены различные субъекты рассматриваемого публично-правового механизма и прежде всего различные органы власти и контроля (надзора), обеспечение законности осуществляется органами прокуратуры соответствующего уровня.

Отношения же между указанными субъектами следует также признать межотраслевыми с правовой точки зрения, поскольку в данном случае эти отношения урегулированы разными отраслевыми нормами права. Однако связи между субъектами должны выстраиваться на основе единых правил и принципов. На органы прокуратуры возложена обязанность оценивать деятельность указанных органов именно с точки зрения закона и обеспечения законности. Этим обуславливается особая роль органов прокуратуры в функционировании публично-правового механизма обеспечения законности в градостроительной сфере.

В случае выявления нарушений прокурор решает вопрос о том, какие средства могут быть использованы для реагирования на допущенное нарушение. Важной составной частью является применение средств, «направленных не только на устранение выявленных нарушений законов, причин и условий, способствующих этому, но и на привлечение к ответственности виновных лиц и восстановление нарушенной законности» [7, с. 38–44]. На данном этапе деятельности органов прокуратуры также должен быть решен вопрос о примене-

нии ненадзорных средств прокурорского реагирования, поскольку природа и сущность правовых средств прокурора определяют деятельность прокурора, который использует свои полномочия посредством конкретных инструментов, таких как участие в гражданском, арбитражном, административном и уголовном судопроизводстве, выполнение координирующей роли для решения задач, стоящих перед российской прокуратурой [8, с. 88–92].

Представляется, что изменение подходов к реализации своих полномочий субъектами публично-правового механизма обеспечения законности градостроительной деятельности повысит эффективность градостроительного процесса, позволит согласовать задачи, решаемые различными субъектами — участниками градостроительной деятельности, обеспечит сбалансированность частных и публичных интересов.

Важно отметить, что эффективность реализации градостроительных правоотношений зависит от консенсуса между различными субъектами градостроительной деятельности. Данный фактор является фундаментом для поиска баланса в реализации прав и свобод граждан, с одной стороны, а также интересов общества и государства — с другой.

Вместе с тем результаты проводимых органами прокуратуры надзорных и ненадзорных мероприятий по обеспечению законности градостроительной деятельности свидетельствуют как о нарушениях в данной сфере участниками градостроительной деятельности, об отсутствии надлежащего контроля со стороны уполномоченных органов [9, с. 7], так и о недостаточно четком регулировании отношений в сфере градостроительства, что является основанием для принятия мер прокурорского реагирования.

Трудности, с которыми сталкиваются прокуроры при осуществлении надзора в данном направлении, кроме того обусловлены и нарушениями, допуска-

емыми органами местного самоуправления при подготовке соответствующих муниципальных правовых актов.

Например, действующим законодательством закреплено, что к вопросам местного значения отнесены вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования¹, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. К таким вопросам относится и градостроительная деятельность².

При этом представляется, что недостаточно четко определена правовая природа самой градостроительной деятельности. Так, право участия в осуществлении градостроительной деятельности должно рассматриваться и как полномочие по решению вопросов местного значения, т. е. по совершению определенных действий, которые лицо вправе совершать, вынося компетентное решение («принятие», «установление», «создание», «регулирование», «обеспечение», «учреждение» и т. д.), и как муниципальная услуга [10, с. 183].

Например, выдача органом местного самоуправления градостроительного плана земельного участка является муниципальной услугой, под которой понимается деятельность по реализации функций органа местного самоуправления, осуществляемая по запросам заявителей в пределах полномочий этого органа³.

¹ Обзор решений Верховного Суда Российской Федерации за III–IV квартал 2017 года по вопросам организации местного самоуправления // Местное право. 2018. № 3. С. 83–132.

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ : текст с изм. и доп. на 8 авг. 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Разъяснения об основаниях отказа в предоставлении градостроительного плана земельного участка : Письмо Минстроя России

Вместе с тем обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой такой подход к подаче нормативного материала позволяет различать отдельные допустимые действия, но никак не помогает четко разграничивать компетенцию субъектов — участников властных правоотношений в зависимости от сферы их деятельности [11, с. 131].

Отсутствие единых законодательно регламентированных градостроительных административных процедур создает предпосылки для возникновения административных барьеров для всех субъектов градостроительной деятельности.

В настоящее время уполномоченными органами государственной власти, органами местного самоуправления приняты правовые акты, нацеленные на обеспечение единообразной практики предоставления государственных и муниципальных услуг в сфере градостроительства.

Так, законодательно определены перечни градостроительной документации и условия прохождения застройщиками процедур согласования такой документации с уполномоченными публичными органами власти. Однако при достаточно большом количестве и разнообразии субъектов градостроительной деятельности отсутствует единый механизм согласования принятия решений, достижения консенсуса между частными и общественными интересами и вовлеченности всех заинтересованных субъектов в принятие решений по развитию и модернизации территорий.

Связующим элементом должны быть уполномоченные публичные субъекты, деятельность которых в том числе должна заключаться в установлении баланса интересов участников градостроительной деятельности.

Также законодательно установлены основания для отказа в принятии до-

от 11 августа 2017 г. № 28588-ХМ/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кументов на рассмотрение и отказа в предоставлении государственных и муниципальных услуг, определены сроки получения разрешений на строительство. Вместе с тем вопросы осуществления надзора за исполнением законов при определении качества оказания услуг, за соблюдением сроков получения разрешений на строительство, законностью принимаемых правовых актов по-прежнему актуальны и требуют пристального внимания со стороны органов прокуратуры в связи с наличием нарушений.

Приведенные примеры не демонстрируют всего комплекса пробельности в правовом регулировании взаимоотношений субъектов публично-правового механизма обеспечения законности в сфере градостроительства и, как следствие, круга проблем, возникающих при формировании и совершенствовании публично-правового механизма обеспечения прокурором законности градостроительной деятельности.

В частности, представляется, что в настоящее время имеется потребность в научном осмыслении особенностей деятельности поднадзорных объектов в зависимости от их вида и от уровня, на котором должны осуществлять свою деятельность органы контроля и надзора, вида правоотношений и объема полномочий, которые продиктованы динамичным процессом развития органов прокуратуры, а также существующим кадровым потенциалом надзорного ведомства. Должный уровень научного исследования указанного круга вопросов в дальнейшем будет способствовать формированию научной основы для разработки рекомендаций по совершенствованию организации и осуществления деятельности органов прокуратуры в данном направлении на базе формирования единого алгоритма взаимодействия субъектов собственно осуществления градостроительной деятельности и органов прокуратуры на различных

этапах и уровнях осуществления такой деятельности. На этой же основе следует базировать предложения по совершенствованию форм и мер внутрисистемного взаимодействия органов прокуратуры и межведомственного их взаимодействия

с иными элементами публично-правового механизма обеспечения законности градостроительной деятельности, а также научными, образовательными и экспертными учреждениями.

Список источников

1. Защита прокурором прав несовершеннолетних : практ. пособие / Т. А. Васильева, И. И. Головки, Э. Р. Исламова [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. Москва : Новая юстиция, 2021. 588 с. (Бакалавриат, специалитет и магистратура).
2. Сперанский О. В. Понятие и виды субъектов градостроительной деятельности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 67–72.
3. Рыжова А. А., Плахтий Н. А. Административно-правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции // Правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: история и современность : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 24 апреля 2020 года / Байкальский государственный университет ; отв. ред. Е. М. Якимова. Иркутск : БГУ, 2020. С. 110–117.
4. Чиркин В. Е. Об особенностях юридического лица публичного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 3. С. 154–170.
5. Воскресенская Е. В. Субъекты саморегулирования: теоретико-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 17–24.
6. Коряченцова С. И. Особенности правового регулирования градостроительной деятельности и осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в указанной сфере // Бюллетень инновационных технологий. 2019. Т. 3, № 4 (12). С. 14–20.
7. Ергашев Е. Р., Габышева Е. А. Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107). С. 38–44.
8. Корешникова Н. Р. К вопросу о понятии и сущности правовых средств прокурора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 88–92.
9. Прокурорская проверка: методика и тактика проведения : учеб. пособие / О. Н. Коршунова, Е. А. Бурмистрова, И. И. Головки [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Юридический центр, 2017. 431 с. (Учебники и учебные пособия).
10. Коряченцова С. И. Особенности обеспечения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении прокурорского надзора за законностью правовых актов в сфере градостроительной деятельности // Защита прав и свобод человека и гражданина: теория и практика : сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф. (I Международной школы-семинара молодых ученых-юристов), Москва, 10 сентября 2019 года / Московский финансово-юридический университет ; под ред. В. В. Казакова, К. А. Комогорцевой. Москва : МФЮА, 2020. С. 181–187.
11. Селихова О. Г. Особенности правового статуса органов местного самоуправления // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 123–134.

Информация об авторе

С. И. Коряченцова – старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the author

S. I. Koryachentsova – Senior Lecturer at the Department of procuratorial supervision and procurator's participation in hearings of criminal, civil and arbitration cases, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 34

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ
В ПРОКУРОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светлана Павловна СИНЯВСКАЯ¹, Татьяна Сергеевна КОРНЕВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ sinyavskayasp@mail.ru

² tatyana_korneva_84@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть лингвистический аспект в профессиональной деятельности прокурорского работника, выявить пути формирования языковых навыков прокурора и способы их реализации.

Ключевые слова: лингвистика, прокурорская деятельность, прокурорский работник, заключение специалиста, языковая компетенция, профессиональные компетенции

Для цитирования: Синявская С. П., Корнева Т. С. Особенности формирования и реализации лингвистических знаний в прокурорской деятельности // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 103 – 108.

Original article

FEATURES OF DEVELOPING AND IMPLEMENTATING
LINGUISTIC KNOWLEDGE IN PROSECUTORIAL ACTIVITIES

Svetlana P. SINYAVSKAYA¹, Tatyana S. KORNEVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ sinyavskayasp@mail.ru

² tatyana_korneva_84@mail.ru

Abstract. The authors attempted to examine the linguistic aspect in the professional activities of a prosecutor, identify the ways to develop linguistic skills for prosecutors, and explore methods of their implementation.

Keywords: linguistics, prosecutorial activity, prosecutor, expert opinion, language competence, professional competencies

For citation: Sinyavskaya S. P., Korneva T. S. Features of developing and implementing linguistic knowledge in prosecutorial activities. Criminalist. 2024;4(49):103-108. (In Russ.).

Для соблюдения законности и прав и свобод человека и гражданина
порядка, защиты конституционных прокуроры в процессе осуществления

© Синявская С. П., Корнева Т. С., 2024

своей профессиональной деятельности стремятся к оперативному и объективному исследованию материалов, содержащих информацию о противоправных деяниях. К таким деяниям могут относиться правонарушения экстремистской или террористической направленности (ст. 20.3 КоАП РФ), распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство граждан (ст. 128.1 УК РФ), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ) и др.

В этой связи большое значение имеет умение прокурорского работника правильно оценить первичные информационные материалы, дав им точную правовую оценку. Однако если содержание некоторых речевых продуктов имеет к надзорной деятельности опосредованное отношение и выходит за рамки компетенции работника прокуратуры, то в этом случае целесообразно обратиться к помощи экспертов.

Лингвистический анализ речевых материалов, подлежащих проверке, может быть выполнен посредством лингвистической экспертизы, и к ней часто прибегают как к «способу или средству получения доказательственной информации» в случаях, когда «эту информацию невозможно получить иными способами» [1, с. 52]. Однако, несмотря на то, что в ходе осуществления надзорной деятельности у прокурора может возникнуть необходимость в проведении экспертизы по вопросам, выходящим за пределы его компетенции, полномочиями по ее назначению он не обладает, в то время как заключение эксперта позволило бы прокурору усилить позицию относительно квалификации совершен-

ного преступления, подтвердить факт наличия в информационном материале конкретных признаков противоправных деяний, которые могут иметь общественно опасные последствия.

Вопрос о невозможности прямого обращения к экспертному мнению в ходе выполнения прокурором своих должностных обязанностей неоднократно поднимался в научной литературе [2; 3; 4].

Согласно ст. 22 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» к участию в проведении прокурорской проверки могут привлекаться представители иных государственных органов в целях осуществления ими экспертно-аналитических функций. В этом случае прокурор вправе требовать от руководителей и других должностных лиц поднадзорных органов выделения специалистов для выяснения возникших в ходе проверки вопросов. Специалист, в отличие от эксперта, «дает суду консультацию в устной или письменной форме исходя из профессиональных знаний, без проведения специальных исследований» [5, с. 17].

Однако в прокурорской практике существуют ситуации, «когда ответ на вопрос очевиден, исходя из обыденного языкового знания и житейского опыта», поэтому назначение лингвистической экспертизы «не только нецелесообразно, но и незаконно, поскольку не требует применения специальных знаний» [6, с. 11].

Прокурорскими работниками в ходе осуществления надзора посредством мониторинга информационных ресурсов сети «Интернет», а также рассмотрения обращений граждан зачастую выявляются материалы, не содержащие информации о признаках правонарушений или преступлений, совершаемых посредством речевых действий. Тем не менее,

несмотря на отсутствие криминального характера, обнаруженная информация может в дальнейшем нанести существенный вред здоровью, духовному и нравственному развитию подрастающего поколения, репутации граждан, основам правового общества, безопасности государства.

В настоящее время сотрудниками прокуратур в ходе проверок средств массовой информации регулярно обнаруживается большое количество нарушений законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию (ст. 6.17 КоАП РФ). Надзорная деятельность органов прокуратуры направлена главным образом на выявление информационной продукции, опасной для подрастающего поколения, которая может распространяться посредством теле- и радиовещания, экстремистских материалов в сети «Интернет» или в виде различной печатной продукции [7; 8; 9]. Принимая во внимание общий объем информационных материалов, подлежащих проверке прокурорами, уместно предположить, что, несмотря на то, что прокурорский работник может обратиться за консультативной помощью к специалисту, на практике это не всегда происходит. Поэтому решения по большинству информационных материалов ему приходится принимать самостоятельно, опираясь на свой профессиональный опыт, знания, умения и навыки, полученные в процессе получения юридического образования.

В этой связи необходимо остановиться на вопросе, связанном с языковой подготовкой прокурорского работника в высшем учебном заведении, в процессе которой у будущего прокурора должны сформироваться следующие компетентности: языковая компетентность, включающая научные знания о языке, речевая компетентность, подразуме-

вающая владение функциональными регистрами языка, и коммуникативная компетентность, предполагающая способность правильно использовать вербальные и невербальные средства для осуществления успешной коммуникации в разных сферах общения. Владение всеми вышеназванными видами компетентности способствует формированию у обучаемого собственной точки зрения на то или иное событие, умения делать выводы и обобщать информацию, поскольку именно язык является структурообразующим элементом любой профессиональной деятельности, в том числе и прокурорской.

Большое значение в контексте компетентностного подхода в современной образовательной парадигме высшей школы играет, по мнению исследователей [10; 11], речевая компетентность, поскольку «современный выпускник вуза должен быть не только образованным, способным к анализу и решению сложных проблемных ситуаций, но и должен проявлять внимание к собственной речевой культуре, которая является обязательным компонентом его профессионального и личностного становления» [10, с. 156].

Отличительной особенностью данного вида компетентности является способность «включать в себя характеристики, некоторые из которых могут быть отнесены либо к языковой компетентности, либо к коммуникативной компетентности» [10, с. 157].

Так, под языковой компетентностью следует понимать «готовность и способность личности применять имеющиеся языковые знания, умения и навыки в различных ситуациях общения для успешной и своевременной реализации поставленных самой личностью и/или обществом задач» [12, с. 89], т. е. в нашем случае способность будущего прокурорского работника решать профессиональ-

ные задачи, такие как осуществление надзорных функций, связанных с информационной безопасностью населения, участие в судебной и правотворческой деятельности.

В прокурорской деятельности также имеет особое значение развитие коммуникативных способностей, поскольку значительная часть рабочего времени прокурора проходит в условиях профессионального общения, в процессе которого он должен продемонстрировать необходимые коммуникативные навыки в различных условиях.

О важности умения прокурорскими работниками эффективно использовать языковые и коммуникативные навыки свидетельствует также приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 227 «Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры», согласно которому они должны уметь аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, обладать навыками делового общения, публичных выступлений, владеть грамотной письменной и устной речью на русском языке.

Коммуникативная компетентность сотрудников прокуратуры, как видно из квалификационных требований, является одной из основных, а хорошее владение родным и иностранными языками, несомненно, способствует дальнейшему совершенствованию профессиональных компетенций, поскольку «слово является профессиональным инструментом, от владения которым зависит успех профессиональной деятельности юриста» [13, с. 100].

Еще одним подтверждением важности овладения коммуникативной компетентностью в профессиональной деятельности прокурорского работника

является наличие в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования (ФГОС ВО)¹ универсальной компетенции «коммуникация» (УК-4), согласно которой обучающиеся по специальности «Судебная и прокурорская деятельность» должны овладеть коммуникативной компетенцией. Это подразумевает, что получающий профессию прокурора студент после окончания обучения в вузе будет «способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия». Из текста компетенции видно, что будущий прокурорский работник в процессе трудовой деятельности должен уметь осуществлять не только профессиональную, но и научно-практическую коммуникацию.

В рамках учебного процесса в высшем учебном заведении формирование коммуникативной компетенции происходит у будущих прокуроров в процессе изучения дисциплин «Культура речи и ораторское мастерство прокурорского работника», «Иностранный язык» по программе специалитета и «Иностранный язык» по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре. Кроме того, студенты могут успешно развивать коммуникативные способности в рамках юридических клиник, обучение в которых «знакомит будущих юристов с сущностью профессионально-юридического общения и его особенностями, позволяет максимально выявить творческий и коммуникативный потенциал студен-

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность : Приказ Минобрнауки России от 18 августа 2020 г. № 1058 : текст с изм. и доп. на 27 февр. 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тов, развить те личностные качества, которые являются наиболее значимыми в плане совершенствования коммуникативной компетентности» [14, с. 422].

Действующие прокурорские работники имеют возможность расширять и

улучшать профессиональную коммуникативную компетенцию в ходе обучения по программам дополнительного профессионального образования, в рамках которых они могут продолжить формировать свое речевое мастерство [15].

Список источников

1. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика : монография. Москва : Флинта, 2014. 297, [1] с.
2. Винокуров А. Ю. Привлечение прокурором специалиста при проведении проверки исполнения закона // Административное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 50–63.
3. Кочева Д. В. О взаимодействии прокуроров со специалистами при реализации надзорных полномочий вне уголовно-правовой сферы // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12. С. 212–220.
4. Жданов С. П. Участие специалиста в правоохранительной деятельности : монография. Москва : Проспект, 2020. 272 с.
5. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. Москва : Норма, 2024. 576 с.
6. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. ... канд. юрид наук / Подкатилина Мария Леонидовна. Москва, 2013. 28 с.
7. Защита прокурором прав несовершеннолетних : практ. пособие / О. Н. Коршунова, Т. А. Васильева, И. И. Головки [и др.] ; под ред. О. Н. Коршуновой. Москва : Юстиция, 2021. 588 с.
8. Головки И. И., Солодянкина Д. С. Типичные нарушения законодательства о защите несовершеннолетних от вредоносной информации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3, № 2. С. 88–96.
9. Паламарчук А. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сети Интернет. Москва : Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2017. 360 с.
10. Манаенкова М. П. Речевая компетентность выпускника вуза — основа его успешной социализации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (055). С. 156–158.
11. Артемьева Г. Н. Формирование речевой компетентности и речевых компетенций студентов вуза // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2016. № 1. С. 9–13.
12. Муранова Е. В. К вопросу о содержании понятий «языковая компетенция» и «языковая компетентность» // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 88–91.
13. Левитан К. М. Развитие профессионально компетентной личности юриста на полилингвальной основе (русский и иностранные языки) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2014. № 10. С. 98–105.
14. Усманова Е. Ф. Формирование коммуникативной компетентности будущих юристов в рамках модернизации юридического образования // Педагогическая деятельность как творческий процесс : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Грозный, 17 октября 2018 года. Грозный : Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2018. С. 421–425.

15. Рябова Л. Г. Культура устной и письменной речи прокурорского работника : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 75 с.

Информация об авторах

С. П. Синявская – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат филологических наук;

Т. С. Корнева – старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Information about the authors

S. P. Sinyavskaya – Associate Professor at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Linguistics);

T. S. Korneva – Senior Lecturer at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

Научная статья
УДК 347.963

**ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА
ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКАЗЧИКАМИ ТРЕБОВАНИЙ
К ЦЕНООБРАЗОВАНИЮ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК**

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ¹, Денис Михайлович ПЛУГАРЬ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ s.shurpaev@mail.ru

² plugdm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с осуществлением прокурорского надзора за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок. Авторы анализируют нормативно-правовые акты, регулирующие сферу государственных и муниципальных закупок, судебную и надзорную практику. В статье обобщены типичные нарушения порядка определения и обоснования цены контракта в сфере государственных и муниципальных закупок. Раскрыто содержание отдельных составляющих прокурорской проверки за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок. В том числе определен общий алгоритм проверки. Структурировано информационное обеспечение проведения прокурорской проверки за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок. Перечислены некоторые вопросы, подлежащие выяснению при проведении проверки.

Ключевые слова: прокурорский надзор, закупки, ценообразование

Для цитирования: Шурпаев Ш. М., Плугарь Д. М. Вопросы осуществления прокурорского надзора за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 109 – 117.

Original article

**ISSUES RELATED TO THE IMPLEMENTATIONS OF PROSECUTORIAL
SUPERVISION OF COMPLIANCE BY CLIENTS WITH PRICING
REQUIREMENTS IN THE SPHERE OF PUBLIC
AND MUNICIPAL PROCUREMENT**

Shamil M. SHURPAEV¹, Denis M. PLUGAR²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ plugdm@mail.ru

² s.shurpaev@mail.ru

Abstract. The article deals with current issues concerning the implementation of prosecutorial supervision over clients' compliance with pricing requirements in the field of public and municipal procurement. The authors analyse normative legal acts regulating the sphere of public and municipal procurements, judicial and supervisory practice. The authors have summarized typical

© Шурпаев Ш. М., Плугарь Д. М., 2024

violations of the procedure for determining and justifying the contract price in the field of public and municipal procurement. The content of individual components of the prosecutor's supervision over compliance by clients with pricing requirements in the field of public and municipal procurement has been disclosed. In particular, the stages of the general verification algorithm have been defined. Information support for the prosecutor's supervision over compliance by clients with pricing requirements in the field of public and municipal procurement has been structured. Some issues to be clarified during the audit are listed.

Keywords: prosecutor's supervision, procurement, pricing

For citation: Shurpaev Sh. M., Plugar D. M. Issues related to the implementation of prosecutorial supervision of compliance by clients with pricing requirements in the sphere of public and municipal procurement. *Criminalist*. 2024;4(49):109-117. (In Russ.).

Результаты прокурорских проверок свидетельствуют о наличии многочисленных нарушений законодательства, регулирующего процесс закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее также — закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупки).

Так, органами прокуратуры в 2023 году в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд выявлено 204 835 нарушений законов (в аналогичный период прошлого года (АППГ) — 197 769, +3,6 %), внесено 68 044 представления (АППГ — 63 741, +6,8 %), по которым привлечено к дисциплинарной ответственности 43 615 лиц (АППГ — 40 707, +7,1 %), принесено 16 207 протестов (АППГ — 16 965, -4,5 %), направлено 1 282 материала для решения вопроса об уголовном преследовании в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) (АППГ — 1 232, -4,1 %)¹.

Необоснованное завышение стоимости контрактов, иные нарушения процедуры ценообразования являются одни-

ми из самых распространенных в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14 января 2021 года № 6 (ред. от 5 мая 2023 г.) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок» в числе приоритетов надзорной деятельности в сфере закупок определены проверки соблюдения заказчиками требований к ценообразованию в данной сфере (пп. 2.4, 2.6 Приказа).

Прокурорам необходимо уделять особое внимание выявлению фактов отсутствия расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта, а также ее неверного определения.

Роль ценообразования в закупочной деятельности заказчика является системообразующей, поскольку результаты данной процедуры оказывают определяющее влияние как на отдельные закупки, так и на эффективность и результативность всей деятельности заказчика. Согласно данным, опубликованным на ресурсе Единой информационной системы в сфере закупок, цена контрактов, заключенных по всей России в 2023 году в соответствии с положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о кон-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 11.07.2024).

трактной системе), превысила 10,2 трлн рублей¹.

О роли ценообразования в закупочной деятельности свидетельствует, например, то, что результаты данной процедуры оказывают прямое влияние на совокупный годовой объем закупок (п. 16 ч. 1 ст. 1 Закона о контрактной системе) и, как следствие, на возможность для заказчика обеспечить свои нужды. Размер начальной (максимальной) цены контракта является одним из условий возникновения у заказчика обязанности проведения процедуры общественного обсуждения закупок (ст. 20 Закона о контрактной системе). Выбор способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя) также во многом зависит от размера начальной (максимальной) цены контракта (п. 1 ч. 10 ст. 24, п. 4 ч. 1 ст. 93, п. 5 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе). Результаты ценообразования влияют и на иные аспекты закупочной деятельности заказчика [1, с. 29–33].

Научное осмысление вопросов осуществления прокурорского надзора за соблюдением заказчиками требований к ценообразованию в сфере закупок не получило должного развития. Существующие исследования рассматриваемой проблематики не в полной мере отражают современные теоретико-методологические представления о прокурорском надзоре и возможностях его применения в практической деятельности [2; 3; 4; 5; 6]. Это определяет актуальность темы настоящей статьи.

Система правового регулирования ценообразования в сфере закупок отличается многоуровневостью, динамичностью и представляет собой значительный массив нормативных правовых актов, определяющих полномочия заказчика при реализации процедур ценообразования в закупочной деятельности.

¹ Статистика // ЕИС Закупки : офиц. сайт. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html#statAnchor> (дата обращения: 09.07.2024).

Нормы, регулирующие общие вопросы ценообразования и порядок определения и обоснования цены контракта заказчиком, содержатся в ст. 3, 4, 16, 19, 22, 33, 93, 48, 49, 95 Закона о контрактной системе.

Основные положения с точки зрения осуществления проверок соблюдения заказчиками требований к ценообразованию приведены в ст. 22 Закона о контрактной системе, нормы которой образуют порядок определения и обоснования цены контракта. Значительное число предписаний законодателя, установленных ст. 22 Закона о контрактной системе, конкретизируются в подзаконных актах, содержание большей части которых имеет процедурный и специальный характер, уточняет вопросы ценообразования при применении отдельных методов, в отдельных сферах и видах деятельности.

В системе правового регулирования ценообразования в сфере закупок в зависимости от области действия можно условно выделить два порядка определения и обоснования цены контракта: общий и специальный.

Общий порядок образован: а) предписаниями Закона о контрактной системе, определяющими общие требования к определению и обоснованию цены контракта вне зависимости от закупаемой продукции (сферы закупок или вида деятельности), в том числе чч. 1–20 ст. 22 Закона о контрактной системе; б) положениями приказа Минэкономразвития России от 2 октября 2013 года № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем)».

Специальный порядок ценообразования в сфере закупок применяется при осуществлении Правительством Россий-

ской Федерации полномочий в соответствии с ч. 22 ст. 22 Закона о контрактной системе по определению сфер деятельности, в которых устанавливается такой порядок определения и обоснования цены контракта. Заказчик обязан применять специальный порядок при закупках продукции, определение и обоснование цены на которую урегулировано соответствующими правовыми актами. Специальный порядок применяется заказчиками при осуществлении закупок:

охранных услуг (Постановление Правительства Российской Федерации от 8 мая 2020 года № 645, Приказ Росгвардии от 15 февраля 2021 года № 45);

продукции судостроительной промышленности (за исключением продукции, закупка которой осуществляется в рамках государственного оборонного заказа) (Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 года № 34, Приказ Минпромторга России от 28 февраля 2023 года № 639);

топлива моторного, включая автомобильный и авиационный бензин (Постановление Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2018 года № 1074 (ред. от 27 июля 2019 г.);

в сфере градостроительной деятельности (за исключением территориального планирования) (Постановление Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2015 года № 964 (ред. от 27 июля 2019 г.), Приказ Минстроя России от 23 декабря 2019 года № 841/пр (ред. от 14 июня 2022 г.);

лекарственных препаратов для медицинского применения (Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2017 года № 149 (ред. от 27 июля 2019 г.), Приказ Минздрава России от 19 декабря 2019 года № 1064н);

в сфере регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом (Постановление

Правительства Российской Федерации от 11 октября 2016 года № 1028 (ред. от 27 июля 2019 г.), Приказ Минтранса России от 20 октября 2021 года № 351);

медицинских изделий (Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июля 2019 года № 847, Приказ Минздрава России от 15 мая 2020 года № 450н (ред. от 5 августа 2022 г.)).

Специальный порядок определения и обоснования цены контракта применяется заказчиками и при закупках в иных сферах деятельности, в том числе:

при осуществлении закупок для целей достижения минимальной доли закупок (Постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2020 года № 2014 (ред. от 26 июня 2024 г.);

при заключении контрактов по государственному оборонному заказу (Постановление Правительства Российской Федерации от 2 декабря 2017 года № 1465 (ред. от 3 сентября 2024 г.);

при заключении контрактов, предметом которых являются ремонт и (или) содержание автомобильных дорог общего пользования федерального значения (Постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2022 года № 1148 – ограничено во времени применения);

при приобретении жилых помещений, которые соответствуют условиям отнесения к стандартному жилью, установленным уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, и построены на земельных участках, переданных единым институтом развития в жилищной сфере в безвозмездное пользование или аренду для строительства стандартного жилья, для комплексного развития территории (Приказ Минстроя России от 29 апреля 2020 года № 237/пр);

при заключении контрактов на товары (работы, услуги), когда их количество невозможно определить и требуется ука-

знание формулы цены и максимального значения цены контракта (Постановление Правительства Российской Федерации от 13 января 2014 года № 19 (ред. от 31 октября 2022 г.)).

Неисполнение заказчиками возложенных на них обязанностей, ненадлежащее исполнение таких обязанностей, злоупотребление правом, превышение пределов своих полномочий образуют круг типичных по форме нарушений, допускаемых заказчиками при осуществлении процедур ценообразования. Для целей научного обеспечения эффективной надзорной деятельности в данной сфере все многообразие нарушений процедуры ценообразования можно подразделить по определенным основаниям на группы.

1. По направленности цели относительно манипулирования ценой контракта (умышленного отклонения ее значения от рыночной цены).

1.1. Нарушения, направленные на необоснованное завышение цены контракта относительно рыночной.

1.2. Нарушения, направленные на необоснованное занижение цены контракта относительно рыночной. Мотивация заказчика в таких случаях сводится чаще всего к созданию условий для осуществления неконкурентных закупок, а также неприменения специального порядка определения и обоснования цены контракта [7].

2. В зависимости от правового режима ценообразования.

2.1. Нарушения общего порядка ценообразования. В свою очередь, данные нарушения целесообразно разделять на подгруппы.

2.1.1. В зависимости от метода определения и обоснования цены контракта, порядок применения которого заказчиком нарушен.

2.1.1.1. Нарушения, допускаемые при применении метода сопоставимых рыночных цен (анализа рынка). Дан-

ный метод определения и обоснования цены контракта является наиболее распространенным как в силу прямого указания в законе (ч. 6 ст. 22 Закона о контрактной системе), так и ввиду возможностей и особенностей его применения в условиях смешанной модели экономики. Большая часть нарушений заказчиками допускается при применении данного метода.

Одним из наиболее распространенных нарушений в этой группе является непроведение заказчиком комплекса мер по исследованию (анализу) рынка в целях получения информации о рыночных ценах на закупаемые товары (работы, услуги) или исполнение этой обязанности ненадлежаще, что приводит к необъективному, недостоверному и некорректному определению цены контракта¹.

При применении метода анализа рынка распространены нарушения, связанные:

с принятием заказчиком к расчету несопоставимых рыночных цен на товары (работы, услуги)²;

определением цены контракта без учета сопоставимых коммерческих и (или) финансовых условий поставки такой продукции³;

¹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 сентября 2022 г. по делу № 16-4556/2022 ; Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 17 апреля 2020 г. № 16-1320/2020 ; Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 мая 2018 г. по делу № А15-6281/2017. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2022 г. № 09АП-87813/2021, 09АП-2538/2022 ; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 сентября 2022 г. № 17АП-9434/2022-АК по делу № А60-15723/2022 ; Постановление Третьего кассационного суд общей юрисдикции от 12 ноября 2020 г. № 16-3665/2020. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г.

использованием заказчиком ценовой информации из реестра контрактов по неисполненным контрактам и (или) по контрактам, по которым взыскивались неустойки (штрафы, пени) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных этими контрактами¹;

определением цены контракта с применением метода анализа рынка на основе информации о ценах на продукцию, содержащихся в источниках, не обладающих признаками публичной оферты в соответствии с гражданским законодательством²;

принятием заказчиком к расчету ценовой информации о продукции, не соответствующей описанию объекта закупки, полученной в коммерческих предложениях поставщиков (подрядчиков, исполнителей)³;

№ 88-4991/2021 ; Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. № 88-4991/2021. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

¹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2019 г. № 18АП-2918/2019, 18АП-3260/2019 по делу № А47-13107/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Обзор нарушений и недостатков, выявленных в 2 полугодии 2018 года Федеральным казначейством : Письмо ФНС России от 18 июня 2019 г. № АС-4-16/11709@. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Обзор недостатков и нарушений, выявленных Федеральным казначейством в ходе осуществления контроля в финансово-бюджетной сфере в субъектах Российской Федерации в 1 полугодии 2022 года // О направлении Обзора недостатков и нарушений : Письмо Федерального казначейства от 31 октября 2022 г. № 07-04-05/21-27186. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Методические рекомендации по осуществлению в Федеральном казначействе (его территориальных органах) деятельности, выполняемой в рамках возбуждения дел об административных правонарушениях, выявляемых при осуществлении контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд : утв. Федеральным казначейством 25 апреля 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 августа 2021 г.

определением заказчиком цены контракта на основе ценовой информации от лиц, не обладавших юридической возможностью направить соответствующую информацию (например, не зарегистрированных в соответствующем статусе – индивидуального предпринимателя, юридического лица)⁴.

2.1.1.2. Нарушения, допускаемые при применении нормативного метода. Например, заказчики при определении и обосновании цены контракта применяют метод сопоставимых рыночных цен без учета нормативно установленных требований к объекту закупки⁵, без учета предельных цен закупаемых товаров⁶.

2.1.1.3. Нарушения, допускаемые при применении тарифного метода. Заказчики при применении тарифного метода используют цены продукции, не соответствующие регулируемым ценам (тарифам) или ценам, установленным муниципальными правовыми актами⁷.

2.1.1.4. Нарушения, допускаемые при применении проектно-сметного метода. Заказчики в нарушение требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок определяют цену контракта с применением проектно-смет-

№ 16-4012/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 сентября 2022 г. № 18АП-8782/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует учитывать, что если другие запросы поставщикам были надлежащими, заказчик осуществил иные действия, которые позволяли объективно и достоверно определить цену контракта, то определение и обоснование цены контракта признается надлежащим, состава нарушения в действиях заказчика не содержится.

⁵ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2023 г. № 16-1686/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18 июня 2024 г. по делу № П16-2199/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Методические рекомендации по осуществлению в Федеральном казначействе ...

ного метода на основании проектной документации, составленной с применением неверных значений методик и нормативов (государственных элементных сметных норм) строительных работ и специальных строительных работ¹.

2.1.1.5. Нарушения, допускаемые при применении затратного метода. Заказчики учитывают некорректно прямые и косвенные затраты на производство или приобретение и (или) реализацию товаров (работ, услуг), затраты на транспортировку, хранение, страхование и иные затраты (например, при применении затратного метода заказчик неправомерно применил непредвиденные затраты в отношении объекта закупки, не являющегося объектом капитального строительства, что повлекло завышение стоимости цены контракта)².

2.1.1.6. Нарушения, допускаемые при применении иных методов определения и обоснования цены контракта.

2.1.2. В связи с наличием особенностей правового регулирования, влияющих и на вопросы определения и обоснования цены контракта, целесообразно также выделить такой критерий классификации типичных нарушений при применении общего порядка ценообразования, как сфера совершения нарушения. По данному критерию типичные нарушения требований к ценообразованию при применении общего порядка ценообразования можно условно разделить на допускаемые в социально значимых сферах: здравоохранения, жилищно-коммунального и топливно-энергетического комплексов, транспорта, градостроительства, образования и культуры.

¹ О направлении обобщенной информации по результатам контрольных мероприятий : Письмо Федерального казначейства от 30 октября 2020 г. № 07-04-05/21-22278. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Методические рекомендации по осуществлению в Федеральном казначействе ...

2.2. Нарушения специального порядка ценообразования. Одно из распространенных нарушений в данной группе состоит в неприменении заказчиками специального порядка определения цены контракта в отдельных сферах деятельности либо его некорректном применении³.

При осуществлении прокурорской проверки соблюдения заказчиками требований к ценообразованию в сфере государственных и муниципальных закупок следует установить порядок регулирования ценообразования по проверяемой закупке: общий или специальный. В случае применения общего порядка требуется установить метод определения и обоснования цены контракта, примененный заказчиком.

Далее осуществляется проверка корректности, объективности и достоверности определения и обоснования цены контракта в соответствии с предписаниями общего порядка.

В случае применения специального порядка определения и обоснования цены контракта выясняется содержание выбранного заказчиком метода определения и обоснования цены контракта, источники ценовой информации, осуществляется проверка корректности, объективности и достоверности определения цены контракта в соответствии с предписаниями соответствующего специального метода.

Информация, документы и материалы, необходимые для проведения проверки:

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 22 сентября 2022 г. № Ф03-4311/2022 по делу № А04-323/2022 ; Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2022 г. № 06АП-2454/2022 по делу № А04-323/2022 ; Решение Арбитражного суда Амурской области от 23 марта 2022 г. по делу № А04-323/2022 ; Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 8 июля 2021 г. № 16-1027/2021. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

информация, документы и материалы, доступные для скачивания в Единой информационной системе в сфере закупок;

информация, документы и материалы, истребуемые у заказчика;

информация, документы и материалы, истребуемые у поставщиков (подрядчиков, исполнителей);

иные информация, документы и материалы.

При проведении проверки подлежат выяснению следующие вопросы:

имеются ли у заказчика информация и документы, положенные в основу определения цены контракта;

хранятся ли заказчиком информация и документы, формируемые и составляемые при определении и обосновании цены контракта (в соответствии с предписаниями ч. 15 ст. 4 Закона о контрактной системе);

корректно ли заказчик выбрал метод определения цены контракта;

корректно ли заказчиком использованы источники ценовой информации и др.

Таким образом, в результате анализа нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в сфере государственных и муниципальных закупок, судебной и надзорной практики авторами были выделены типичные нарушения законодательства, связанные с процедурой ценообразования в данной сфере. Приведенная классификация, а также составляющие прокурорской проверки могут быть положены в основу организации прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, позволят повысить эффективность прокурорского надзора за ценообразованием в сфере государственных и муниципальных закупок и обеспечить строгое соблюдение законодательства в этой сфере.

Список источников

1. Шурпаев Ш. М. Проверка соблюдения государственными и муниципальными заказчиками требований к ценообразованиюкупаемых товаров, работ, услуг в таблицах и схемах : учеб. пособие. Санкт-Петербург : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2024. 66 с.

2. Бредихин В. В., Бредихина Н. В., Чаплыгин Д. Р. Проблемы анализа начальной (максимальной) цены контракта при стоимостной строительной экспертизе // БСТ: Бюллетень строительной техники. 2021. № 7 (1043). С. 14–15.

3. Любавин М. В. Механизм осуществления контроля в сфере закупок на примере города Москвы // Теория права и межгосударственных отношений. 2018. № 2 (8). С. 35–44.

4. Особенности аудита обоснования начальной (максимальной) цены контракта при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Н. А. Проданова, Е. И. Зацаринная, Л. Н. Коршунова, А. Л. Гендон // Аудитор. 2018. Т. 4, № 1. С. 19–23.

5. Рудых С. Н. Проблемы обоснования начальной (максимальной) цены контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9 (136). С. 161–164.

6. Токтаньязов А. Б. Надзор в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Законность. 2023. № 1 (1059). С. 15–18.

7. Боровых Ю. С. Необоснованное занижение начальной цены контракта при проведении закупок для государственных и муниципальных нужд как рычаг давления на товарный рынок: пути взаимодействия общественных советов и государственных органов // Управление Федеральной антимонопольной службы по Пермскому краю : сайт. URL:

https://perm.fas.gov.ru/sites/perm.f.isfb.ru/files/news/2023/12/15/prezentaciya_borovyh_yu.s.pdf (дата обращения: 10.10.2024).

Информация об авторах

Ш. М. Шурпаев – заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат экономических наук, кандидат юридических наук;

Д. М. Плугарь – декан факультета подготовки научных кадров Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

Sh. M. Shurpaev – Head of the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Economics), Candidate of Science (Law);

D. M. Plugar – Dean of the Faculty of Research Training, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 34

СУБЪЕКТ ПРАВА В ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ ВОСТОКА И ЗАПАДА: АНТРОПОЛОГО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД

Ирина Борисовна ЛОМАКИНА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, lomakina7311@gmail.com*

Аннотация. В статье с позиций неклассического антрополо-правового подхода рассматривается правовая субъектность применительно к восточным и западным дискурсивным практикам. Анализируемые классические типы правопонимания показывают общую идеологическую направленность, которая в одностороннем порядке актуализирует субъекта права с точки зрения постулируемых ценностей. Так, юснатурализм, легший в основу либеральной идеологии, дискриминирует иные социокультурные практики, в которых общее превалирует над частным, а позитивизм обезличивает субъекта права, по сути, сводя его к механической форме внешнего выражения правил поведения, исходящих от государства. В статье утверждается, что и тот и другой подход не является адекватным в силу своего одиозного идеологического характера. Классические социологические концепции дополняют в некоторой степени позитивизм и юснатурализм, но не снимают существующие между ними противоречия. Поэтому неклассический антрополо-правовой подход является адекватной стратегией понимания многообразия в правовой жизни, высвечивающей различные цивилизационные основы существования человека — творца своей реальности. Именно в нем эксплицируется культурно-цивилизационная контекстуальность субъекта права, трактовка которого значительно различается на Западе и Востоке.

Ключевые слова: субъект права, правовая жизнь, право, тип правопонимания, субъективное право

Для цитирования: Ломакина И. Б. Субъект права в дискурсивных практиках Востока и Запада: антрополо-правовой подход // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 118 – 126.

© Ломакина И. Б., 2024

Original article

SUBJECT OF RIGHTS IN DISCOURSE PRACTICES OF THE EAST AND WEST:
AN ANTHROPOLOGICAL AND LEGAL APPROACH**Irina. B. LOMAKINA***St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lomakina 7311@gmail.com*

Abstract. This article examines legal subjectivity from the perspective of a non-classical anthropological and legal approach, focusing on Eastern and Western discursive practices. The analysed classical types of legal understanding reveal a common ideological orientation that unilaterally emphasizes the subject of rights in terms of pre-established values. For example, jusnaturalism, which forms the basis of liberal ideology, discriminates against other socio-cultural practices where the common prevails over the individual, while positivism dehumanizes the subject of rights, essentially reducing it to a mechanical form of external expression of rules of conduct dictated by the state. The article argues that both approaches are inadequate due to their odious ideological nature. While classical sociological concepts partially complement positivism and jusnaturalism, they do not eliminate the existing contradictions between them. Therefore, a non-classical anthropological and legal approach is a more adequate strategy for understanding the diversity of legal life, highlighting the various civilizational foundations of human existence – the creator of their reality. It is precisely in this approach that the cultural-civilizational contextuality of the subject of rights is highlighted, with different interpretations of the subject of rights differing significantly in the West and the East.

Keywords: subject of rights, legal life, right, type of legal understanding, subjective law

For citation: Lomakina I. B. Subject of rights in discourse practices of the east and west: an anthropological and legal approach. *Criminalist*. 2024;4(49):118-126. (In Russ.).

Понимание субъекта права является ключевой проблемой не только в теоретической юриспруденции, но и в практической. Вне всяких сомнений, теоретический и практический срез проблемы находит свое выражение в дискурсивных практиках, а поскольку каждый тип правовопонимания конструирует свой образ субъекта права, наделяя его свойственными ему бытийственными характеристиками, то, соответственно, онтологический статус у каждого конструируемого субъекта неодинаков.

В статье «Субъект права в антропологической парадигме», опубликованной нами ранее [1], отмечалось, что позитивизм (юридический этатизм) мыслил субъекта через призму закона. Закон закреплял права и обязанности, которые и определяли правовой статус субъекта. Юридический этатизм провозглашал

объективную природу права, поэтому внешняя форма выражения нормы права превалировала над ее внутренним содержанием и вообще никак не увязывалась с психическим (в широком смысле) миром субъекта правовой коммуникации. Конструируемый юридическим этатизмом субъект права в аутентичном прочтении был произведен от воли суверена, который «положил», «дал» права и наложил обязанности соответственно.

Данная концепция, как мы видим, не предполагала априорного наличия субъективных прав у субъекта права, его правомочия проистекали из закона, дарованного властью. Представители юридического этатизма не отрицают субъективное право, но полагают его как права и обязанности, закрепленные в норме права законодателем, без их реализации на практике.

Иные взгляды на природу субъективного права высказывали представители естественно-правового направления [2]. Для них субъективное право всегда существовало в субъекте права и было первичным по отношению к любому внешнему регулятору. Субъективные права неотчуждаемы, и они имеют с этой точки зрения универсальный, вневременной характер. Данное понимание субъективных прав предполагало только индивидуальный уровень (хотя кантианская теория в качестве субъекта полагает трансцендентную сущность). Поэтому субъекты права — это всегда индивиды, носители прав и свобод. Естественно-правовая доктрина сформировала индивидуалистический тип культуры и, став ядром западной правовой традиции, обрела в либеральной идеологии бессмертие.

Таким образом, юридический этатизм и юснатурализм, представив два диаметрально противоположных ракурса понимания субъекта права, не смогли внятно показать значение субъекта права для правовой жизни, оставив без внимания многие пласты, в которых субъект права воспроизводится как творец права.

Только к началу XIX века в Германии незадолго до появления марксизма зарождается новое теоретическое направление в юриспруденции, ставшее прологом к социологии права. Это направление политико-правовой мысли получило название «историческая школа права». Представленная трудами Г. Гуго, Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухты, К. Ф. Эйхгорна, эта школа в силу известных причин в большей степени, чем позитивизм и юснатурализм, разработала концепцию субъекта права. Используя категориальный аппарат своего времени «народный дух» и «свободная воля», немецкие юристы сконструировали субъекта права применительно к соответствующему историческому кон-

тексту. О свободной воле Г. Ф. Пухта писал: «...в силу свободы человек — субъект права. Его свобода есть фундамент права, все юридические отношения вытекают из нее. Так, уже в Ветхом завете правоспособность соединена с Богоподобием. Человек потому субъект права, что ему принадлежит вышеозначенная возможность самоопределения, что он имеет волю. Юридически свободным человек может быть при всяком выборе (как грешник, так и праведный) уже по тому одному, что ему свойственен выбор. Моральная свобода есть свобода от рабства грехов, юридическая свобода — возможность воли вообще» [3, с. 8].

Изложенное выше видение «свободной воли» как основы правовой субъектности в целом было характерно для XIX века. Эту позицию разделяли многие правоведы, экономисты, социологи и даже психологи. Однако XX век внес свои коррективы в это представление. Психоанализ, бихевиоризм, структурализм и постмодернизм объявили идею «свободы воли» иллюзией, а саму свободу — нарративом европейской западной культуры, проистекающим из юснатурализма. Так, размышляя о социальных механизмах правовых институтов, Макдугалл замечал, что иллюзией являются представления о том, что «все психические процессы, связанные с волевыми актами, убеждениями и прочими процессами и явлениями, принадлежат сфере индивидуального сознания, разума и воли» [4, с. 45].

Развивая приведенную выше мысль, можно прийти к заключению, что все социальные институты, в том числе в сфере права, имеют исключительно коллективную психическую природу. Однако такой подход высвечивает часть правды, вторая часть коренится в индивидуальном психологическом срезе, в интериоризации социальных представлений в индивидуальные смыслы. Поэтому, высвечивая индивидуальный и коллек-

тивный срез посредством концепта «народный дух», историческая школа права предвосхитила свое время, поставив на повестку дня субъективные психологические аспекты в существовании права в их диалектике с коллективными представлениями.

Особого внимания заслуживают положения исторической школы права о контекстуальности и неуниверсальности права в целом и прав человека в частности. Показывая производное значение права от обычаев и традиций, представители исторической школы права фактически признали субъекта права конструктом определенной культуры и времени, т. е. эпохи, в которую был погружен этот самый субъект. Отсюда субъект права не просто абстрактный носитель прав и обязанностей, а деятель национально маркированной правовой культуры [5, с. 83].

Очевидно, что при таком раскладе не хватает еще нескольких методологических моментов для признания в субъекте права одновременно творца и творения, а также выхода субъекта права на уровень человечества в целом. Но даже при такой весьма ограниченной версии понимания субъекта права многоуважаемый В. Д. Зорькин высоко оценивал результаты исторической школы [6]. Видимо, идея исторически обусловленного «народного духа», продуцируемого субъектами права, более привлекательна, нежели просто идеи о положенном данным государством объективном праве — законе (юридический этатизм) или субъективных неотчуждаемых правах индивида, взявшихся непонятно откуда (юснатурализм). А может, идеи исторической школы права были более привлекательны еще и потому, что субъективные права уже давно позитивированы в юридических актах: конституциях, конвенциях, декларациях, биллях о правах. Да и юридические акты дискурсивными практиками перестали

рассматриваться исключительно через призму произвола суверена.

Вне всяких сомнений, позитивизм, юснатурализм и историческая школа права оказали влияние на социологию права (социологическую школу права), которая в данной статье будет рассматриваться в рамках диалектической социологии К. Маркса и позитивистской социологии Л. Дюги, Э. Дюркгейма, М. Мосса и др. Так, марксизм, акцентируя внимание на противоречивости социальных явлений и институтов, к которым он относил государство и право, видел в субъекте права индивидуальный и коллективный уровень. При этом предпочтение отдавалось коллективному уровню как средоточию классовых интересов. Усматривая в субъекте творца классового права, К. Маркс вскрывал его эксплуататорский характер. Марксизм не мыслил правовую реальность субъективными категориями. Правомочия субъекта проистекали из классового общества и им детерминировались, вернее, его экономическим базисом (способом производства).

Марксизм, вслед за Г. В. Ф. Гегелем, отказывал всем неевропейским народам в экономическом и правовом развитии, видя в них бесправных рабов восточных деспотий. Признавал необходимость их поглощения европейской цивилизацией [7, с. 145–147]. Мировой прогресс, по Марксу, — это прогресс просвещенной Европы, вступившей на последнюю, империалистическую стадию развития капитализма, а далее революция и коммунизм с концептуальным упразднением буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы. Такие методологические посылы вряд ли способствовали адекватному осмыслению человека в мире современного права [8, с. 18], по крайней мере, в актуальном времени эти идеи выглядят несколько волюнтаристски.

Позитивистская социология права в лице могущественных французской, немецкой и российской школ права, выявляя связь субъекта права с обществом, также опровергала идею априорного существования субъективного права у индивида. Социологический тип правопонимания помещал человека в плоскость социальной интеракции, в которой непрерывный диалог в рамках определенной культуры формировал его правовой статус. Поэтому, используя различные концепты, от «социальной солидарности» Л. Дюги [9, с. 5] до «морального долга» Э. Дюркгейма [10, с. 63], социологи права актуализировали коллективный аспект формирования правового статуса субъекта права, привязав его к правовой идентичности статусной группы. Хотя эти идеи и были высказаны великими социологами, но получили дальнейшую разработку несколько позже.

Таким образом, мы видим, что конструируемая концепция субъекта права находится в прямой зависимости от типа правопонимания. Сегодня достаточно актуальным является неклассический антрополого-правовой подход, развиваемый кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. Этот подход учитывает как нормативный, так и фактический срез существования человека в мире права. Поэтому, рассматривая право в целом, проф. И. Л. Честнов говорит о праве как о сложном, многогранном явлении общественной жизни, в котором человек выступает деятельным творцом, образующим его пласты [11, с. 200].

Неклассический антрополого-правовой подход по-новому высвечивает субъекта права. В конструируемой реальности человек сотворяет и пересотворяет свой правовой мир в соответствии со своими представлениями о справедливом и несправедливом, должном и не-

обходимом. Все аутентичные социальные институты, особенно в сфере права, представляют исторически выверенные культурные стандарты, выведенные из основополагающих материальных и ментальных начал человека, статусной группы, общества в целом. «Сформированные в процессе правовой жизни, эти институты всегда несли и несут на себе печать времени и пространства (культуры). Отсюда специфический характер конституирующих доминант (принципов), задающих вектор правовой традиции» [12]. Таким образом, есть все основания полагать, что человек конструирует правовую реальность и осмысливает ее, тем самым включая последнюю в свою природу.

Правовая реальность, формируемая и осмысливаемая человеком, институционализируется в поведенческих актах и стратегиях индивидов, статусных групп и общества в целом, и каждый тип правовой коммуникации имеет свои исторические и цивилизационные корни. Г. Дж. Берман [13] и У. Мак-Нил [14] — американские ученые, имеющие мировую известность, резонно полагают, что весь мир условно можно разделить на две цивилизации, или комплексные традиции, — традицию западную и восточную.

Западную традицию права, несомненно, конституирует идея верховенства права с приматом индивида. Здесь идея взаимного признания (по Полякову) предполагает однопорядковую связь, в которой каждый мыслит себя равным другому [15, с. 65]. Данный тип коммуникации предполагает наличие равенства в свободе на экзистенциальном, исходном уровне межчеловеческой коммуникации. Восточную традицию права конституирует идея государства, а право мыслится через призму не наличия индивидуальной свободы, а групповой принадлежности человека (семье, клану, общине), и только в этом случае

он обретает свою субъектность. Поэтому принцип формального равенства никогда не признавался исходным в правовой жизни. Однако, наоборот, принцип неравенства (Конфуций выводил из этого принципа идею социальной справедливости) [16, с. 65], а позже принцип позитивной дискриминации конституировали восточную правовую традицию, которой, как отмечает Э. Саид, европоцентристский дискурс отказывал как в названии быть правовой, так и в перспективах ее существования [17].

Дихотомия индивидуализм — коллективизм нашла идеологическое закрепление в XIX — XX веках в двух влиятельных политико-правовых течениях — либерализме и коммунизме, хотя аутентичный марксизм весьма скептически относился к государству как политическому институту. Однако именно эта идеология была взята на вооружение холистическими восточными государствами (деспотиями с азиатским способом производства, по Марксу).

Образ государства, конструируемый и доктринально закрепленный в нарративах культуры, напрямую связан с особенностями правовой субъектности его членов, причем как с точки зрения восприятия ими должного и возможного, так и с точки зрения характера (качеств) самих правовых институтов. Достаточно красноречиво показывает субъектную разницу в дискурсивных практиках исторический материал.

Так, Китай по праву считается цивилизацией, которая за многотысячелетнюю историю развития не только не утратила потенци в развитии, но и показывает остальному миру свои институциональные возможности по управлению политической, экономической, социальной, культурной, духовной жизнью. Китай, как и раньше, являет миру свои, с «китайской спецификой», правовые институты. И надо заметить, что они были не только весьма эффективны

в условиях традиционного Китая, но и вполне адекватны в изменяющихся условиях высокотехнологичной экономики.

Г. Киссенджер в своей книге «О Китае», вышедшей многомиллионным тиражом и переведенной на более чем 30 языков мира, писал: «За тысячелетия существования китайской цивилизации Китаю никогда не приходилось иметь дела с другими странами или цивилизациями, сравнимыми с ним по своим масштабам и совершенству» [18, с. 23].

Поэтому государственническая традиция Китая может быть взята за образец противопоставления западной правовой традиции. На самом деле государственническая традиция Китая тоже правовая. Однако европоцентристский дискурс иначе мыслил Восток, отказывая ему в правовом развитии, он видел в восточной государственности деспотизм с абсолютным бесправием (рабством) широких народных масс и стадиальную отсталость [19, с. 42]. Бесспорно, субъектность в восточных государствах была иной, нежели на Западе, а несформировавшийся индивид не стал носителем субъективных прав. Отсутствие формального равенства не предполагало свободы в «границах носа соседа», однако это не означает, что свободы не было совсем. Профессор Ван Чжихуа, анализируя древнее и современное право Китая, пишет: «... в традиционном Китае существовало лишь уголовное (публичное) право, частному праву места не находилось» [20, с. 136]. Современное право тоже отличает некая публичность, в которой «общественное всегда стоит выше личного» [20, с. 131].

Достаточно долгое в историческом измерении отсутствие индивидуализированного субъекта права в Китае породило коллективные формы, в которых права и обязанности проистекали из правового статуса группы, к которой принадлежал человек. И что интересно, даже сегодня в правовой доктрине

Китайской Народной Республики предпочтение по-прежнему отдается коллективу, государственная собственность и общественная собственность занимают более высокое положение в правовой жизни, нежели частная. Даже в недавно принятом Гражданском кодексе КНР (1 января 2021 года) в статье 1 постулируется верховенство общего над частным. Как отмечает современный исследователь гражданского права КНР П. В. Трощинский, «идея принятия кодекса полностью совпадает с необходимостью следования защиты гражданско-правовых отношений, поддержания общественного и экономического строя, в соответствии с потребностями развития социализма с китайской спецификой, утверждения ключевых ценностей социализма» [21, с. 136].

Таким образом, конструируемый субъект права в восточных дискурсивных практиках отличается от западного. Смещение акцентов в пользу коллективной субъектности на Востоке предполагало наличие неперсонифицированных субъектов, и их правосубъектность зависела от многих факторов, в том числе от формы коллектива, его структуры, социального назначения и многого другого. И вопрос о том, какой коллектив доминировал в правоотношениях, если под доминантностью понимать ту социальную группу, в рамках которой осуществлялось правотворчество и правоприменение, является непростым.

Как мы уже отмечали ранее, западная цивилизация — это цивилизация индивидуализма с идеей верховенства права, господством частной собственности и нарративом свободы, понимаемой в контексте ограничения воли государства. Разнообразие индивидуалистических практик порождает дискуссии не только в сугубо научной среде, но и общественность всего мира вовлекается в такие обсуждения. Например, нетрадиционные правомочия в сфере ген-

дерной принадлежности, расширение личных прав, таких как право на смерть (эвтаназия), путешествие в урне с прахом на Луну с передачей имущественных прав домашнему питомцу, вызывают повсеместный резонанс, особенно в восточных культурах.

Таким образом, кратко рассматривая субъекта права применительно к различным цивилизационным дискурсивным практикам, стоит отметить, что неклассический антолого-правовой подход актуализирует субъекта права как творца правовой реальности не только в единичном аспекте его существования (индивидуальный уровень), но и в коллективном (статусные группы, общество в целом). При этом, не уменьшая значения индивидуальных субъективных прав и свобод ни в теории права, ни в правовой жизни, отметим, что вне зависимости от формы существования человека (в индивидуальном или коллективном аспекте) именно субъект права является источником права, ему принадлежат все правовые роли, он конструирует правопорядок в целом. С обозначенных позиций субъект права порождает правовую реальность и подобно портному облачает в правовую материю все наиболее уязвимые (социально значимые) места, а заодно и самого себя. В связи с этим абсолютно прав С. И. Архипов, полагающий, что «понимание субъекта права как творца всего правового... означает также и то, что его цели лежат не только лишь во внешней сфере, в чисто практических отношениях. Для субъекта права как творца не менее важна сфера его внутреннего правового самоопределения» [22, с. 23]. И здесь значение цивилизационного фактора будет существенным.

Поэтому конструируемая правовая реальность интерсубъективна и без человека, вне его деятельностного аспекта, существовать не может. Субъект права как индивид, как статусная группа и как

общество в целом созидает самого себя, свой внутренний правовой мир, свое правочувствование, правовидение, правопонимание, созидает он и свой внешний мир, мир бытия институтов и конституирующих ценностей, облаченных в фундаментальные принципы господствующей идеологии.

Подводя итог вышесказанному, отметим следующее. Антрополого-правовой подход, развиваемый нами, предполагает плюральное видение субъекта права

применительно к западному и восточному социокультурному контексту. Этот подход не выносит оценок относительно правильности или неправильности, успешности или неуспешности правового опыта различных народов. Рассмотрение процесса становления субъектности права в дискурсивных практиках Востока и Запада является более продуктивной стратегией, нежели простая констатация того, что у одних право есть, а у других его нет.

Список источников

1. Ломакина И. Б. Субъект права в антропологической парадигме // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. Москва : Инфотропик Медиа, 2021. С. 45–58.
2. Козлихин И. Ю. Позитивизм и естественное право // Государство и право. 2000. № 3. С. 5–11.
3. Пухта Г. Ф. Энциклопедия права / пер. с 6 изд. под ред. П. Карасевича. Ярославль : тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.
4. Макдугалл У. Основные проблемы социальной психологии. Москва : Космос, 1916. 281 с.
5. Ломакина И. Б. Метамодерн и антропология права как два ответа на вызовы постмодерна // КриминалистЪ. 2021. № 3 (32). С. 81–85.
6. Зорькин В. Д. Право метамодерна: постановка проблемы. Лекция на IX Петербургском международном форуме (Санкт-Петербург, 16 мая 2019 года) // Российская газета : электр. версия. 2020. 26 дек. URL: <https://rg.ru/2020/12/26/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-rozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 20.06.2024).
7. Ломакина И. Б. Ориенталистская традиция понимания восточной государственно-сти // КриминалистЪ. 2024. № 1 (46). С. 141–147.
8. Ломакина И. Б. Образ субъекта в теории права // Вопросы государства и права : сб. науч. ст. / Краснодар. ун-т МВД России ; ред. кол.: Л. В. Карнаушенко [и др.]. Краснодар : Краснодар. ун-т МВД России, 2021. С. 16–23.
9. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства : лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже : пер. с фр. Санкт-Петербург : изд. Н. Н. Клочкова, 1909. 148 с.
10. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность : труды по социальной антропологии. Москва : Вост. лит., 1996. 418 с.
11. Социокультурная антропология права : коллективная монография / Н. А. Исаев, И. Л. Честнов, Н. А. Данилова [и др.] ; под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2015. 847 с.
12. Ломакина И. Б. Постигание правовой действительности: от научной традиции к символическому универсуму // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 3 (20). С. 23–29.
13. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. Москва : Норма, 1998. 624 с.
14. Мак-Нил У. Восхождение Запада : История человеческого сообщества. Москва : Ника-Центр, 2004. 1123 с.

15. Поляков А. В. Постклассическая юриспруденция, эволюционная теория и нейронауки (исповедь коммуниктивиста) // Постклассические исследования права : коллективная монография / И. В. Боровцов, Я. И. Гилинский, Л. А. Голубева [и др.] ; под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетейя 2023. С. 29–150.

16. Ломакина И. Б. Традиции и инновации в контексте существования цивилизаций восточного и западного типа // Изменения в праве: новаторство и преемственность : монография / Р. М. Вульфович, В. В. Денисенко, Е. Н. Доброхотова [и др.] ; под общ. ред. Д. Е. Мерешкина, С. Л. Сергевнина, Н. В. Разуваева. Санкт-Петербург : ИПЦ СЗИУ РАН-ХиГС, 2022. С. 50–71.

17. Саид Э. Ориентализм / науч. ред. А. Р. Ихсанов. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021. 560 с.

18. Киссенджер Г. О Китае / пер. с англ. В. Н. Верченко. Москва : АСТ, 2017. 640 с.

19. Ломакина И. Б. Понимание восточной государственности в агро-гидравлической концепции К. А. Виттфогеля // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2023. № 2 (50). С. 31–43.

20. Ван Чжихуа. Путь кодификации гражданского законодательства в Китае // Lex russica. 2020. Т. 73, № 3. С. 135–139.

21. Трощинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17, № 2. С. 56–68.

22. Архипов С. И. Субъект права в центре правовой системы // Государство и право. 2015. № 7. С. 13–23.

Информация об авторе

И. Б. Ломакина – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

I. B. Lomakina – Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Doctor of Science (Law), Professor.

ПЕРСОНАЛИИ В НАУКЕ

Персоналия ученого
УДК 343.973

ВИДНЫЙ УЧЕНЫЙ-КРИМИНОЛОГ. ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. В. КОЛЕСНИКОВА

Виктор Валерьевич БАБАКОВ¹, Ирина Батоевна БАТУЕВА²

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ viktor.babakov@mail.ru

² i.batueva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается биография, в частности основные этапы творческой деятельности, профессора Вадима Вячеславовича Колесникова, его научные достижения. В. В. Колесников является одним из основоположников экономической криминологии как отрасли преступноведения. Обосновал утверждение о криминогенном противоречии между интегральным интересом общества и частными интересами экономической и политической властных элит в переходной экономике. Доказал тезис о связи преступности в экономике с неолиберальной моделью экономического развития. Аргументировал положение о том, что в первое постсоветское десятилетие государство перестало выступать в качестве эффективного «производителя» экономического законодательства. Считал основной экономической мерой противодействия преступности наделение граждан собственностью на условия своей жизнедеятельности. Отрицательно оценивал отмену конфискации как вида уголовного наказания, которое ранее могло применяться без доказывания преступного происхождения изымаемого имущества. Статья будет полезна специалистам в области экономической криминологии.

Ключевые слова: биография профессора В. В. Колесникова, экономическая криминология, преступноведение, неолиберальная модель экономического развития

Для цитирования: Бабаков В. В., Батуева И. Б. Видный ученый-криминолог. Памяти профессора В. В. Колесникова // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 127 – 135.

© Бабаков В. В., Батуева И. Б., 2024

Profile of a Scholar

A PROMINENT CRIMINOLOGIST. IN MEMORY OF PROFESSOR V. V. KOLESNIKOV

Viktor V. BABAKOV¹, Irina B. BATUEVA²

¹ St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ viktor.babakov@mail.ru

² i.batueva@mail.ru

Abstract. The article considers the biography and, in particular, the main stages of the creative activity of Professor Vadim Vyacheslavovich Kolesnikov as well as his scientific achievements. He was one of the founders of economic criminology as a branch of criminology. He substantiated the idea of a criminogenic contradiction between the integral interest of society and the private interests of the economic and political power elites in the transition economy. He proved the thesis regarding the connection between the economic crime and the neoliberal model of economic development. He argued that in the first post-Soviet twentieth century, the state ceased to act as an effective "producer" of economic legislation.

He posited that the main economic measure for combating crime is the endowment of citizens with ownership of the conditions of their livelihood. He negatively assessed the abolition of confiscation as a form of criminal punishment, which previously could be applied without proving the criminal origin of the seized property. This article will be valuable to specialists in the field of economic criminology.

Keywords: biography of Professor V. V. Kolesnikov, economic criminology, criminology, neoliberal model of economic development

For citation: Babakov V. V., Batueva I. B. A prominent criminologist. In memory of professor V. V. Kolesnikov. *Criminalist*. 2024;4(49):127-135. (In Russ.).

Незаурядная биография Вадима Вячеславовича Колесникова является примером творческого пути истинного ученого-энтузиаста. Его разносторонняя научная деятельность, значимые творческие достижения представляют несомненный интерес для академического сообщества [1, с. 39–43; 2, с. 13–15]¹.

Научные интересы В. В. Колесникова сконцентрировались на поиске новых направлений в исследовании экономики, что привело ученого к расширенному и углубленному анализу всего спек-

тра теневых и криминальных сторон экономических процессов. В своих изысканиях ему одному из первых удалось применить научный инструментарий экономической теории к изучению феномена экономической преступности и использовать методологию криминологии для анализа деструктивных экономических явлений (делинквентного экономического поведения).

Такой неординарный взгляд на острую социально-экономическую проблему общества дал возможность интегрировать экономические и юридические методики в процесс исследования преступности. Появились новые возможности междисциплинарного анализа и разработки эффективных мер

¹ Санкт Петербургский международный криминологический клуб : офиц. сайт. URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/news-club/420-2021-03-23-12-59-12> (дата обращения: 20.05.2024).

для борьбы с экономическими правонарушениями.

Не будет преувеличением утверждение о том, что профессор Колесников являлся одним из исследователей, которые заложили основы экономической криминологии как отрасли преступноведения. Особенно его творческие изыскания приобрели актуальность в период становления рыночной экономики, во время распада социалистической модели общества, перехода к неолиберальной модели (так называемому дикому капитализму). Сокращение вмешательства государства в экономику катастрофически усилило скорость ее криминализации. Пути социально-экономической стабилизации постсоветского общества, его экономическая декриминализация стали предметом научных поисков профессора Колесникова.

Государство, общество высоко оценили его научные и профессиональные достижения: старший советник юстиции, доктор экономических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, почетный профессор Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, что непосредственно свидетельствует о его значительном вкладе в развитие отечественной науки и образования.

Родился В. В. Колесников 6 февраля 1955 года в Калуге. По окончании средней школы летом 1972 года поступил в Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО имени Ю. В. Андропова (пос. Горелово, Ленинградская область). После нескольких месяцев учебы понял, что ошибся с выбором профессии, добровольно отчислился. Его влекла экономика.

Будущий ученый проделал впечатляющий путь в мире науки и образования, который начался с успешного окончания в 1977 году Ленинградского

финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского (в настоящее время известного как Санкт-Петербургский государственный экономический университет, СПбГЭУ), где он приобрел фундаментальные знания в области экономики, ставшие прочной основой для его дальнейшей профессиональной деятельности.

Получив диплом, молодой специалист два года проработал в Калужском облисполкоме, однако тяга к научным изысканиям привела обратно в альма-матер, где он присоединился к научно-исследовательской лаборатории, специализирующейся на проблемах региональных экономических исследований, что позволило ему углубить свои познания в этой перспективной области и внести существенный вклад в развитие экономической науки.

На протяжении шести лет Вадим Вячеславович с энтузиазмом погружался в научную деятельность, демонстрируя незаурядные способности и глубокое понимание экономических процессов, что было по достоинству оценено руководством и коллегами, и в 1980 году он был назначен на должность старшего научного сотрудника, открывшую перед ним новые горизонты для реализации своего потенциала и дальнейшего профессионального роста в научной среде.

В качестве ведущего исследователя и координатора научной группы Вадим Вячеславович осуществлял комплексный анализ экономических тенденций развития на региональном и республиканском уровнях, активно участвуя в формировании ряда научно обоснованных рекомендаций для практического применения в промышленном секторе. Особо следует отметить его вклад в разработку по поручению Госплана России фундаментального документа «Концепция целевой комплексной программы сокращения применения ручного труда в народном хозяйстве РСФСР» (1981 г.),

который стал значимым шагом в оптимизации производственных процессов.

Многогранный опыт, приобретенный в ходе работы в органах исполнительной власти и высшем учебном заведении, а также скрупулезно собранный и систематизированный им эмпирический материал, включающий обширный массив статистических данных по плановой экономике, послужили солидным фундаментом для проведения кандидатского диссертационного исследования. Результатом этой кропотливой творческой работы стала успешная защита в 1983 году диссертации на тему «Методические основы планового обеспечения сбалансированности рабочих мест и трудовых ресурсов: на примере промышленных предприятий Ленинградского региона», которая внесла существенный вклад в развитие теории и практики экономического планирования.

Это исследование обогатило научную концепцию эффективного и рационального распределения трудовых ресурсов в плановой экономике. Внесло значительный вклад в развитие экономической мысли того периода, акцентируя внимание на одной из актуальных проблем планового хозяйства — обеспечении сбалансированности трудовых ресурсов и рабочих мест, что имело решающее значение для эффективного функционирования промышленного сектора в условиях централизованной экономики.

Следует отметить, что с 1985 года профессиональная заинтересованность Вадима Вячеславовича претерпела существенную трансформацию, выразившуюся в его окончательном переходе в сферу педагогической деятельности, причем этот шаг был обусловлен поступившим предложением о переводе для работы на кафедре в высшей школе МВД (в настоящее время Санкт-Петербургский университет МВД России). С переходом в структуру МВД научные

интересы молодого ученого претерпели значительную эволюцию, сместившись в область исследования теневых экономических процессов, что привело к тому, что объектами его научных изысканий стали такие феномены, как криминальная и теневая экономики, а также экономическая преступность во всем многообразии ее проявлений.

Под его началом были реализованы масштабные исследовательские проекты, результаты которых нашли отражение в научно-исследовательских отчетах, ставших впоследствии эмпирическим фундаментом для его докторской диссертации. Среди наиболее значимых работ этого периода необходимо отметить такие труды, как «Концептуальные основы реформирования деятельности органов внутренних дел: методологические и методические аспекты» (1989 г.), «Критический анализ научной литературы и концептуальных положений, касающихся развития экономико-социального кризиса в Советском Союзе» (1990 г.), а также «Аналитическое исследование экономико-политических тенденций 1989 года» (1990 г.).

Уместно обратить внимание на то, что два последних аналитических отчета были подготовлены в соавторстве с С. Ю. Андреевым, известным не только как депутат петербургского Законодательного собрания, но и как доктор экономических наук, по заказу Ленинградского социологического научно-исследовательского центра Академии наук СССР (ЛенСНИЦ АН СССР). Несомненная важность этих исследований заключается в том, что они не только обогатили научное понимание экономических процессов переходного периода, но и внесли существенный вклад в формирование теоретической базы для анализа трансформационных процессов в экономике и обществе на рубеже 1980 — 1990-х годов.

Результаты последних отчетов, за год до распада Советского Союза, были использованы правоохранительными органами для прогностического анализа развития преступности в экономике СССР.

Высокая репрезентативность полученных данных, сделанные выводы и рекомендации вызвали заинтересованность у зарубежных аналитиков, которые в то время работали в специально созданном для сбора информации советско-американском фонде «За выживание и развитие человечества». В настоящее время оригиналы отчетов хранятся в Библиотеке Конгресса США (г. Вашингтон).

В сделанных В. В. Колесниковым аналитических выкладках уже тогда была установлена и прослежена опасная тенденция к возможному формированию, при неблагоприятном стечении обстоятельств, в условиях кризиса советской действительности, преступности по худшим лекалам западной неоллиберальной экономики, в духе идеологии постмодерна.

Субъективные выводы, сделанные исследователем из выстроенной абстрактно-теоретической модели будущего развития преступности в зарождающейся «переходной модели экономики», давали крайне неблагоприятный прогноз. Социально-политическая ситуация в стране в этот период ее развития была сложной, политическое руководство практически перестало контролировать усиливающиеся центробежные тенденции, которые объективно вели к развалу государства. Крайняя политизированность общества, пустой популизм политиков, усиливающаяся безответственность чиновников, утопичность перспективы мирной и равноправной интеграции в западную модель общественно-экономического развития подтверждали самые худшие опасения ученого, верность его выводов.

В очередной статье, посвященной данной тематике, он с горечью писал: «...элиты не хотят что-либо менять в системе экономических отношений. Она сделала их богатыми и сегодня гарантированно приносит сверхдоходы, так зачем инициировать перемены?!» [3, с. 51].

Понимая всю серьезность сложившейся ситуации, незаурядный ученый, как убежденный государственный патриот, пришел к выводу, в качестве меры противодействия, о безотлагательной необходимости формирования и развития новой отрасли преступноведения — экономической криминологии, которая должна сосредоточиться на исследовании новейших тенденций развития преступности в формирующейся модели экономики.

Свою научную концепцию, дополненную глубокими философскими размышлениями, ученый изложил в научно-популярной книге «Забывтый Богом рай? Размышления о нашей судьбе» (1990 г.) [4].

Он полагал, что «для того чтобы экономика России с ее богатейшими запасами природных ресурсов заработала на благо всех, а не только на олигархов и аффилированных с ними персонажей, нужно эти богатства перевести на баланс государства...» [3, с. 53].

Существенный вклад профессора Колесникова в развитие криминологической науки заключается в том, что он, наряду с другими исследователями, стал основоположником инновационного направления — экономической криминологии, представляющей собой специализированную отрасль преступноведения, фокусирующуюся на комплексном изучении противоправных деяний в экономической сфере. Этот прорывной подход позволил интегрировать экономические и юридические аспекты в исследование преступности, открыл новые горизонты для междисциплинарного анализа и разработки эф-

фективных стратегий противодействия экономическим правонарушениям.

В ходе исследований незаурядный ученый сформулировал и обосновал концепцию о существовании глубокого криминогенного противоречия между интегральным интересом общества и партикулярными интересами экономических и политических властных элит. Скрупулезный анализ проблемы позволил сделать узловым вывод о том, что именно в этом антагонистическом противостоянии разнонаправленных экономических интересов кроются основополагающие угрозы экономической безопасности государства и общества. Данная теоретическая конструкция не только обогатила научный дискурс, но и предоставила ценный инструментарий для разработки превентивных мер и стратегий для борьбы с деструктивными проявлениями, укрепления экономической стабильности на макроуровне.

Карьера Вадима Вячеславовича в системе высшего образования МВД России охватила впечатляющий пятнадцатилетний период, начиная с 1985 года, в течение которого он последовательно преподавал в ряде престижных юридических вузов ведомства. Его педагогическая деятельность началась на Ленинградском факультете Высшей юридической заочной школы МВД СССР, продолжилась в Санкт-Петербургской высшей школе МВД России и достигла своего апогея в Санкт-Петербургском университете МВД России. На протяжении всего этого периода профессор Колесников занимал ответственные должности доцента, начальника кафедры экономики, что свидетельствовало о его высокой квалификации и признании его компетентности в академических кругах.

Кульминацией научной карьеры исследователя стала защита докторской диссертации в 1995 году на тему «Условия и причины криминализации

экономических отношений на этапе рыночных реформ: политико-экономическое исследование». Научным консультантом этого фундаментального труда выступил ректор Санкт-Петербургского университета экономики и финансов доктор экономических наук, профессор Л. С. Тарасевич, что подчеркивало высокий уровень и значимость проведенного исследования. Примечательно, что данная работа стала первым в своем роде исследованием такого масштаба, посвященным анализу криминогенных последствий рыночных преобразований в стране, открыв новую страницу в изучении экономической преступности в контексте трансформации экономической системы.

В процессе плодотворной научной деятельности сфера исследовательских интересов профессора Колесникова все более концентрировалась на углубленном изучении таких актуальных и социально значимых феноменов, как теневая экономика, криминальный бизнес, экономическая преступность и коррупция. Подобная фокусировка научных изысканий не только обогатила теоретическую базу экономической криминологии, но и предоставила ценный инструментарий для разработки практических мер по противодействию экономическим преступлениям и укреплению экономической безопасности государства в условиях рыночных реформ.

Практик-исследователь внес весомый вклад в деятельность невско-волжской криминологической школы.

Выводы, сделанные в его работах, весьма значимы для развития представлений о причинах воспроизводства преступности в постсоветской России.

Тезисы, доказанные им в ходе дискуссий, касающиеся криминогенного противоречия, возникающего между коллективным интересом общества и частными интересами экономических

и политических элит, сохраняют свою значимость и в наше время. Профессор прогностически выделял противостояние противоположных экономических интересов как основную угрозу для экономической безопасности государства. Теневая экономика и криминализация экономических отношений, по его мнению, являются прямыми последствиями этих угроз.

Свои негативные оценки роста преступности в экономике России в первое постсоветское двадцатилетие ученый связывал с фактически сложившейся ярко выраженной нелиберальной ее моделью, основанной на принципах экономической идеологии постмодерна. Отмечал, что с началом глобализации, воплощенной в планетарной программе, нелиберальная экономика проявляется в сокращении государственной собственности, отступлении государства от контроля над развитием различных отраслей экономики, а также в отказе от бесплатных услуг, включая сферы образования и здравоохранения. Профессор особо обращал внимание на то, что государство утрачивает роль эффективного «производителя» экономического законодательства. Делал вывод, что криминогенные противоречия между общественными и частными интересами в экономической и политической сферах остаются актуальными, представляют значительную угрозу для экономической безопасности государств, что подтверждается современными тенденциями и изменениями в глобальной экономической системе.

Глубокий научный анализ криминогенных аспектов теневой экономики позволил сделать обоснованное заключение о том, что в первые два десятилетия после ликвидации советской модели общества российское государство сознательно ограничивало действия силовых

структур в борьбе с экономической преступностью. Наряду с рядом криминологов он критически оценивал отмену конфискации имущества как вида уголовного наказания, которое ранее могло применяться без необходимости доказывания преступного происхождения изымаемого имущества.

В качестве одной из экономических мер противодействия преступности профессор считал наделение граждан собственностью как неперемное условие достижения будущего социально-экономического процветания общества и государства. Полагал, что государство обязано вернуть на свой баланс природные ресурсы и обеспечить гражданам право собственности на эти ресурсы, например через рентные платежи из прибыли, полученной от добычи полезных ископаемых. На уровне предприятий, по его мнению, следовало наделить работников участием в собственности на капитал [4, с. 91 – 92; 5, с. 757 – 759].

В начале нового тысячелетия, в 2000 году, Вадим Вячеславович Колесников принял решение о переходе в Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. В этом учебном заведении он в период с 1988 по 1991 год уже имел опыт чтения лекций по фундаментальным аспектам экономической теории для сотрудников прокурорско-следственного аппарата. Следующий этап его карьеры ознаменовался руководством кафедрой философии и социальных наук этого института с 2001 по 2004 год, где профессор внес значительный вклад в развитие гуманитарных исследований. В 2004 году его научные достижения были отмечены назначением на высокую должность проректора по научной работе, которую он успешно занимал до 2006 года, после чего снова принял на себя обязанности руководи-

теля кафедры, специализирующейся на общегуманитарных и социально-экономических дисциплинах.

Это время — наиболее плодотворный период в научной и общественной деятельности В. В. Колесникова. Имея два высших образования, экономическое и юридическое, он явился идеальным кандидатом на повышение профессиональной подготовки на международном уровне в контексте особенностей своей профессиональной деятельности. Научно разрабатывая фактически сложившуюся в те годы неолиберальную модель развития российской экономики, ее теневую сторону, он обратился к опыту зарубежных коллег. Международное сотрудничество правоохранительных органов, обмен опытом и навыками борьбы с нелегальной экономической деятельностью осуществлялись на курсах ФБР (FBI — Федеральное Бюро Расследований), которые были успешно освоены профессором по теме «Экономические и финансовые преступления».

Активно работал в ряде докторских диссертационных советов по экономике по специальности «Экономическая безопасность» (08.00.05), являлся членом редколлегии серии «Политика и право» издательства «Юридический центр Пресс». Диссертационные исследования, проведенные под его руководством, были посвящены тщательному анализу криминальных и теневых экономических процессов, имеющих место в России. На протяжении многих лет он являлся активным участником дискуссий в рамках Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, где неоднократно выступал с ключевыми докладами, заслуживая высокую оценку своих коллег¹.

¹Вадим Вячеславович Колесников опубликовал более 350 научных и учебно-методических трудов, 40 монографий (в соавторстве), 7 учебников (в соавторстве), около

Вадим Вячеславович Колесников ушел из жизни 5 декабря 2020 года в Санкт-Петербурге, до конца своих дней являясь заведующим кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

Вадим Вячеславович Колесников внес значительный вклад в развитие преступноведения. Представил убедительные аргументы в поддержку тезиса о том, что экономическая преступность коррелирует с неолиберальными (отражающими экономическую идеологию постмодерна) подходами к экономическому развитию. Профессор утверждал, что ключевым экономическим инструментом борьбы с преступностью является предоставление гражданам права собственности как основы для благополучного существования.

Научное наследие Вадима Вячеславовича Колесникова имеет непреходящее значение. Выводы и прогностические рекомендации, изложенные в его трудах еще двадцать лет назад, сегодня особенно актуальны, что подтверждается современными конфронтационными

50 статей в рецензируемых научных журналах. Основные научные труды: монография «Экономическая преступность и рыночные реформы: политико-экономические аспекты» (СПб., 1994), монография «Преступность в сфере экономической деятельности» (СПб., 2000; в соавт. с В. М. Егоршиным), главы в коллективных монографиях «Экономическая преступность в современном рыночном хозяйстве» (СПб., 2000; в соавт. с С. В. Степашиным), «Экономическая преступность и политическая коррупция» (СПб., 2001; в соавт. с Б. В. Волженкиным), «Основы экономической криминологии» (СПб., 2003), «Экономическое развитие и преступность» (СПб., 2005), «Экономическая преступность» (СПб., 2007; в соавт. с С. В. Степашиным), «Что такое „криминализация экономики“ и как с ней бороться?» (М., 2011).

тенденциями развития и изменения в глобальной экономической системе. Особая ценность его научных работ состоит в том, что они содержат выверенные разработки практических мер по

снижению преступности в сфере рыночной экономики, дают ценный научный инструментарий для повышения экономической безопасности российской государственности в новейших условиях.

Список источников

1. Янковская Г. Интервью с профессором Вадимом Вячеславовичем Колесниковым // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2010. № 2 (19). С. 39–43.
2. Вадиму Вячеславовичу Колесникову – 60 лет // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 2 (37). С. 13–15.
3. Колесников В. В. Модель национальной экономики, криминал и глобализация // Ученые записки Международного банковского института. Вып. № 8 (2). Актуальные проблемы экономики и инновации в образовании. Т. 2 / под науч. ред. А. С. Харланова. Санкт-Петербург : МБИ, 2014. 254 с.
4. Колесников В. В., Сидоров С. А. Забытый богом рай? : Размышления о нашей судьбе. Ленинград : Лениздат, 1990. 94 с.
5. Колесников В. В. О феномене криминализации в экономической жизни общества и его осмыслении в теории // Экономическая теория на пороге XX века / Акад. гуманитар. наук [и др.] ; под ред. Ю. М. Осипова [и др.]. Москва : Юристъ, 1998. С. 757–759.

Информация об авторах

В. В. Бабаков – доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат исторических наук;

И. Б. Батуева – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

V. V. Babakov – Associate Professor at the Department of humanitarian and social-economic subjects, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (History);

I. B. Balueva – Doctor of Science (History), Professor.

Персоналия ученого
УДК 34

ИГОРЬ ЕВСЕЕВИЧ БЫХОВСКИЙ – УЧЕНЫЙ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

Елена Владимировна ЕЛАГИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, yelagina@bk.ru

Аннотация. В статье рассказывается об известном ученом, докторе юридических наук, профессоре И. Е. Быховском, стоявшем у истоков создания Института усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка при Прокуратуре СССР (в настоящее время – Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации). Уделено внимание не только его научной и преподавательской деятельности, но также и просветительской, в частности по правовому просвещению граждан и профилактике делинквентного поведения.

Ключевые слова: И. Е. Быховский, научное наследие, криминалистика, уголовный процесс, память об ученом

Для цитирования: Елагина Е. В. Игорь Евсеевич Быховский – ученый, преподаватель, человек // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 136 – 142.

Profile of a Scholar

IGOR YEVSEYEVICH BYKHOVSKY – A SCIENTIST, TEACHER, AND HUMAN BEING

Elena V. ELAGINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, yelagina@bk.ru

Abstract. The article explores the life and contribution of I. Ye. Bykhovsky, a distinguished scholar in legal science, who played a key role in the establishment of the Institute for Advanced Training of Prosecutor's Investigators and Protection of Public Order under the USSR Prosecutor's Office (currently St. Petersburg Law Institute (branch) University of the prosecutor's office of the Russian Federation). Attention is paid not only to his scientific and teaching activities, but also to educational, in particular, legal education of citizens and the prevention of tort behaviour.

Keywords: I. Ye. Bykhovsky, scientific heritage, criminalistics, criminal procedure, memory of the scientist

For citation: Elagina E. V. Igor Yevseyevich Bykhovsky – a scientist, teacher, and human being. Criminalist. 2024;4(49):136-142. (In Russ.).

© Елагина Е. В., 2024

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации 17–19 октября 2024 года прошел VI Всероссийский криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Два основных мероприятия форума были посвящены юбилейным датам: научно-практический семинар – 100-летию со дня рождения Игоря Евсеевича Быховского, панельная дискуссия «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы» – 70-летию образования криминалистической службы в прокуратуре СССР. Такое совпадение можно воспринимать как знаковое, поскольку вся научная деятельность ученого была посвящена исследованию отдельных проблем криминалистики и уголовного процесса.

Игорь Евсеевич Быховский (13.08.1924 – 19.01.1988) – доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, почетный работник прокуратуры, орденноносец, автор более 120 научных и иных публикаций – таковы сухие, скупые биографические сведения о человеке, ушедшем из жизни 36 лет назад. Попробуем раскрыть перед читателем личность Быховского – ученого. После окончания войны Игорь Евсеевич учился на юридическом факультете Ленинградского государственного университета, который закончил в 1950 году с отличием. В 1962 году он получил степень кандидата юридических наук после выступления с диссертацией «Соединение и выделение уголовных дел в советском уголовном процессе», а в 1977 году стал доктором юридических наук, защитив диссертацию «Процессу-

альные и тактические вопросы системы следственных действий»¹.

С искренним сожалением, без малейшего намека на иронию, приходится констатировать, что в настоящее время имя и работы И. Е. Быховского «широко известны в узких кругах». Безусловно, ученые, посвятившие себя уголовному процессу и криминалистике, и в первую очередь тактике и этическим проблемам производства следственных действий, а также методам познания, используемым для извлечения и анализа информации в ходе следственного действия, знакомы с работами И. Е. Быховского. Подготовленный под его редакцией и с его непосредственным участием справочник «Осмотр места происшествия», если абстрагироваться от современного арсенала технических средств, которыми располагает, но далеко не всегда пользуется следователь сегодня, можно назвать каноническим, поскольку выполнение изложенных в нем рекомендаций позволяет обеспечить требуемое качество производства как осмотра места происшествия в целом, так и осмотра отдельных объектов, а также фиксации хода и результатов данного следственного действия, гарантируя необходимую полноту, объективность и всесторонность.

Монография «Соединение и выделение уголовных дел в советском уголовном процессе», опубликованная в 1961 году, стала первой в стране фундаментальной научной работой на эту тему и на многие десятилетия определи-

¹ С основными этапами биографии Игоря Евсеевича Быховского и уникальной подборкой фотографий, на которых запечатлены он сам, а также обложки некоторых его публикаций, можно ознакомиться по ссылке: <https://www.procuror.spb.ru/kr1.html>.

ла теоретические и практические подходы в решении этой проблемы.

Формат статьи не предполагает перечисления всех работ ученого, тем не менее полагаю целесообразным напомнить названия некоторых научных публикаций профессора И. Е. Быховского, написанных им как единолично, так и в соавторстве (а значительную часть читателей хотя бы ознакомить): «Методика совершенствования знаний следователей по криминалистике», «Расследование и квалификация преступлений по делам о причинении телесных повреждений», «Всегда ли необходимо доследование при соединении и выделении дел судом?», «Этика проведения следственных действий», «Участие защитника в производстве следственных действий», «Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий», «Сборник образцов уголовно-процессуальных документов». Одной из последних публикаций стала написанная в соавторстве с Р. С. Белкиным и А. В. Дуловым статья «Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления)», опубликованная в журнале «Социалистическая законность» № 9 в 1977 году.

Обращусь к читателям с вопросом: какая из затрагиваемых И. Е. Быховским в публикациях тема не актуальна сегодня? Например, статья «Методика совершенствования знаний следователей по криминалистике» была написана в 1961 году, но применительно к реалиям настоящего времени мы вынуждены говорить не о «совершенствовании», а уже о «приобретении» следователями достаточных криминалистических знаний, кроме того все чаще приходится говорить о дефиците знаний в области криминалистики и у иных правоприменителей, а также о необходимости совершенствования системы приобре-

тения ими и использования в практической деятельности криминалистических знаний [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.].

Этические проблемы проведения следственных действий, участие защитника в производстве следственных действий, процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий остро актуальны и в настоящее время. Конечно, современные условия определяют специфику исследования данных проблем и особенности реализации на практике соответствующих рекомендаций, но не вызывает сомнения, что подходы, сформулированные Игорем Евсеевичем, не только могут, но и должны быть восприняты современным правоприменителем. В качестве примера: каждый ли следователь, прокурор и судья, не задумываясь, ответят на вопросы: «Каково соотношение между протоколом и приложениями к нему, влияют ли приложения на объем содержания протокола и, если да, каким образом?», «Как подходить к оценке результатов следственного действия, если между протоколом и приложениями к нему имеются противоречия?». Позволю себе утверждать, что в учебном пособии «Процессуальные и тактические вопросы применения технических средств при расследовании уголовных дел» [7] профессором И. Е. Быховским даны содержательные ответы на приведенные выше (и многие другие) вопросы.

Отрадно, что научное наследие И. Е. Быховского не забыто. Свидетельством этого является то, что в перечне тем докладов научно-практического семинара в рамках VI Всероссийского криминалистического форума «Санкт-Петербургская школа криминалистики» заявлены: «Вклад профессора И. Е. Быховского в развитие криминалистического учения о тактике следственных действий и его современное значение»; «Творческое наследие проф. И. Е. Бы-

ховского: взгляд из настоящего»; «Игорь Евсеевич Быховский — человек, гражданин и ученый (заметки очевидца)»; «Нравственные начала тактики следственных действий: научное наследие профессора И. Е. Быховского»; «Использование возможностей искусственного интеллекта при выборе тактики расследования преступлений в сфере таможенного дела с учетом наследия профессора И. Е. Быховского»; «Вклад профессора И. Е. Быховского в изучение допустимости тактических приемов производства следственных действий»; «Реализация идей И. Е. Быховского о допустимости тактических средств производства следственных действий в практике расследования преступлений»; «Следственные действия: дискуссионные вопросы в трудах И. Е. Быховского и современная проблематика». Конечно, авторами большинства докладов являются ученые, которые не знали лично профессора, но тем более значимым является то, что они знакомы с его научными работами.

Не менее яркой, чем научная, являлась и преподавательская деятельность Игоря Евсеевича, которая началась в 1959 году на курсах усовершенствования следователей Прокуратуры СССР. В 1966 году И. Е. Быховский принял самое активное участие в создании Института усовершенствования следственных работников органов прокуратуры и охраны общественного порядка при Прокуратуре СССР¹. По воспоминаниям Л. А. Андреевой, «Игорь Евсеевич имел обширный круг знакомых среди как ученых-криминалистов, так и практиков, и это позволяло ему подбирать действительно знающих профессионалов, способных передать свой опыт практикам» [8, с. 316]. В 1966—1985 годах он — преподаватель Института усовершен-

ствования следственных работников, заведующий кафедрой криминалистической тактики и методики расследования преступлений, кафедрой криминалистической техники. Заведующим кафедрой И. Е. Быховский оставался до 1 июля 1985 года, потом до 1988 работал в должности профессора.

Сочетание теоретических знаний, практического опыта, интеллигентности и удивительного чувства юмора, умение преподнести материал — это характеристики не «идеального лектора», а героя данной статьи. Еще раз обращусь к воспоминаниям Л. А. Андреевой: «Занятия Игоря Евсеевича так увлекали слушателей, что им нелегко было переключить внимание на другие дисциплины. Содержание лекций, умение преподнести материал увлекательно — все это делало Игоря Евсеевича Быховского любимцем слушателей. С юмором он относился ко всем трудностям, унывал ненадолго. Даже когда у него случился прямо в Институте инфаркт и слушатели несли его к машине „скорой помощи“ на носилках, он с юмором поучал их, как необходимо эвакуировать раненых с места происшествия» [8, с. 317].

Возможно, кто-то, читая эту статью, задался вопросом об отношении эпитафии к ее содержанию, уместности его использования. Строка из стихотворения Н. А. Некрасова «Сеятелям» использована в качестве эпитафии (в одном из его значений — цитата, помещаемая во главе произведения или его части с целью указать его дух, его смысл) потому, что, направляясь в аудиторию для проведения занятий, Игорь Евсеевич почти каждый раз говорил: «Ну пошел сеять доброе, вечное, по возможности разумное». Этот парафраз, на мой взгляд, в достаточной степени отражает сущность его автора, поскольку своим предназначением И. Е. Быховский

¹ В настоящее время — Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.

считал не «поучение» в ходе учебного процесса, а изложение материала таким образом, чтобы это способствовало пониманию транслируемых им подходов к разрешению практических проблем в повседневной деятельности следователя.

Еще одним важным направлением деятельности профессора И. Е. Быховского было сотрудничество с Ленинградским областным отделением общества «Знание», в котором он руководил секцией по пропаганде знаний о государстве и праве. Он читал лекции во многих городах страны, а также за рубежом. Можно с уверенностью сказать, что выступления Игоря Евсеевича носили не только пропагандистский, но и превентивный характер, поскольку он в доступной форме демонстрировал слушателям взаимосвязанность преступления и ответственности.

Делясь собственным опытом лектора, Игорь Евсеевич опубликовал в журнале «Социалистическая законность» статью «Организация и проведение учебно-методических семинаров следователей».

Уверена, что любой, кому небезразлична история Института, с интересом ознакомился бы с изданием «От преступления — к наказанию (популярно о криминологии, уголовном праве, уголовном процессе и криминалистике)» (1973 г.), авторами которого наряду с И. Е. Быховским выступили Л. А. Андреева, Б. В. Волженкин, О. М. Глотов, а редактором и автором предисловия — Н. С. Алексеев. В сборнике, рассчитанном на широкий круг читателей, в научно-популярной форме рассказывается об основных правовых науках, призванных бороться с преступностью, говорится о праве на необходимую оборону, о действиях граждан в случае обнаружения преступления. Приводится много интересных примеров из следствен-

ной, экспертной и судебной практики. Очевидно, что направленность сборника — правовое просвещение и профилактика совершения правонарушений. Подтверждением этому служит и перечень статей, включенных в сборник: «О криминологии»; «Что изучает криминология?»; «О „прирожденном“ преступнике и „преступной“ хромосоме»; «Как измеряется преступность?»; «Почему и в социалистическом обществе существует преступность?»; «Как становятся преступником?»; «Что способствует отрицательному нравственному развитию личности»; «Конкретная жизненная ситуация. Какова ее роль?»; «О том, что помогает преступнику»; «Алкоголизм и преступность»; «Главное — предупреждение преступлений»; «Об уголовном праве»; «Преступление»; «Наказание»; «Виды наказания»; «Суд приговорил»; «Печальная совокупность»; «Осужден условно, но безусловно осужден»; «Состав преступления. Что это?»; «Субъект преступления — кто он?»; «Виновен!»; «Мост для отступления»; «Соучастие и прикосновенность»; «Необходимая оборона»; «Об уголовном процессе»; «Первое знакомство с Уголовно-процессуальным кодексом»; «...Постановил: возбудить уголовное дело...»; «Кто расследует преступления?»; «Немного о доказательствах»; «Четыре наименования одного лица»; «Чем оканчивается расследование?»; «Суд идет!»; «Осужденный не согласен с приговором»; «А если суд все-таки ошибся?»; «Вновь открывшиеся обстоятельства»; «С помощью советской общественности»; «О криминалистике»; «Криминалистика... Что это такое?»; «Судебная фотография»; «Правда ли, что нет преступления без следов?»; «Судебная баллистика»; «Поддельные документы»; «Можно ли установить характер по почерку?»; «Словес-

ный портрет»; «Место преступления?»; «Допрос»; «Следственный эксперимент»; «Обыск». Очевидная уникальность этого издания в том, что в доступной форме широкому кругу читателей излагаются частные вопросы уголовного права, криминологии, криминалистики и уголовного процесса.

Мало тех, кто помнит, еще меньше тех, кто читал публицистические работы И. Е. Быховского, а их было опубликовано достаточное количество: одна из первых — «За строками протоколов» (1963 г.), последняя — «За чертой закона» (1988 г.). Не погрешу против истины, если позволю утверждать, что целью всех «ненаучных» публикаций было не только реализоваться как автору (соавтору), но и профилировать совершение преступлений. Свидетельством этого может служить цитата из предисловия к опубликованной в 1963 году книге «За строками протоколов»¹: «Сухие строки протоколов... Какой нелегкий труд подчас скрывается за ними! Поиски, надежды, сомнения, разочарования и снова поиски. Поиски, несмотря ни на

что, ибо в конечном счете должна восторжествовать истина, должен восторжествовать закон. Авторы книги не искали запутанных сюжетных историй, удивительных приключений, неожиданных развязок. Они лишь проследили, как небрежность, равнодушие, стяжательство, пьянство делают человека опасным для общества, ведут к тяжелым, часто неправым последствиям. В основе каждой написанной истории — уголовное дело, которое и сейчас лежит где-нибудь в архиве народного суда» [9].

Мероприятия в рамках криминалистического форума, прошедшие в память о И. Е. Быховском, являются первыми, посвященными известным ученым, трудившимся в Институте, за ними последуют иные, поскольку мы будем продолжать отмечать юбилеи наших коллег, к сожалению, ушедших из жизни, но внесших неоценимый вклад в разработку теоретических проблем противодействия преступности.

Имя Игоря Евсеевича Быховского вызывает уважение у специалистов в сфере уголовного процесса и криминалистики.

Список источников

1. Антонов О. Ю., Шепелев С. В. Использование специальных знаний в деятельности органов прокуратуры // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 7. С. 145–158.
2. Буланова Н. В. Использование прокурором криминалистических знаний при осуществлении надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования // КриминалистЪ. 2011. № 2 (9). С. 33–36.
3. Данилова Н. А., Николаева Т. Г. Криминалистика в деятельности прокурора: нонсенс или насущная необходимость? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 9. С. 113–119.
4. Долгинов С. Д. Криминалистические знания — составляющая профессиональной подготовки следователя // Ex jure. 2019. № 2. С. 118–129.
5. Исаенко В. Н. О криминалистической подготовке будущих прокурорских работников // Законность. 2017. № 5. С. 19–23.

¹ Если кого-то заинтересуют рассказы И. Е. Быховского, то прочитать данный сборник можно, воспользовавшись ссылкой: https://bookscafe.net/read/byhovskiy_igor_za_strokami_protokolov-214878.html#p1_TOC_idp1069711344.

6. Елагина Е. В. Обеспечение «преемственности» приобретения и совершенствования криминалистических знаний: высшее образование – практическая деятельность – повышение квалификации // КриминалистЪ. 2022. № 1 (38). С. 150 – 156.

7. Быховский И. Е., Корниенко Н. А. Процессуальные и тактические вопросы применения технических средств при расследовании уголовных дел : учеб. пособие. Ленинград : Прокуратура СССР, Ин-т усовершенствования следств. работников, 1981. 50 с.

8. Андреева Л. А. Игорь Евсеевич Быховский // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Юридические науки». 2007. Т. 20 (59), № 2. С. 316 – 317.

9. Быховский И. Е., Девель А. А. За строками протоколов. Ленинград : Лениздат, 1963. 53 с.

Информация об авторе

Е. В. Елагина – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. V. Elagina – Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ СОБРАНИЙ

Обзорная статья
УДК 34

VI ВСЕРОССИЙСКИЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ФОРУМ «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА КРИМИНАЛИСТИКИ». ОБЗОР НАУЧНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Мария Александровна ГРИГОРЬЕВА

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, mgrek@inbox.ru*

Аннотация. Представлен обзор научно-практического мероприятия «VI Всероссийский криминалистический форум „Санкт-Петербургская школа криминалистики”». Изложены основные тезисы выступлений участников научного мероприятия.

Ключевые слова: И. Е. Быховский, тактика следственных действий, перспективы развития криминалистики, криминалистика, судебная фотография, предмет криминалистики, предварительное расследование, судебная экспертиза, криминалистическое обеспечение, криминалистическая служба, социальная инженерия, информационные системы

Для цитирования: Григорьева М. А. VI Всероссийский криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Обзор научного мероприятия // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 143 – 150.

Review article

VI ALL-RUSSIAN FORENSIC FORUM «ST. PETERSBURG SCHOOL OF CRIMINOLOGY». REVIEW OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL EVENT

Maria A. GRIGORIEVA

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, mgrek@inbox.ru*

© Григорьева М. А., 2024

Abstract. This article presents a review of the scientific and practical event «VI All-Russian Forensic Forum "St. Petersburg School of Criminology"». The key points of the participants' presentation are presented.

Keywords: I. E. Bykhovsky, tactics of investigative actions, prospects for the development of criminology, criminology, forensic photography, subject of criminalistics, preliminary investigation, forensic examination, forensic support, forensic service, social engineering, information systems

For citation: Grigorieva M. A. VI All-Russian Forensic Forum «St. Petersburg School of Criminology». Review of the scientific and practical event // Criminalist. 2024;4(49):143-150. (In Russ.).

17–19 октября 2024 года в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации состоялся VI Всероссийский криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики». Мероприятие, организованное и проведенное кафедрой уголовного процесса и криминалистики Института, включало в себя научно-практический криминалистический семинар «Научное наследие профессора Игоря Евсеевича Быховского и его современная интерпретация (к 100-летию со дня рождения И. Е. Быховского)», панельную дискуссию «Криминалистическое обеспечение уголовного преследования: современное состояние, перспективы, проблемы. К 70-летию образования криминалистической службы в прокуратуре СССР», а также обсуждения на молодежной секции криминалистического форума.

В работе форума приняли участие более 150 человек: представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратур субъектов Российской Федерации, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института, обучающиеся по программе профессиональной переподготовки прокурорских работников, состоящих в резерве кадров для выдвижения на должности прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур; представители Следственного комитета Российской Федерации;

представители судейского сообщества; представители ведущих российских государственных судебно-экспертных учреждений; преподаватели, аспиранты, студенты ведущих юридических вузов России: профессорско-преподавательский состав, аспиранты и студенты Университета прокуратуры Российской Федерации и его филиалов.

Честь открыть научно-практический криминалистический семинар, панельную дискуссию и приветствовать их участников была предоставлена заместителю директора Института кандидату юридических наук, доценту А. А. Сапожкову, отметившему целесообразность и продуктивность проводимых Институтom научных мероприятий прикладного характера, поскольку информация о поднимаемых на них проблемах и о их решении востребована не только учеными, но и правоприменителями. В своем выступлении А. А. Сапожков акцентировал внимание на важности проведения мероприятий, посвященных памяти ведущих ученых Института, многие из которых были ветеранами Великой Отечественной войны. Заместитель директора Института отметил, что кафедра уголовного процесса и криминалистики и криминалистическая лаборатория бережно относятся к научному наследию Института, чтут сложившиеся традиции.

Заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Института кандидат юридических наук, доцент Е. Б. Серова во вступительном слове подчеркнула важность и актуальность

вопросов, планируемых к обсуждению на научно-практических мероприятиях, и пожелала участникам плодотворной и интересной работы.

Участники научно-практического семинара выступили с докладами, посвященными творческому наследию профессора И. Е. Быховского, его вкладу в развитие криминалистического учения, нравственным началам тактики следственных действий; перспективам развития криминалистики как науки и учебной дисциплины; современным проблемам производства следственных действий и фиксации их хода и результатов; использованию искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве; результатам использования возможностей биологической лаборатории при организации взаимодействия в процессе раскрытия и расследования преступлений; этапам становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры; криминалистическим аспектам применения инспекционно-досмотровых комплексов при таможенном контроле; особенностям применения фотосъемки при производстве следственных действий; функциям следователей-криминалистов в моделях получения сведений из информационных систем и многому другому.

Обращаем внимание читателей на отдельные выступления, вызвавшие особый интерес у участников научно-практического семинара и панельной дискуссии.

Профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, профессор С. А. Ялышев выступил с докладом «Игорь Евсеевич Быховский — человек, гражданин и ученый (заметки очевидца)». Докладчик рассказал о профессиональном и жизненном пути профессора И. Е. Бы-

ховского, о личных и профессиональных качествах этого выдающегося ученого, в том числе о курьезных случаях из его профессиональной жизни. Отметил, что было большой честью знать этого Человека и работать с ним. Заявил о важности сохранения традиций.

Старший государственный судебный эксперт, магистр физики Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации И. С. Сипаров и государственный судебный эксперт Северо-Западного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации М. Г. Лаврентюк выступили с докладом «Актуальные проблемы судебной криминалистической экспертизы видеозаписей: исходность видеоматериалов как залог результативности экспертного исследования». Рассказали о задачах, возможностях криминалистической экспертизы видеозаписей, продемонстрировали фрагменты заключений экспертов. Акцентировали внимание на требованиях к объектам, представляемым на исследование. Проанализировали типичные следственные ошибки, допускаемые при назначении указанного вида экспертизы. Резюмировали необходимость взаимодействия со следователями в части предоставления оригинальных исходных материалов, что является залогом результативности исследования.

Профессор В. Н. Исаенко выступил с докладами «Вклад профессора И. Е. Быховского в развитие криминалистического учения о тактике следственных действий и его современное значение» и «Отдельные этапы становления и развития криминалистической службы в органах прокуратуры». Отметил важность празднования вековых юбилеев ведущих ученых Университета прокуратуры Российской Федерации, в том числе его Санкт-Петербургского филиала. Расска-

зывая об И. Е. Быховском, В. Н. Исаенко отметил высокое качество его педагогической, учебно-методической и научной деятельности. В ходе выступления были проанализированы некоторые труды И. Е. Быховского, в которых, в частности, он акцентировал внимание на обязанности следователя тщательно анализировать полученные в результате производства следственных действий данные, сопоставляя их с данными из других материалов уголовного дела, рассматривал вопросы допустимости тактических приемов и пр. Подытожил В. Н. Исаенко свое выступление бесспорным тезисом, что И. Е. Быховский входит в плеяду ученых-криминалистов, создававших и развивавших отечественную криминалистическую науку, формировавших Санкт-Петербургскую школу криминалистики, а его труды являются ценным вкладом в отечественное криминалистическое и уголовно-процессуальное научное наследие.

В рамках панельной дискуссии об этапах становления и развития криминалистической службы В. Н. Исаенко рассказал о предпосылках возникновения службы прокуроров-криминалистов в следственном аппарате отечественной прокуратуры; о создании кабинетов криминалистики и появлении постоянно действующих курсов по переподготовке следователей; об установлении в следственных аппаратах Прокуратуры СССР, прокуратур республик, краев, областей и городов союзного значения должности прокурора-криминалиста с закреплением за ним ряда функций, выполнение которых способствовало бы повышению уровня следственной работы, о стажировках и совещаниях прокуроров-криминалистов, о расформировании в 1992 году отдела криминалистики Прокуратуры СССР и создании методико-криминалистического отдела при управлении по расследованию осо-

бо важных дел и отдела криминалистики управления по надзору за следствием и дознанием Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Докладчик отметил, что в настоящее время в системе Следственного комитета России действуют следователи-криминалисты, во многом продолжающие строить свою работу на подходах и традициях, сформированных в службе прокуроров-криминалистов органов прокуратуры. Свое выступление В. Н. Исаенко завершил обоснованным утверждением, что прокурору необходимы знания об использовании в расследовании технико-криминалистических средств, возможностей судебных экспертиз, систем уголовной регистрации и других прикладных рекомендаций криминалистики и что целесообразно, чтобы в штатах организационно-методических подразделений управлений и отделов по надзору за процессуальной деятельностью органов расследования соответствующих прокуратур действовал сотрудник, ответственный за данный участок работы.

Начальник Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области полковник полиции В. Н. Москаленко в докладе «О результатах использования возможностей биологической лаборатории при организации взаимодействия по раскрытию и расследованию преступлений» обратил внимание на практические проблемы производства генетических исследований: на ненормированный режим работы экспертов-генетиков; необеспечение геномной регистрации всех лиц, обязательность генотипирования которых предусмотрена законодательством Российской Федерации. Тезисы были проиллюстрированы интересными примерами из следственно-экспертной практики.

Профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия доктор юридических наук, профессор О. В. Чельшева в своем выступлении о перспективах развития криминалистики как науки и учебной дисциплины отметила, что работы И. Е. Быховского были посвящены тактике традиционных следственных действий. В настоящее время исследование традиционных следов проводится реже на 20 %, чем раньше, криминалистическая тактика в каком-то смысле отошла на задний план, научных работ по тактике следственных действий год от года все меньше. О. В. Чельшева обратила внимание, что большинство работ И. Е. Быховского представляют собой учебно-практические пособия, где без лишних теоретических изысканий представлены основные правила, приемы, доказавшие свою жизнеспособность и значимость. В настоящее время существует дефицит таких работ, в то время как они весьма востребованы. Современная криминалистика уходит «в какую-то технологию», тактика же представляет собой определенную рефлексию, «кто кого переигрывает», «это не просто инструкции». О. В. Чельшева констатировала наличие сложностей при подготовке научных публикаций, посвященных тактике следственных действий, поскольку практически невозможно найти эмпирический материал по использованию тактических рекомендаций, так как в протоколах следственных действий не отражаются тактические приемы. Да, конечно, есть личный опыт исследователя, но обычно он весьма ограничен. На взгляд О. В. Чельшевой, уместно использовать при проведении таких исследований экспериментальную базу (тезис проиллюстрирован примером диссертации докладчика). В заключение отмечено, что востребовано массовое преобразова-

ние современных научных разработок в удобные, понятные учебно-практические пособия, адресованные и ученым, и студентам, и практическим работникам.

Заместитель директора Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии доктор технических наук, доцент, магистр юриспруденции П. Н. Афонин представил доклад на темы «Использование возможностей искусственного интеллекта при выборе тактики расследования преступлений в сфере таможенного дела с учетом наследия профессора И. Е. Быховского» и «Криминалистические аспекты применения инспекционно-досмотровых комплексов при таможенном контроле». В первом выступлении прозвучало, что быстрая смена технологических укладов, мировой прогресс электроники, микроэлектроники естественным образом определяют усложнение как самих объектов преступлений в сфере таможенного дела, так и условий их совершения, обуславливая необходимость применения соответствующих адекватных уровню угроз технологий, дающих возможность реализовать ставшие классическими методы и средства расследования преступлений, основы которых были заложены профессором И. Е. Быховским. П. Н. Афонин отметил особое значение выбора и использования технических средств выявления и фиксации следов таможенных преступлений, а также технологий интеллектуальной обработки информации. Докладчиком обоснована необходимость внедрения в деятельность подразделений, осуществляющих выявление и расследование таможенных преступлений, интеллектуальных информационных технологий; наглядно продемонстрирован арсенал технических средств таможенного контроля, перспективные технологии; в качестве направления повышения эффективности противо-

действия таможенным преступлениям рассмотрены алгоритмы анализа текстового контента.

Во втором докладе П. Н. Афонин отметил, что развитие технологий рентгеновского сканирования объектов в интересах осуществления таможенного контроля является ключевым направлением повышения эффективности деятельности таможенных органов. Авторские разработки ориентированы на применение инспекционно-досмотровых комплексов (ИДК) различных типов. Отмечено, что формирование методологического и методического базиса распознавания образов, формируемых с помощью ИДК изображений, весьма актуально. Продемонстрированы рентгеновские изображения с использованием скрытого сканирования. В заключение были сформулированы задачи повышения эффективности применения данного оборудования.

Старший эксперт 11 отдела (компьютерных, радиотехнических, фото и видеотехнических экспертиз) Экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области Э. С. Пуманэ в своем выступлении «Судебная компьютерная экспертиза» отметила актуальность данного направления исследований, детерминированную повсеместностью гаджетов. Обратила внимание слушателей на нормативную базу и принципы экспертных исследований данного вида. Назвала объекты судебной компьютерной экспертизы, в том числе такие, как БПЛА. Рассказала о современных возможностях судебной компьютерной экспертизы. К числу ошибок при назначении экспертизы докладчик отнесла: общий характер вопросов; направление на экспертизу объектов, не содержащих имеющую значение для уголовного дела информацию; некорректные вопросы в отношении объектов

определенного типа; постановку вопросов правового, справочного характера, а также вопросов, не относящихся к компетенции эксперта. Докладчик акцентировала внимание участников мероприятия на особенностях упаковки объектов, направляемых на судебно-компьютерную экспертизу, а также обосновала необходимость осмотра объектов перед направлением их на экспертное исследование.

Старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева кандидат юридических наук, доцент С. В. Валов представил доклад на тему «Функции следователей-криминалистов в моделях получения сведений из информационных систем». Автор сообщил, что информационные системы не указаны законодателем как источник сведений для уголовного судопроизводства. Вместе с тем объем информации в этих системах неуклонно растет. Естественно, встает вопрос, как использовать эту информацию. Следственный комитет Российской Федерации постоянно расширяет направления, формы и методы взаимодействия с операторами информационных систем, в которых они накапливают и обрабатывают сведения, потенциально востребованные в уголовном судопроизводстве. Следователи могут получить информацию из информационных систем непосредственно и опосредованно (через следователей, дознавателей, специалистов, представителей операторов информационных систем и др.). По правовому основанию докладчик выделил следующие виды моделей получения следователями сведений из информационных систем — уголовно-процессуальные и договорные; по степени упорядоченности — централизованные и децентрализованные; по виду технологии передачи запро-

са и получения ответа — архаичные, традиционные, высокотехнологичные и комбинированные. По уровням выполнения возложенные на следователей-криминалистов типовые функции в нормативных и реальных моделях получения следователями сведений из информационных систем подразделены на реализуемые на федеральном и региональном уровнях. По правовым основаниям все реализуемые следователями-криминалистами функции подразделены на выполняемые: 1) в соответствии с организационно-распорядительными актами Следственного комитета России или подразделений его центрального аппарата; 2) в соответствии с организационно-распорядительными актами руководителей следственных органов Следственного комитета России по региону; 3) в соответствии с договорами (соглашениями) об информационном взаимодействии и обмене информацией в электронном виде с операторами информационных систем.

Прокурор отдела по надзору за исполнением федерального законодательства, за оперативно-разыскной и процессуальной деятельностью управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Западному федеральному округу А. В. Резцов выступил с докладом «Фотосъемка при производстве следственного действия: вопросы практического применения». Докладчиком проанализирована правоприменительная практика фотофиксации хода и результатов следственных действий. Указаны многочисленные ошибки, допускаемые при фотофиксации (продемонстрирован иллюстративный материал). Приведенные доводы позволили докладчику сделать вывод о том, что у следователей отсутствует единообразное понимание порядка производства следственных действий без привлечения понятых, а также требований к протоколам

этих следственных действий и приложений к ним. Автор полагает, что науке криминалистике следует обратить внимание на разработку тактических приемов фотофиксации хода и результатов следственных действий.

Старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского государственного университета Е. А. Гамбарова посвятила свое выступление криминалистическим аспектам использования информации из социальных сетей в социальной инженерии. Автор констатировала отсутствие должной степени научной разработанности проблем социальной инженерии. Е. А. Гамбарова обратила внимание участников научного мероприятия, что в настоящее время информация в области социальной инженерии доступна весьма широкому кругу лиц. В ходе выступления проанализированы основные приемы социальной инженерии: создание чувства срочности; иллюзия авторитета; манипуляции на эмоциях; социальные доказательства; создание доверительных отношений; манипуляции через эксклюзивность; снятие ответственности; манипуляции на человеческой жадности; использование человеческой невнимательности. Уделено внимание этапам жизненного цикла социальной инженерии: изучение, контакт, ведение и выход. Автором констатирована необходимость просветительской работы, повышения уровня образования населения в сфере кибербезопасности.

Доцент кафедры криминалистики Воронежского государственного университета кандидат юридических наук, доцент М. В. Горский осветил проблемы «полевой криминалистики» на современном этапе, ошибки при обнаружении и изъятии следов преступлений, а также при выполнении дополнительной фиксации хода и результатов

следственных действий. Отметил необходимость развития возможностей исследования следов на месте происшествия и законодательного закрепления этих возможностей.

Отметим, что освещенное в статье мероприятие является первым посвященным юбилею ведущих ученых Института и открывает цикл подобных научных событий. VII Криминалистический форум будет посвящен 100-ле-

тию со дня рождения одного из первых преподавателей Института, участника Великой Отечественной войны, доктора юридической наук, профессора Г. А. Густова. Обращаем внимание читателей, что с текстами докладов и выступлений можно будет ознакомиться в сборнике материалов по итогам работы Криминалистического форума, размещенном на сайте Института.

Информация об авторе

М. А. Григорьева – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

M. A. Grigorieva – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Обзорная статья
УДК 34

ОБЗОР III ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ»

Николай Валентинович КУЛИК¹, Дмитрий Анатольевич СЫЧЕВ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ kulik-n@mail.ru,

² ds999rus@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности». Изложены основные положения докладов ведущих ученых, выступивших на конференции.

Ключевые слова: уголовный процесс, научно-практическая конференция, исследования

Для цитирования: Кулик Н. В., Сычев Д. А. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Уголовный процесс: от истоков к современности» // КриминалистЪ. 2024. № 4 (49). С. 151 – 159.

Review article

REVIEW OF THE III ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE «CRIMINAL PROCEDURE:
FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT»

Nikolay V. KULIK¹, Dmitry A. SYCHEV²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ kulik-n@mail.ru,

² ds999rus@rambler.ru

Abstract. The article presents a review of the III All-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the present». The key points of the participant's presentation are outlined.

Keywords: criminal proceedings, scientific and practical conference, research

For citation: Kulik N. V., Sychev D. A. Review of the III all-Russian scientific and practical conference «Criminal procedure: from the origins to the present». Criminalist. 2024;4(49):151-159. (In Russ.).

В Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации 25 сентября 2024 года состоялась III Все-

© Кулик Н. В., Сычев Д. А., 2024

российская научно-практическая конференция «Уголовный процесс: от истоков к современности». Она была посвящена исследованию широкого спектра вопросов и проблем уголовно-процессуальной сферы, связанной с поддержанием государственного обвинения.

В работе конференции приняли участие практические работники органов прокуратуры, члены судейского сообщества, представители ведущих юридических вузов России: Института государства и права Российской академии наук, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Балтийского федерального университета имени И. Канта, Воронежского государственного университета, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург); Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А. Я. Сухарева; Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, Восточно-Сибирского института МВД России и других органов и организаций, а также профессорско-преподавательский состав филиалов Университета прокуратуры Российской Федерации, аспиранты, слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Института.

В ходе научно-практической конференции были представлены доклады, посвященные актуальным вопросам поддержания государственного обвинения и функционирования прокурора в уголовном судопроизводстве, в которых предпринята попытка определить пути дальнейшего изучения и развития этой важной области, а также способы совершенствования уголовно-процес-

суального законодательства и практики его применения.

Участники конференции с большим интересом и увлечением обсудили предложенные идеи и договорились продолжить научные исследования, чтобы как можно скорее найти решение обозначенных проблем.

Особый интерес вызвали доклады известных ученых-процессуалистов Н. А. Даниловой, Л. В. Бертовского, С. Б. Россинского, Н. П. Кирилловой, Н. А. Назыровой, Ю. Б. Самойловой, С. В. Страховой, Е. В. Сидоренко, О. Ю. Ватутиной, специалистов-практиков Г. К. Жукова, С. А. Самолетова, А. С. Суходолова, С. В. Якушевой и др. Широко была представлена молодежная секция конференции, в работе которой приняли участие аспиранты и студенты различных вузов.

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент Е. Б. Серова, открывая работу конференции, подчеркнула важность комплексного подхода при исследовании проблем поддержания государственного обвинения и выразила надежду, что высказанные участниками конференции предложения найдут свое отражение как в законодательной деятельности, так и в правоприменительной сфере.

С пленарным докладом на тему: «Размышления у „парадного подъезда“ уголовного судопроизводства» на конференции выступила профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор Н. А. Данилова. В докладе был представлен онтологический анализ такого ключевого, основополагающего для уголов-

ного процесса феномена, как уголовное дело. Данное словосочетание в разных аспектах довольно часто встречается в уголовно-процессуальном законе и является базовым. Выступающим было особо отмечено, что в уголовном процессе все ключевые процессуальные решения принимаются на основе материалов уголовного дела и ни одно из них не может быть принято без опоры на материалы уголовного дела.

Н. А. Данилова проанализировала результаты анкетирования, проведенного среди обучающихся в Институте слушателей факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации, а также студентов старших курсов. Цель анкетирования заключалась в том, чтобы выяснить, как обучающиеся понимают суть уголовного дела и какие его основные характеристики считают наиболее значимыми.

Представленные автором доклада выводы свидетельствуют о том, что анкетированные неоднозначно воспринимают это явление, что приводит к размыванию его концептуального содержания и акцентированию внимания лишь на некоторых аспектах уголовного дела (либо как совокупность соответствующих материалов, либо как процесс расследования преступления).

Профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор Л. В. Бертовский в своем выступлении «Искусственные интеллектуальные системы и проблемы оценки доказательств» обозначил перспективы развития уголовного судопроизводства и подходов к оценке доказательств, которые связаны с научно-технической революцией и развитием высоких технологий. Особое внимание им было обращено на технические трудности, связанные с автоматизацией и последующей цифровизацией процесса оценки доказа-

тельств. В частности, выступающий отметил, что для того, чтобы машина могла проанализировать соответствующие данные, их необходимо преобразовать в «машиночитаемый» формат, а результат обработки – в «человекочитаемый». В своем выступлении профессор Л. В. Бертовский подчеркнул, что в процессах, связанных с использованием искусственного интеллекта, ключевая роль должна принадлежать человеку. Человек должен контролировать работу машины в рамках уголовного судопроизводства. Если же машина будет принимать решения вместо человека, то у последнего должна быть возможность оспорить это решение. Машина должна предоставлять весь логический путь, по которому она пришла к своим выводам, включая все рассуждения на основе предоставленной информации. Этот путь должен быть понятен и доступен для контроля со стороны человека.

В свете стремительного развития технологий искусственного интеллекта и их активного внедрения в уголовный процесс докладчик предложил теоретическую модель, основанную на сочетании формального и свободного подходов к оценке доказательств. По его мнению, в ходе анализа конкретного уголовного дела машинный анализ имеющихся доказательств предоставляется как стороне обвинения, так и стороне защиты. Представители обеих сторон оценивают эти результаты, опираясь на свои собственные представления и выводы. Затем эти оценки передаются судье, который, изучив их, формирует окончательную позицию по делу, решает вопрос о виновности или невиновности лица и, при необходимости, назначает ему наказание.

В заключение автор отметил, что процесс цифровизации набирает обороты, и всем, в том числе государственным органам, представляющим интересы государства в суде, необходимо быть

готовыми к работе в новых условиях и по новым принципам.

Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктор юридических наук, профессор С. Б. Россинский в своем докладе «Обвинительное заключение: мнимые и подлинные процессуальные смыслы» обратил внимание на условия и подходы, которые были использованы молодой советской властью при создании основ новой уголовной юстиции. Он провел параллели с сегодняшним днем, когда накопленные знания пытаются адаптировать к новой реальности, а выработанные понятия применять в изменившихся условиях. На взгляд докладчика, советская юстиция начала развиваться в сторону административизации, что закономерно отразилось на написании уголовно-процессуального кодекса, который превратился в бюрократическую инструкцию. Аналогичные изменения произошли и с таким ключевым понятием, как обвинительное заключение, которое утратило свой первоначальный смысл, вложенный в него законодателем до революции. Обвинительный акт не был возвращен после революции, и те смыслы, которые вкладывали в него до-революционные юристы, были утрачены. Прокурор перед направлением дела в суд составлял обвинительный акт и нес за него полную ответственность. Этот документ не был просто копией итогового постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Его смысл был иным. К сожалению, современное обвинительное заключение потеряло свою истинную сущность. В завершение своего выступления профессор С. Б. Россинский констатировал, что необходимы новые подходы к формированию обвинительного заключения, изменения в законодательстве и правоприменительной практике, которые позволят повысить

эффективность деятельности прокурора в суде.

Выступление профессора кафедры уголовного процесса и криминологии Санкт-Петербургского государственного университета доктора юридических наук, профессора Н. П. Кирилловой было посвящено участию государственного обвинителя в упрощенных формах уголовного судопроизводства, которые требуют от участвующего в процессе прокурора особого внимания.

В начале доклада было отмечено, что с момента возникновения в отечественном уголовном процессе данного института процедура особого порядка судебного разбирательства как в научной среде, так и среди правоприменителей оценивается не всегда однозначно и более того — иногда порождает прямо противоположные точки зрения на различные ее аспекты. Дискуссии возникают как по поводу необходимости существования такой формы уголовного судопроизводства, так и о порядке и условиях ее реализации.

В своем докладе Н. П. Кириллова привела ряд практических примеров, наглядно продемонстрировав некоторые проблемы, с которыми сталкиваются на практике прокуроры, и несовершенство правовой конструкции данного института.

Подчеркнула, что для минимизации процессуальных рисков, связанных с использованием особого порядка судебного разбирательства, важно уже на этапе предварительного расследования формировать позицию относительно возможности рассмотрения дела в таком формате. Это связано с необходимостью выяснения всех обстоятельств, которые имеют значение для объективного рассмотрения уголовного дела, правильной квалификации деяния и назначения справедливого наказания виновному. Поскольку рассмотрение уголовного дела в особом порядке и принятие су-

дебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением невозможно при возражении со стороны государственного обвинителя, на нем не в меньшей степени лежит груз ответственности за правильное разрешение уголовного дела, соблюдение процессуальных прав и гарантий участников уголовного судопроизводства, чем на председательствующем судье. В заключение Н. П. Кириллова отметила, что как надзирающему прокурору, так и государственному обвинителю следует четко понимать суть и смысл оснований применения такого порядка судебного разбирательства, а равно препятствий для его применения.

Профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, доцент С. Л. Кисленко представил доклад на тему: «Формирование концепции модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения как индикатор совершенствования практики деятельности органов уголовного преследования в рамках досудебного и судебного производства по уголовным делам».

Выступающий, в частности, отметил, что прикладной потенциал криминалистической науки давно вышел за пределы нужд досудебного производства, а ее рекомендации востребованы в рамках судебного исследования доказательств. Данное обстоятельство послужило основанием для перспективных разработок в области тактического и методического обеспечения деятельности прокурора, реализующего обвинительную позицию в суде. В своем докладе автор исследовал перспективы формирования в рамках криминалистической науки модульных криминалистических методик расследования и поддержания государственного обвинения и представил свою точку зрения на возможные варианты развития

такого направления в рамках криминалистической теории. Были приведены аргументы в пользу преимущества модульного подхода в формировании криминалистической деятельности

В докладе «Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основания отмены судебных решений в кассационном порядке» заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент С. В. Страхова проанализировала судебную практику принятия решений судами первой, апелляционной и кассационной инстанций о прекращении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), в связи с примирением сторон, а также практику Верховного Суда Российской Федерации по отмене незаконных, необоснованных, немотивированных судебных решений по уголовным делам данной категории. Автором предложены рекомендации прокурорам, принимающим участие в судах первой и апелляционной инстанций, направленные на формирование судебной практики по принятию решений о прекращении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 264 УК РФ, основанной на требованиях закона, с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, положений постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Доцент кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации кандидат

юридических наук М. Ф. Мингалимова в своем выступлении осветила вопрос о возможной передаче роботизированной программе функции поддержания обвинения в суде и пришла к выводу о невозможности передачи функции поддержания обвинения роботизированной программе в силу ряда веских оснований и причин. В то же время использование искусственного интеллекта в качестве вспомогательного средства при выполнении прокурором своих процессуальных функций в суде будет крайне продуктивным.

Конференция продолжилась выступлением Г. К. Жукова, заместителя начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры Новгородской области, кандидата юридических наук, который посвятил его поддержанию государственного обвинения в составе группы государственных обвинителей.

Автор отметил, что сильным импульсом к развитию рассматриваемой формы поддержания обвинения стали проведенные при активном участии СССР по итогам Второй мировой войны международные судебные процессы в отношении главных военных преступников, занимавших ключевые посты в военном и бюрократическом аппарате нацистской Германии и милитаристской Японии. Данный опыт, безусловно, имел большое значение — ведь он был приобретен в ходе важнейших в истории человечества судебных процессов и не мог не повлиять на развитие как уголовного правосудия в целом, так и форм и методов осуществления прокурорами как носителями обвинительной власти уголовного преследования.

Анализируя положения уголовно-процессуального закона, автор обоснованно отмечает, что применительно к досудебному производству законодатель с высокой степенью детализации регламентировал, каким образом должно производиться предварительное

следствие следственной группой — как распределяются полномочия между членами группы, какие процессуальные решения могут быть приняты исключительно ее руководителем.

Соответственно, и применительно к осуществлению уголовного преследования в судебных стадиях необходимо наполнить конкретным содержанием компетенцию руководителя группы, предусмотреть варианты распределения обязанностей между руководителем и членами группы государственных обвинителей. В заключение своего доклада Г. К. Жуков сформулировал ряд предложений, направленных на законодательное совершенствование данного института.

Дискуссионная часть конференции была отмечена выступлениями практикующих специалистов, среди которых можно особо отметить выступление судьи Херсонского областного суда А. С. Суходолова и помощника прокурора Бахчисарайского района Республики Крым И. А. Суходоловой, которое было посвящено актуальным вопросам публичного и частного обвинения в уголовном судопроизводстве.

Так, в практике судопроизводства встречаются случаи переквалификации деяния с преступления, уголовное преследование по делу о котором осуществляется в публичном порядке, на преступление, уголовное преследование по делу о котором осуществляется в частном порядке.

Как следствие, возникают как теоретические вопросы трансформации вида уголовного преследования с публичного (частно-публичного) порядка на частный, так и практические вопросы о поддержании государственного обвинения по таким делам. Решение данной задачи крайне важно в целях достижения компромисса между интересами и потребностями личности и общества.

Одной из проблем реализации начал законности в деятельности суда по таким делам является бездействие частного обвинителя по причине неспособности выдвигать и поддерживать обвинение вследствие юридической неграмотности, отсутствия необходимых организационных, материальных и иных ресурсов, что подчиняет суровую силу закона соображениям неправового характера. Например, по одному из уголовных дел действиям подсудимого изначально была дана правовая оценка по п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, но в процессе рассмотрения уголовного дела судом первой инстанции его действия были переквалифицированы на ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения), рассмотрение дела было продолжено в частном порядке и прекращено в связи с неявкой частного обвинителя (уголовное дело № 1-205/2017, рассмотренное Киевским районным судом г. Симферополя Республики Крым). Другой пример связан с переквалификацией действий осужденного с п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ в суде кассационной инстанции на ч. 1 ст. 158 УК РФ и ст. 116 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ) (дело частного обвинения), при этом уголовное дело по ст. 116 УК РФ прекращено на основании п. 5 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) за отсутствием заявления потерпевшего (Кассационное определение от 3 июня 2015 года № 69-УД15-11 Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации).

Одновременно встречаются случаи переквалификации обвинения с публичного на частное с сохранением публичного порядка уголовного преследования. Так, действия осужденного судом апелляционной инстанции были переквалифицированы с пп. «а», «б» ч. 3

ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 112 УК РФ и ч. 1 ст. 115 УК РФ (дело частного обвинения) (Апелляционное определение Московского городского суда от 15 мая 2023 года по делу № 10-7826/23).

Как видно из приведенных примеров, вопросы переквалификации обвинения с публичного на частное судебной практикой решаются по-разному. В одних случаях суды допускают сохранение публичного порядка уголовного преследования при вышеназванном изменении квалификации, в других — сохранение такого порядка считают невозможным. В последнем случае становится возможным на законных основаниях уклонение виновных от ответственности за совершенные преступления по той лишь причине, что потерпевший (частный обвинитель) не явился в судебное заседание. Изложенное закономерно противоречит интересам уголовного судопроизводства, сформулированным в ст. 6 УПК РФ.

Неоднозначную позицию правоприменителей вызывают и случаи, когда уголовное дело, возбужденное в публичном порядке, в результате переквалификации на стадии расследования переводится в категорию дел частного обвинения, однако уголовное преследование продолжается в публичном порядке, несмотря на отсутствие предусмотренных ч. 4 ст. 20 и ч. 3 ст. 318 УПК РФ оснований.

Данная правоприменительная проблема была поднята в жалобе обратившегося в Конституционный Суд Российской Федерации гражданина Фленова И. В., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, по уголовному делу которого проводилось дознание.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ, считаются уголовными де-

лами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ. Вместе с тем согласно ч. 4 ст. 20, ч. 3 ст. 318 УПК РФ по уголовному делу частного обвинения может производиться предварительное расследование, по результатам которого дело рассматривается в суде как уголовное дело публичного обвинения, что не может расцениваться как нарушение прав обвиняемого.

Имеющаяся судебная практика и состоявшееся решение Конституционного Суда Российской Федерации демонстрируют назревшую необходимость нормативно регламентировать порядок принятия решения о переквалификации по делам такого рода, который до настоящего времени в действующем уголовно-процессуальном законодательстве не определен. Решение создавшейся неопределенности выступающими видится во введении в действующее уголовно-процессуальное законодательство следующего правила: если органом предварительного расследования, прокурором, судом в действиях подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного установлены признаки преступления, отнесенного уголовным законом к категории дел частного обвинения, уголовное преследование, включая обвинение в суде, продолжается в публичном порядке.

Заместитель прокурора Курской области С. Н. Самолетов выступил на тему: «Изменение прокурором обвинения в суде: современная модель и перспективы ее совершенствования в российском уголовном процессе». Автор акцентировал внимание слушателей на до конца не разработанной в УПК РФ процедуре отказа от обвинения прокурором в суде, недостаточной проработке в доктрине уголовного процесса соотношения понятий «отказ от обвинения» и «пре-

ращение уголовного преследования». Проблемы в правоприменении связаны с возможностью внесения прокурором изменений в описание фактических обстоятельств происшествия без изменения квалификации (например, таких, как время и место совершения преступления, перечень телесных повреждений, наименование похищенного имущества, в частности его модель), а также исправления прокурором технических ошибок, опечаток, допущенных органами предварительного расследования при формулировании обвинения. Недостаточно изученным представляется механизм изменения прокурором обвинения, в частности изменения обвинения в ходе предварительного расследования либо в досудебном производстве. Обвинение фиксируется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого либо в обвинительном акте, обвинительном постановлении, в суде, как правило, в форме ходатайства, однако единого подхода нет. В заключение выступления автор делает вывод о необходимости расширения круга полномочий прокурора в суде первой инстанции по поддержанию обвинения в уголовном процессе.

В выступлении заместителя прокурора Сухиничского района Калужской области С. В. Якушевой была подчеркнута особая роль государственного обвинителя и в досудебных стадиях, где он выступает своеобразным «экспертом» предварительного восприятия собранных доказательств судом, и в судебном разбирательстве, где приходится оперативно реагировать на вброс сомнительных доказательств стороной защиты.

Так, в ходе рассмотрения в Сухиничском районном суде Калужской области уголовного дела по обвинению В. А. по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 291, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 291.2 УК РФ, В. М. и И. А. по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 3 ст. 291.1 УК РФ адвокатами по уголовному делу

была выбрана позиция защиты, выражающаяся в представлении суду доказательств, которые бы указывали на невыносимые условия отбывания наказания в исправительной колонии В. А., что и вынудило последнего совершить особо тяжкое преступление, и которые, по утверждению адвокатов, оправдывали В. А. в содеянном.

С этой целью суду были представлены свидетели С. и О., указывавшие на якобы имевшие место нарушения содержания в отношении В. А. Государственным обвинителем было установлено, что заявленные защитой свидетели обладают аффилированностью по отноше-

нию к подсудимому, доказательства чего были представлены суду. Судом вынесен обвинительный приговор.

Предложенные докладчиками направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства и практики его применения вызвали оживленную дискуссию и интерес участников мероприятия. Ряд новаций и идей, предложенных в ходе работы конференции, надеемся, будут положены в основу совершенствования уголовно-процессуального законодательства и станут предметом дальнейших научных исследований.

Информация об авторах

Н. В. Кулик – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Д. А. Сычев – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. V. Kulik – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D. A. Sychev – Associate Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Candidate of Science (Law).

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЫБОР УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

ЧИТАЙТЕ В КАЖДОМ НОМЕРЕ:

- ◆ ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ
- ◆ НАУЧНЫЕ ОТКРЫТИЯ
- ◆ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции:

123022, г. Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

8 (499) 256-71-51

E-mail: vest@msk.rsnet.ru

Индекс в подписном агентстве
«Урал-Пресс»: 82370.

ОТДЕЛЬНЫЕ СТАТЬИ ЖУРНАЛА ПУБЛИКУЮТСЯ НА ПОРТАЛЕ
СПРАВОЧНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ «КОНСУЛЬТАНТПЛЮС».